

№12

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Фируз МУСТАФА. Подвал на крыше. Пьеса	3
АНАР. Пропустивший поезд Рассказ	35
Мубариз ДЖАФАРЛИ. Америка. Рассказ	39
Лейла ТАРИВЕРДИЕВА. Эксперимент. Повесть	43
Елена АНДРЕЕВА. Повторная жизнь. Рассказ	95
Ширин МАНАФОВ. Я должен убить Чеснока. Рассказ	113

ПОЭЗИЯ

Азер ЭФЕНДИ. <i>Стихи</i>	24
Ляман БАГИРОВА. <i>Стихи</i>	112

ПУБЛИЦИСТИКА

Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА. Даниил Дондурей: «В Баку действительно присутствует мультикультурность»	29
Олег НАМАЗОВ. Метафизика денег	94
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Феномен. Мистика	104
ЛАЧИН. Размышления о...	110
Ширин МАНАФОВ. Баку – это город, которому есть что предложить	125
СОДЕРЖАНИЕ. 2024 год	130

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 25.11. 2024 г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497 – 36 – 23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

ФИРУЗ МУСТАФА

ПОДВАЛ НА КРЫШЕ*

Пьеса абсурда в двух частях

Действующие лица

АРАЗ («Алим»)

ЗАРА («Мила»)

Часть первая

Второй этаж провинциальной гостиницы. Двор. На стенах первого этажа разнообразные картины: виды природы, портреты звезд киноэкрана, эстрады. Араз и Зара стоят у крыльца. В руке у Араза – посох.

ЗАРА. Простите, вы каждый год сюда приезжаете?

АРАЗ. Сюда? Вы имеете в виду эту провинциальную гостиницу?

ЗАРА. Причем здесь гостиница? Я имею в виду эти места... Вы ежегодно сюда приезжаете?

АРАЗ. Да... Ежегодно...А вы? Вы тоже сюда приезжаете ежегодно?..

ЗАРА. Да... Я тоже приезжаю.

АРАЗ. И все время именно в это время ...

ЗАРА. И я тоже... Все время в начале этого месяца...

АРАЗ. Если быть еще точнее, я приезжаю сюда в первых числах этого месяца...

ЗАРА. И я тоже...

АРАЗ. Я вас здесь не встречал...

ЗАРА. Я тоже впервые вас вижу.

АРАЗ. Надо же...

ЗАРА. Приезжая сюда, я каждый раз выхожу на крыльцо и люблюсь горами...

АРАЗ. А я люблю отсюда любоваться лесом.

ЗАРА. Вероятно, поэтому мы не замечали друг друга.

АРАЗ. Почему?

ЗАРА. Ну, потому, что вы смотрели в сторону леса, а я – в сторону гор.

АРАЗ. Да, видимо, так оно и есть... Вы правы, мы смотрели в противоположные стороны...

ЗАРА. Первое число этого месяца – день моего второго рождения.

АРАЗ. Первое число – это и мой день второго рождения.

ЗАРА. Но я его навсегда потеряла.

АРАЗ. И я ее навсегда потерял.

ЗАРА. Кого вы имеете в виду?

АРАЗ. А вы о ком говорите?

* Примечание автора. Основные персонажи пьесы (Араз и Зара) в различных ситуациях выступают в трех амплуа (Араз – Алим; Зара – Мила; и далее старик Араз – пожилая Мила). Прежде чем приступить к постановке пьесы, актеры, играющие роли героев этого произведения, должны отработать их жесты, походку, темп речи. Начало и финал пьесы, где героям приходится пробираться через туннель, передаются путем использования эффектов света и тени. Следует обратить внимание на «чтение» подтекстов (на пример: справа – налево Алим – Мила, затем Араз и Зара в таком же порядке), а это задача режиссера.

ЗАРА. Я в тот день потеряла мужа.
 АРАЗ. Я же в тот день потерял жену.
 ЗАРА. Ты смотри...
 АРАЗ. Да...так-то вот...
 ЗАРА. А как звали вашу жену?
 АРАЗ. Мою жену?... Ее ...ее звали Зара. А как звали вашего мужа?
 ЗАРА. Моего мужа... Его звали Араз...
 АРАЗ. А вас как зовут?
 ЗАРА. Меня зовут Зара. А вас как звать?
 АРАЗ. Меня зовут Араз.
 ЗАРА. Странно...
 АРАЗ. Да, действительно, очень странно...
 ЗАРА. Я его очень любила. Я имею в виду своего мужа.
 АРАЗ. И я ее очень любил. Я говорю о своей жене.
 ЗАРА. А где похоронена ваша жена?..
 АРАЗ. Там, на краю леса. А ваш муж?
 ЗАРА. Мой муж похоронен на подоле горы...
 АРАЗ. Вы бывали на могиле своего мужа?
 ЗАРА. Нет... А вы?
 АРАЗ. Я отсюда смотрю на ее могилу.
 ЗАРА. И я тоже... Стою здесь и беседую с ним.
 АРАЗ. Я тоже, стою здесь и разговариваю с Зарой.
 ЗАРА. Я мысленно обнимаю своего Араза.
 АРАЗ. Я тоже мысленно ласкаю Зару.
 ЗАРА. Я его прижимаю к груди.
 АРАЗ. Я ее целую...
 ЗАРА. Я до самого конца была от него без ума.
 АРАЗ. Потеряв ее... я хочу многое забыть...
 ЗАРА. Я тоже... Но что поделаешь, если человек не может забыть того, что желает забыть...
 АРАЗ. И у меня так же. То, о чем я хочу забыть, накрепко прилепляется к памяти и никак не отцепляется...
 ЗАРА. Глупые вещи, как глупые люди... незабываемы...
 АРАЗ. Не скажите... Глупые люди, как глупые воспоминания, прилипчивы, как смола ... не отцепляются...
 ЗАРА. Воспоминания о вашей жене вас до сих пор мучают?
 АРАЗ. Воспоминания о вашем муже, видимо, и вам не дают покоя?
 ЗАРА. Но вы ведь свою жену любили... так что эти воспоминания, наверняка, не похожи на «глупых» людей.
 АРАЗ. Но и вы любили своего мужа.... Так что и ваши воспоминания не могут напоминать «смолу» ?
 АРАЗ. А вы продолжаете любить своего мужа?
 ЗАРА. Сейчас? Теперь я затрудняюсь что-то об этом сказать.
 АРАЗ. Я тоже...
 ЗАРА. Да, и я.
 АРАЗ. Я тоже специально затрудняюсь ответить на этот вопрос.
 ЗАРА. Странно...Очень странно.
 АРАЗ. Но, тем не менее, один день в году я посвящаю ей. Бросаю работу, дом и приезжаю сюда.
 ЗАРА. Я тоже специально приезжаю вспоминать о своем муже..
 АРАЗ. Это означает, что ваш муж был счастливым человеком...
 ЗАРА. Это означает, что и ваша жена была счастлива.

АРАЗ. А вы сами, счастливы?

ЗАРА. Какое счастье вы имеете в виду? Вообще-то я себя не считаю ни счастливой, ни несчастной...

АРАЗ. Я тоже...

ЗАРА. Я была счастлива лишь в отдельных фрагментах жизни.

АРАЗ. Я тоже... И в отдельных фрагментах жизни считал себя несчастным...

ЗАРА. Только глупцы считают себя в полной мере счастливыми.

АРАЗ. И также только глупцы могут считать себя полностью несчастными.

ЗАРА. Знаете, я думаю, что человеческая жизнь схожа с этой вот двухэтажной гостиницей.

АРАЗ. Гостиницей? Странное сравнение.

ЗАРА. Если это звучит и странно, но это так. И у нашей жизни есть надводные и подводные течения, поверхностные и глубинные слои. Разве не так?

АРАЗ (*смеется*). Мы пока что находимся в поверхностном слое.

ЗАРА. Все вначале в поверхностном слое. Разумеется, я имею в виду живых...

АРАЗ. Да, это так. Мертвые находятся в глубинном слое.

ЗАРА. Нет. Я не имела в виду мертвых. Когда я говорю «нижний слой», я ... не знаю, как донести свою мысль... то есть в нижнем слое прячется одна сторона нашей жизни.

АРАЗ. Одна наша сторона... И какая же это сторона? Если это не секрет, скажите...

ЗАРА. Об этой стороне никто, кроме нас, не осведомлен.

АРАЗ. Вы, вероятно, правы. Хочу вам сказать... что первый «слой» нашей гостиницы точно такой, как вы описали.

ЗАРА. Как это, как «вы описали»?

АРАЗ. Вот уже сколько лет я сюда приезжаю, однако никого из жильцов первого этажа еще не встречал. Лишь администраторы, обслуживающий персонал, уборщицы... Одним словом, все живут вон там, в постройке во дворе гостиницы. Непонятно, зачем выстроили первый этаж? Сразу надо было начинать со второго этажа...

ЗАРА. Но разве без первого этажа бывает второй?

АРАЗ. Да, это так... (*Смеется*.) Однако второй этаж можно было бы построить на сваях...

ЗАРА. Первый этаж всегда строят для ноши второго этажа.

АРАЗ. Но может быть и наоборот...

ЗАРА. Ну, конечно, все может быть... Я все больше прихожу в недоумение... А может, это мне так кажется? Обратите внимание: у комнат первого этажа нет дверей. Но разве бывают комнаты без дверей?

АРАЗ. Но у всех этих комнат есть окна.

ЗАРА. Ну, и что?.. Ведь люди же не могут входить в комнаты через окна?

АРАЗ. Ну, почему же? К примеру, вход в эти комнаты может быть снизу, по лестнице...

ЗАРА. Скажете, тоже... Может, еще предположить, что вход в них может быть сверху, с потолка? Как это возможно?

АРАЗ. Возможно.... И так может быть. Или вы мне не верите?

ЗАРА. Чему не верю? Дверям с потолка или же из подвала? ... Ха-ха-ха... это вне нормы. Человеку со здоровой психикой в это поверить трудно.

АРАЗ. Со здоровой психикой?.. Почему-то каждый человек только собственное мышление считает нормальным. И даже душевнобольные... В действительности же мы все воспринимаем жизнь через призму своего понимания нормы. И мышление человека считаем нормальным тогда, когда оно созвучно нашему.

ЗАРА. Очень уж сложно выражаетесь...

АРАЗ. А что здесь сложного? К примеру, мы все воспринимаем так, как привыкли. В этой связи нас следует считать людьми, привязанными к традициям. Но есть и другие люди, мнение которых расходится с общепринятыми нормами морали. Они...

ЗАРА. «Они»? Кто это «они»?

АРАЗ. Они», то есть те, кто мыслит вне рамок общепринятых норм поведения... К примеру, мы воспринимаем дверь в помещение через несущую стену. Они же могут искать двери в подвале или же на потолке.

ЗАРА. Я тоже из тех, кто ищет двери в дом на потолке или под полом. Может, тогда и мой мозг пошаливает, выходит за рамки нормы?

АРАЗ. А почему вы нервничаете?

ЗАРА. Кто? Я? Нервничаю? С чего вы это взяли?

АРАЗ. По правде говоря, я и сам нервничаю. И к тому же по пустякам.

ЗАРА. Ха-ха-ха...

АРАЗ. Вы почему смеетесь?

ЗАРА. Во всяком случае, я смеюсь не над вами.

АРАЗ. Иной раз я и сам над собой смеюсь.

ЗАРА. И к тому же «по пустякам»...Да? Я права?

АРАЗ. И с вами такое случается?

ЗАРА. Да нет! Со мной такого не происходит.

АРАЗ. Безусловно... В мире не может быть двух одинаковых вещей...(Пауза.)

Эххх...У меня ноют мышцы.

ЗАРА. Вероятно, это от нервов...

АРАЗ. Нет...

ЗАРА. А от чего?

АРАЗ. Чего «от чего»?

ЗАРА. Боль в мышцах...от чего?

АРАЗ. Не могу сказать, от чего...Но мне кажется, будет дождь...

ЗАРА. А разве это плохо?

АРАЗ. А кто говорит, что дождь – это плохо?

ЗАРА. Но только что вы сами это сказали...

АРАЗ. Разве я сказал, что дождь – это плохо? Я сказал, что у меня ноют мышцы.

(Пауза.) Возможно, дождь и причастен к моей боли, не знаю? Но эта боль начинается перед дождем... И после дождя боль возрастает.

ЗАРА. Вероятно, когда человек становится старше, связь его с небом возрастает...

АРАЗ. С небом? (Поднимает руку вверх.) А, вот в чем дело?..

ЗАРА. Да, точные сведения о погоде знают старики...

АРАЗ. Да ну вас... О какой связи вы говорите? ... Может, еще скажете, что любите дождь?

ЗАРА. Да, я очень люблю дождь. (Пауза.) Только представьте, погода становится пасмурной. (Закрывает глаза.) Тучи бьются друг о друга: шарак-шарак... (Хлопает в ладоши.) Затем начинается ливень: шир-р-р... Я же, стоя у окна, гляжу на затянутое тучами небо, на льющуюся с небес воду, на сверкающую молнию. Это здорово!...

Зара подходит к окну. Сверкает молния, идет дождь.

Женщина хохочет по-сумасшедшему.

АРАЗ. Мне кажется, и у вас есть связь с небом. И это ваш любимый дождь, желанная молния.... У меня же ноют кости... Холодно. Пройдите в свою комнату.

Свет загорается – гаснет.

ЗАРА. В какую мне пройти комнату? (*Взволнованно.*) Где комната?..
АРАЗ. Как это, в какую? Пройдите в свой номер.
ЗАРА. Я не могу найти дверь в свой номер...
АРАЗ. Ваша комната дальше... Идите прямо, затем сверните направо... Я же остаюсь здесь... С левой стороны... Вы нашли свою дверь? Ой... И моя дверь не видна. Кто ее захлопнул?..
ЗАРА. И почему моя дверь заперта?
АРАЗ. Такое впечатление, что здесь двери и в помине нет.
ЗАРА. Вместо двери – стена...
АРАЗ. А как теперь нам быть?
ЗАРА. Что нам делать?
АРАЗ. Что мне делать?
ЗАРА. А мне что делать ?
АРАЗ. И еще этот дождь...
ЗАРА. Не скажите... и еще молния... гром...
АРАЗ. Это вы их вызвали?
ЗАРА. Что? Кого?..
АРАЗ. Дождь, молнию...
ЗАРА. Да нет... ваши кости, суставы вызвали этот дождь, молнию....
АРАЗ. Дождю нет дела до моих костей...
ЗАРА. Во всяком случае, вашим костям есть до них дело.
АРАЗ. Дождю есть до них дела, а вот им до нее нет дела... Ну, хорошо, а куда делась эта чертова дверь?
ЗАРА. И я ее не могу найти...
АРАЗ. Посмотрите туда!..
ЗАРА. А-а-а... Что это?.. Под крыльцом горит свет...
АРАЗ. И, кажется, здесь есть проход.
ЗАРА. Куда?..
АРАЗ. Вниз...
ЗАРА. Да, вот и лестница видна...
АРАЗ. Где? Да... Но лестница не доходит до пола.
ЗАРА. И правда... Лестница висит в воздухе. Такое возможно? Может, вам надо спуститься и проверить?.. Вы ведь все-таки мужчина...
АРАЗ. У меня ноют ноги...
ЗАРА. А у меня болит все...
АРАЗ. ... ноет... Да?
ЗАРА. Ну, да, ноют...
АРАЗ. Вероятно, здесь было землетрясение...
ЗАРА. Нет... Если бы это было следствием землетрясения, то здание бы осело...
АРАЗ. Но почему я тогда стою вверх ногами?
ЗАРА. Да нет, вы стоите на ногах.
АРАЗ. Это вам так кажется. К тому же, и вы стоите вверх ногами... Мы оба...
ЗАРА. Да, вы правы, кажется, и я стою вверх ногами. Посмотрите на мои ноги, они болтаются наверху, в воздухе...
АРАЗ. И мои ноги наверху.
ЗАРА. Дверь приоткрывается.
АРАЗ. Где?..
ЗАРА. Проходите, это здесь... Двери находятся здесь.
АРАЗ. Это? Да?.. Это здесь? Это разве дверь?
ЗАРА. Да, это двери.
АРАЗ. Двери отошли...
ЗАРА. А-а-а... Действительно... Что это? Крыльцо висит в воздухе.

АРАЗ. Это действительно так...
ЗАРА. Но что теперь нам делать?
АРАЗ. Надо прыгать.
ЗАРА. Нет, я не смогу туда спрыгнуть...
АРАЗ. Закройте глаза, прыгайте: хопп.
ЗАРА. Нет, я же не птичка, чтобы парить в воздухе.
АРАЗ. Ну, тогда, вначале я «полечу», затем вы...
ЗАРА. Хорошо...Нет...Вы можете упасть на землю...
АРАЗ. Отсюда земли не видать...
ЗАРА. Это так. Видно только небо .
АРАЗ. Хопп...Я спрыгнул...Не бойтесь. Прыгайте...Хопп...
ЗАРА. Тогда отойдите назад... Еще немного...Да, вот так... Хопп... Кажется, я
подвернула ногу...
АРАЗ. Не бойтесь...Здесь мягко...
ЗАРА. Холодно...
АРАЗ. Да, холодно...
ЗАРА. Дверь опять исчезла...
АРАЗ. Да еще этот дождь... Однако лестница все же видна...
ЗАРА. Да... Видна...
АРАЗ. Было бы неплохо, если бы дождь перестал...
ЗАРА. Если так и дальше пойдет, нас ударит молния. Ведь ноющая боль ваших
костей притягивает к себе дождь и молнию.
АРАЗ. Да нет, мои кости – проводники молнии. Вы лучше сами будьте осто-
рожны. Пройдите внутрь...
ЗАРА. Куда? Как? По сломанной лестнице?..
АРАЗ. Теперь лестница ведет вверх.
ЗАРА. Да, действительно... А-а-а... Почему так получилось?..
АРАЗ. Потому что мы стоим вверх ногами. Но вы можете войти в помеще-
ние...Да, вот сюда... Смотрите... Видите?
ЗАРА. Вы с ума сошли? Это вовсе не дверь...
АРАЗ. Нет, это крыша. И здесь тесновато. Ничего, места для двоих хватит,
думаю, мы сможем здесь отдохнуть.
ЗАРА. Вы и вправду рехнулись! Вот дверь! Проходите!.. Вы простужены... э-э-
э... можете умереть...
АРАЗ. Там горит свет. Это не комната, а полутемный чердак...
ЗАРА. Странно... Это действительно чердак.
АРАЗ. Во всяком случае, он укроет нас от дождя...
ЗАРА. Вас может ударить молния...Пройдите...Пройдите в сторонку... Вот сюда...
АРАЗ. Идите и вы... Вот, сюда... сюда... Эта дверь такая узкая. Это что, туннель?
ЗАРА. Проходите ползком...
АРАЗ. Но ведь я стою вверх тормашками...
ЗАРА. Ну, и что? Теперь ложитесь на землю, вниз лицом...
АРАЗ. И вы ложитесь? ... Вы легли?
ЗАРА. Да, легла...
АРАЗ. Молния сверкает...
ЗАРА. Ничего...Вы легли?
АРАЗ. Да... Покажите мне дверь... Темно...

*Они, лежа на земле, ползут вперед. Двигаются навстречу пустоте.
Свет то зажигается, то гаснет.*

ЗАРА. Это дверь? Дверь здесь...

АРАЗ. И вы проходите... Смогли пройти?..

ЗАРА. Посмотрю, смогу ли я пройти или нет...

АРАЗ. Проход узкий... тесный... Будто кто-то притягивает меня в свое лоно...

ЗАРА. Меня же будто кто-то выталкивает из своего лона. Может, заново рождаюсь.

АРАЗ. Я же, напротив, будто куда-то проваливаюсь. Может, действительно я возвращаюсь в материнское лоно.

ЗАРА. Свет постепенно усиливается...Я кое-как прошла.

АРАЗ. И я прошел. Но вас больше не вижу.

ЗАРА. Как же вам увидеть? На той стороне темно, на этой светло.

АРАЗ. Будто нас разделяет граница.

ЗАРА. Да, похоже на то... Дождь перестал.

АРАЗ. И молния уже не сверкает...

ЗАРА. Все спокойно.

АРАЗ. Да... Тишина.

ЗАРА. С...с...с...

АРАЗ. С-с-с...

ЗАРА. С-с-с...

АРАЗ. С-с-с...

ЗАРА. С...

АРАЗ. С....

ЗАРА. Интересно, мы спустились вниз или поднялись в небо?

АРАЗ. Нет...Здесь ни низ, ни верх.

ЗАРА. Ну, тогда где мы?

АРАЗ. Здесь... и низ, и верх... То есть это не низ и не верх...

ЗАРА. Везде и нигде, то есть наверху и внизу – только Бог... Мы же не то что боги, даже не их дальняя родня.

АРАЗ. Пусть мы не боги, но мы с Богом соседи.

ЗАРА. Откуда вы знаете?

АРАЗ. А что здесь непонятного? Ведь мы, как-никак живем с ним в одном мире.

ЗАРА. Не может быть.

АРАЗ. Что?

ЗАРА. Да все, что вы говорите!

АРАЗ. Почему?

ЗАРА. Да потому, что у Бога есть свой мир. Он не может жить по соседству с людьми! Он недосыгаем. Он презирает людей.

АРАЗ. Эх, милая моя, теперь все друг от друга далеко, все друг друга презирают.

ЗАРА. Но кто на этом свете близок, те не питают друг к другу неприязни.

АРАЗ. И кто эти люди?

ЗАРА. Да? Кто? Да? Кто? Кто они? Кто они, люди, близкие друг другу? Кто это не питает неприязни друг к другу? Неужели есть такие люди?

АРАЗ. Да! Что? Кто?

ЗАРА. Да-да-да! Действительно ...

АРАЗ. Да-да-да! Это правда.

ЗАРА. Да-да!

АРАЗ. Да-да!

ЗАРА. Ха!..

АРАЗ. Ха!..

ЗАРА. Ха!..

АРАЗ. Ха...

ЗАРА. Ха-ха!

АРАЗ. Ха-ха!
ЗАРА. Ха-ха-ха!
АРАЗ. Ха-ха-ха!
ЗАРА. Ха-ха-ха-хааа...
АРАЗ. Ха-ха-хааа...
ЗАРА. А чему вы смеетесь?
АРАЗ. А вы?
ЗАРА. Я смеюсь, чтобы не замерзнуть...
АРАЗ. И я тоже...Я окоченел от холода...
ЗАРА. Эта граница мешает мне видеть вас.
АРАЗ. Я сейчас разнесу ее, эту чертову границу. Вот так...
ЗАРА. Ха-ха-ха...
АРАЗ. Ха-ха-ха...

Их смех отдается эхом.

Сцена меняется. Ресторан отеля. Свет то загорается, то гаснет. Смех плавно перетекает в полнзвучную музыку. Оркестр играет. И хотя музыкантов не видно, слышны звуки разнообразных инструментов и такие горячие, словно инструменты вытанцовывают музыку. Кружатся в воздухе люстры, они раскачиваются, то поднимаются вверх, то опускаются вниз. Свет прожекторов высвечивает портреты «звезд» мастеров сцены. Все это ослепляет, пьянит, кружит голову. Эта картина напоминает карнавал. На фоне тюлевых занавесок скользят чьи-то тени.

В основном это тени пар, под руку друг с другом прогуливающих мужчин и женщин. Среди них мелькают силуэты целующихся, обнимающихся пар. Затем тени отдаляются. С правой стороны идет Араз, слева – Зара. Чувствуется, что они находятся в пору молодости. Они встречаются лицом к лицу и внимательно разглядывают друг друга. Облик их изменился. Естественно, его руки не дрожат.

АРАЗ. Зара...
ЗАРА. Араз...
АРАЗ. Но ты ведь должна была завтра прийти...
ЗАРА. А ты позавчера...
АРАЗ. Я с третьего дня здесь.
ЗАРА. Знаю.
АРАЗ. Что?
ЗАРА. Я знаю, что ты здесь с третьего дня или даже еще раньше. Ты уже неделю здесь. Тогда как, ты должен был приехать сюда два дня назад. Не так ли?
АРАЗ. Я вижу, цель твоего прихода заключается в сборе информации обо мне. (Смеется.) Ха-ха-ха...
ЗАРА. Ты же, как я вижу, приехав сюда неделю назад, хочешь мою информацию уничтожить.
АРАЗ. А что это за информация?
ЗАРА. Ну, ты же сам сказал, что я здесь собираю информацию о тебе.
АРАЗ. Я шучу... Ха-ха-ха...
ЗАРА. Но я заявляю это абсолютно серьезно... Я действительно собираю информацию о твоём секретном маршруте.
АРАЗ. Это какой мой секретный маршрут ты имеешь в виду?...
ЗАРА. Араз, а ты когда вышел в отпуск?..
АРАЗ. А ты разве сама этого не знаешь?
ЗАРА. Ну, хорошо, раз так, я скажу: Ты ровно десять дней назад вышел из дома, говоря, что едешь в отпуск?.. Не так ли?..
АРАЗ. Ты что, не веришь, что я в отпуске?

ЗАРА. Да нет, ты действительно в отпуске. Я знаю об этом. Я даже у тебя на работе об этом узнавала.

АРАЗ. На работе? А зачем? Какое тебе дело до моей работы?

ЗАРА. Ну, это потому, что я хотела уточнить, куда ты делся.

АРАЗ. И что уточнила?

ЗАРА. Да, уточнила. Ты всего три дня как находишься здесь.

АРАЗ. Но ведь мы же договорились, что я буду ждать тебя на этом чертовом месте. И потому я немного раньше приехал.

ЗАРА. А почему ты приехал раньше на целую неделю?

АРАЗ. Я подумал, что будет лучше, если я приеду раньше и попытаюсь нанять подходящий дом...Чтоб могли остановиться вблизи целебных вод... И с врачом я уже говорил. Все будет хорошо. Эта вода целебная. Ты хоть знаешь, сколько женщин после принятия этих ванн стали матерями?...

ЗАРА. Я не хочу стать матерью.

АРАЗ. Это что-то новенькое!

ЗАРА. Я не желаю, чтоб такое ничтожество, как ты, стал отцом моего ребенка!

АРАЗ. А как ты это выяснила?

ЗАРА. Где ты был целую неделю?

АРАЗ. Зара, тебе не кажется, что ты со мной разговариваешь слишком уж раскрепощенно?..

ЗАРА. Ты не ответил на мой вопрос. Где ты был целую неделю?

АРАЗ. Я тебе уже объяснил... я... я...

ЗАРА. Если так, то я тебе объясню: ты взял отпуск ровно неделю назад. Так?

АРАЗ. Но мы уже ознакомились с этим фактом.

ЗАРА. Ты в этом отеле снял номер на втором этаже.

АРАЗ. Ну, да... Это так... Я... Я подумал, а вдруг нельзя будет снять комнату возле лечебных источников... Поэтому...

ЗАРА. И поэтому ты снял в этом отеле номер? Ради меня? Да?..

АРАЗ. Ну, естественно, я ...ради тебя...

ЗАРА. И поэтому ты проводишь свой отпуск здесь, да?

АРАЗ. Ну, это же не отпуск, а командировка...Пойми, я приехал сюда в командировку!

ЗАРА. Стараюсь понять.

АРАЗ. Моя командировка завтра заканчивается. Мне придется вернуться в город. Затем я оформлю еще одну командировку и приеду сюда.

ЗАРА. Значит, ты завтра возвращаешься?

АРАЗ. Да. Я уже договорился и нанял для тебя квартиру. И прямо сейчас мы можем туда поехать. Ты приляжешь и немного отдохнешь, я же пойду на базар и куплю кое-чего.

ЗАРА. Кому?..

АРАЗ. Для нас... Для тебя...

ЗАРА. А ты где будешь ночевать?

АРАЗ. Где буду ночевать?.. Здесь...

ЗАРА. Здесь, следовательно, в этом отеле?

АРАЗ. Ну, да... в этих краях...

ЗАРА. И я остановлюсь в этом отеле.

АРАЗ. Почему? Я нанял тебе квартиру со всеми удобствами. Вон тот дом, возле родника и леса. Сейчас прямо и пойдем туда.

ЗАРА. Я останусь здесь... в этом отеле. И ты ведь тоже хочешь остановиться здесь.

АРАЗ. Мне одно место найдется. Если честно, я заранее заплатил за номер... не хочу, чтобы мои деньги пропали... И поэтому...

ЗАРА. Да, ты правильно поступаешь. Надо экономить. Тогда так поступим: ты иди, оставайся в том доме, который ты для меня снял, а я останусь в твоём номере. Ну, как?

АРАЗ. Я не понимаю, к чему этот спор? «Ты там остановишься, я здесь...» «Я буду ночевать там, ты здесь». Что ты хочешь этим сказать?

ЗАРА. Я уже сказала свое слово.

АРАЗ. Какое слово?

ЗАРА. Ты низкий человек... Вот это слово! Повторить? Ты очень низкий! Среди всех низких ты самый низкий...

АРАЗ. Ты знаешь, что я на женщин не поднимаю руку, и поэтому позволяешь себе говорить обо мне такие гадости, все, что взбредет тебе на ум. Ты знаешь, что я человек воспитанный, терпеливый, и потому садишься мне на голову.

ЗАРА. Где Мила?

АРАЗ. Кто?

ЗАРА. Жена Алима, Мила...

АРАЗ. Кто это Алим?

ЗАРА. Алим – твой друг... Не припоминаешь?

АРАЗ. Алим... Мила... Ну, и что?..

ЗАРА. А то, что ты уже целую неделю живешь здесь с женой своего друга...

АРАЗ. Да... Она тоже в этой гостинице остановилась. А ко мне это какое имеет отношение?

ЗАРА. Ты с ней в одном отеле...

АРАЗ. В этих местах есть всего один отель. Где я тогда, в этом случае, должен быть?

ЗАРА. Ты остаешься с ней в одном номере. Может, теперь скажешь, что в отеле есть всего один номер?

АРАЗ. Только один номер и был свободным.

ЗАРА. Ты спишь с Милой в одной постели. Может, скажешь, что в отеле нет и двухместных номеров?

АРАЗ. Нет... Да... здесь нет двухместных номеров ...

ЗАРА. И потому вы двое спите в одной кровати?

АРАЗ. Нет. Это не так. Она спит на кровати...Нет, на кровати сплю я.

ЗАРА. А она на полу, да?..

АРАЗ. Да... А ты откуда знаешь?

ЗАРА. Что?

АРАЗ. Она действительно любит спать на полу.

ЗАРА. Она предпочитает лежать на твердом месте.

АРАЗ. Ну, да...так получается...

ЗАРА. А ты любишь спать на мягкой постели, да?..

АРАЗ. Ты же это знаешь...

ЗАРА. Что?

АРАЗ. Ну, то, что я люблю спать на мягкой постели... Ты сама знаешь, что...

ЗАРА. Да, знаю... знаю и то, что твоя милая Мила любит спать на твердом? Да?

АРАЗ. Наверно, и это знаешь. Ведь ты хорошо знаешь Милу.

ЗАРА. Во всяком случае, я не спала с ней в одной постели...

АРАЗ. И я ...

ЗАРА. А она сейчас вот в эти минуты храпит в твоём номере.

АРАЗ. Может быть...Видимо, она по ночам любит спать на твердом месте, а днем – на мягком.

ЗАРА. А ты как?..

АРАЗ. Как это я «как»?

ЗАРА. А ты, видимо, днем любишь спать на твердом месте.

АРАЗ. Нет... Ты и сама прекрасно знаешь, что я всегда предпочитаю спать на мягком удобном месте.

ЗАРА. Значит, ты все время ищешь спокойное местечко.

АРАЗ. Удобное... то есть... Знаешь что, милая Зара? Главное в том, чтобы изнутри быть спокойным... То есть душа...

ЗАРА. С точки зрения души, вероятно, ты спокоен.

АРАЗ. Без сомнения! Ты выкинь из сердца черные мысли. Я верен своей семье, своему дому, своим друзьям. Если об этом другие не знают, то ты-то это хорошо знаешь, Зара...

ЗАРА. То есть? Твою низость? Да, я это знаю. Но не знаю ее степень...

АРАЗ. Чего?

ЗАРА. Степень твоей низости...

АРАЗ. Зара, ты испытываешь мое терпение. Кому нужен этот шум-гам, эта истерика? Мир же не перевернулся?.. Что случилось?

ЗАРА. Клянусь, я поражена...

АРАЗ. Чему?

ЗАРА. Тому, что ты занимаешься прелюбодеянием с женой своего друга... Несешь ересь о «твердом месте», о «мягком месте»... Да еще своей семье, своим друзьям поешь песенку о благородстве, вешаешь лапшу на уши. Да еще при этом не стеснясь и не краснея!

АРАЗ. Ну, хорошо, допустим, я постеснялся, покраснел... Что дальше?

ЗАРА. Ты не хочешь понять своей вины?

АРАЗ. Допустим, я это понял. А дальше? Дальше что?

ЗАРА. Ну, хотя бы хоть пойми свою вину.

АРАЗ. Допустим, понял... А дальше что?

ЗАРА. Да сколько же у тебя лиц, Араз?...

АРАЗ. Пусть... Дальше...

ЗАРА. «Дальше»... дальше»... Я не говорю о себе, меня нет... А Мила? Она что будет делать? Что она скажет Алим? ...

АРАЗ. Что скажет? *(Пауза)*. Ну, а если бы ты была вместо Милы, что ты сказала бы мужу?.. Что сделала б? И она так же...

Музыка. Они бурно жестикулируют. Музыка резко прекращается.

ЗАРА. А если бы ты был вместо Алима, что бы ты сделал?

АРАЗ. «Что бы я сделал?..» Что бы я сделал? ... Ну, что бы я сделал? Вероятно, что-то да сделал...

ЗАРА. А что ты сказал бы своей жене?

АРАЗ. Тебе?

ЗАРА. Мне зачем? Своей жене – Миле...

АРАЗ. Да... Миле... Ну, да... Если бы я был Алимом, то, безусловно, и моей женой была бы Мила.

ЗАРА. Ну, и как бы ты ей все это объяснил?

АРАЗ. Миле? Если бы я был Алимом?... Если бы на месте Алима был я... Что бы я сделал, если бы узнал об измене своей жены? В таком случае, если бы ты была на месте Милы, то как бы ты поступила?

ЗАРА. Что бы я сделала?..

АРАЗ. Ну да, ты... Как бы ты повела себя со своим мужем?

ЗАРА. На месте Милы я бы во всем призналась.

АРАЗ. В чем?..

ЗАРА. В своей измене с посторонним мужчиной... А ты?.. Как бы ты поступил, Араз? Э-э-э... Алим...

АРАЗ. Я бы сказал, мол, Мила, я твою измену не могу простить. Зара, я должен признаться, что в отличие от Араза Алим жесток... И знаешь, почему? Несмотря на то, что он жизнерадостный и общительный человек, однако по отношению к своей жене он – садист. Услышав об измене жены, он может сойти с ума.

ЗАРА. И я Алима знаю неплохо... Он действительно ведет себя в семье чересчур строго. Или ты считаешь, что следует вести себя иначе?.. У тебя нет ни строгости, ни благородства... Ты ни рыба ни мясо...

АРАЗ. Таких мужчин днем с огнем не сыщешь....Я терпелив, умен, благороден, спокоен... женщины могут только мечтать о таких мужчинах. Только вот ты меня не ценишь...

ЗАРА. «Спокоен... терпелив»... Плевать мне на твоё терпение. Мужчина в доме должен быть строг, в семье – принципиален....

АРАЗ. Как Алим... Да?...

ЗАРА. Да, пусть даже таким, как Алим...

АРАЗ. Ха-ха-ха... «мужчина», как Алим...

ЗАРА. Да, как Алим...

АРАЗ. Ну, тогда, может, и тебе следует быть такой женщиной, как Мила?..

ЗАРА. Что, теперь тебе надо и над Милой посмеяться?..

АРАЗ. Ни в коем случае. Мила – хорошая женщина...

ЗАРА. А разве Алим – плохой мужчина? Араз, почему ты боишься в этом признаться?..

АРАЗ. Я?

ЗАРА. Почему ты не отвечаешь на вопрос? Если бы ты был Алимом...

АРАЗ. И если бы ты была Милой....

ЗАРА. Но я ведь тебе сказала. Что, если бы я была Милой, то во всем бы призналась. А ты?

АРАЗ. И я тебе сказал, что, будь я на месте Алима, я бы ни за что не простил жену... Разумеется, в том случае, если бы она мне изменила....

ЗАРА. Ясно... Не простил бы... А после?

АРАЗ. Ну, что там «после»?

ЗАРА. Вероятно, ты, плюнув, ушел бы из дома, да?

АРАЗ. Ушел бы из дома? Я? Если бы я был Алимом?

ЗАРА. Да, если бы ты был Алимом...

АРАЗ. Если бы я был Алимом... Если бы жена моя мне изменила...Тогда... Я бы пришел к очень ужасному решению.

ЗАРА. Как? Ха-ха-ха...И что это за решение? Скажи, чтобы и мы знали. Говори, «Алимчик»? Что бы ты сделал?

АРАЗ. Ми-и-л-а-а...

Араз кричит во весь голос. Ему вторит эхо. Араз и Зара удаляются в глубь сцены. Играет оркестр. Музыканты не видны, но инструменты, как танцующие люди, поднимаются и опускаются. Люстры кружатся. Проекторы освещают картины на стене. Араз и Зара, жестикулируя, говорят друг с другом. По стене, за тюлевыми занавесями, ползут силуэты танцующих людей.

ЗАНАВЕС

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сцена финала первой части. Ресторан отеля. Стол, украшенный напитками и фруктами. Араз и Зара быстрым шагом проходят на передний план сцены. В этой сцене они выступают в другом амплу. Араз представляет «Алима», Зара – «Милу».

*(В действительности, Араз играет «Араза», а Мила же – «Милу».)
Теперь их действия и жесты изменились, речь стала более экспрессивной.*

АРАЗ. Мила!... *(Его голос отдается эхом.)* Мил... Я никогда тебя не прощу, Мила!

ЗАРА. Араз, ты и вправду представляешь себя на месте Алима?

АРАЗ. Ты спрашиваешь, как я себя чувствую на его месте. В таком случае я должен принять очень жесткие меры.

ЗАРА. И что это за решение? Говори, чтобы и мы знали, Ара-а-аз... Алимчик...

АРАЗ. В то время я с тобой... Я с тобой... Офф...

ЗАРА. «В то время» и я тебя... и я с тобой...

АРАЗ. Я бы вначале спросил: Мила, дорогая Милочка, скажи мне, пожалуйста, кто такой Араз?

«ЗАРА». Кто такой Араз?.. А что, ты разве этого сам не знаешь? Как мне кажется, Араз – твой друг...

«АРАЗ». А тебе он кем доводится?

«ЗАРА». Он мой сослуживец...

«АРАЗ». А зачем ты, Мила, приехала сюда со своим сослуживцем?

«ЗАРА». Я? А ты сам разве не знаешь, зачем я приехала? Я приехала на лечение, принимать минеральные ванны...

«АРАЗ». Но параллельно ты здесь занялась совсем другими делами...

«ЗАРА». Алимчик, не забывай, что ты говоришь со своей женой...

«АРАЗ». И ты не забывай, что разговариваешь со своим мужем....

«ЗАРА». Пусть, но я по отношению к своему мужу – честна.

«АРАЗ». Ты? Честна? «Муж?» И тебе не стыдно?

«ЗАРА». Перво-наперво, Алим, не забывай, что ты говоришь с женщиной!

«АРАЗ». И что ?

«ЗАРА». Что? Что?

«АРАЗ». Сука!

«ЗАРА». Что?.. Это ты мне?..

«АРАЗ». Но, кроме тебя, здесь нет другой суки!

«ЗАРА». Да как ты смеешь?... Ты... Алим... Алимчик...

«АРАЗ». Говори, зачем ты изменила своему мужу?

«ЗАРА». «Своему мужу?» Я?..

«АРАЗ». Да, своему мужу? Ты чем-то была недовольна? Может, я тебя чем-то обидел? Или во мне есть черты, которые тебя раздражают? Может, я... Может, я не мужчина?

«ЗАРА». Ну, кто говорит, что ты не мужчина?

«АРАЗ». А раз так, что тебя толкнуло в спальню другого мужчины? И разве ты не знаешь, что этот мужчина – мой друг?

«ЗАРА». Это ложь!

«АРАЗ». Что ложь? Ведь вот уже целую неделю ты с моим другом находишься в одном отеле, в одном номере, в одной спальне!.. Это ложь?

«ЗАРА». Ложь!

«АРАЗ». Или, может, мне надо пригласить сюда свидетелей?

«ЗАРА. Ты мне больше доверяешь или каким-то ложным свидетелям?

«АРАЗ». Я уже говорил с Аразом.

«ЗАРА». Ну, и что?

«АРАЗ». Он признался, что вы остановились в одном номере.

«ЗАРА». Ну, и что? Что дальше?...

«АРАЗ». Что дальше?

«ЗАРА». И жена Араза могла бы ночевать с тобой...

«АРАЗ». Или я сошел с ума, или у тебя с головой проблемы...

«ЗАРА». Алим... Алимчик... Дорогой мой...

«АРАЗ». Кажется, это правда, что женщины родились на день раньше сатаны...

«ЗАРА». Это мужчины – дьяволы. И это правда...

«АРАЗ». Не верю своим ушам.

«ЗАРА». Почему?

«АРАЗ». И у тебя еще хватает наглости говорить.

«ЗАРА». Ты приехал сказать мне все это?

«АРАЗ». Нет, я приехал не только за этим.

«ЗАРА». Но, может, ты приехал, чтобы оправдать свои действия?

«АРАЗ». Какие такие действия?

«ЗАРА». Думаю, может, ты пришел раскаяться в своих грехах, помнишь, в каком ты виде, пьяным, устраивал дебоши, бил меня... проводил время с красотками, а потом приходил и рассказывал мне все до малейших подробностей.

«АРАЗ». Выходит, чтобы отомстить мне, ты пошла и залезла в постель моего друга?

«ЗАРА». Я ни в чью постель не залезала, Алим...

«АРАЗ». Я должен поверить фактам или тебе?

«ЗАРА». Чему верить – твое дело... Но я поняла одну вещь: вы, объединившись с женой Араза, решили вырыть мне яму.

«АРАЗ». С кем?

«ЗАРА». Я говорю о Заре, может, ты ее не знаешь?

«АРАЗ». Послушай, Мила, я не нуждаюсь ни в чем подтверждении... Я желаю лишь услышать правду из твоих уст. Я хочу только этого.

«ЗАРА». У правды одно лицо...

«АРАЗ». Как у тебя, да? *(Пауза)*. Значит, все, что ты говоришь, – это правда...

«ЗАРА». Я глаза выколю этой ведьме...

«АРАЗ». Какой ведьме?

«ЗАРА». Заре... Ну, и стерва же она, если она так ревнует своего мужа, то зачем отпускает его? Зачем обо мне распускает сплетни? Почему она не выясняет этот вопрос со своим мужем? Зачем таким образом сводит со мной счеты, обливает меня грязью?..

«АРАЗ». Это ты у неё спрости...

«ЗАРА». Да разве она попадается мне на глаза?.. Видно, забились в крысиную норку...

«АРАЗ». А вот и Зара, легка на помине...

«ЗАРА». Где?.. Это она?... Да, это она... А почему в таком одеянии... будто собралась на бал. Зара, иди сюда... Иди, почему ты избегаешь меня, иди сюда...

Араз (в роли «Алима») и Зара (в роли «Милы») проходят вперед, будто встречая «Араза» и «Зару». Естественно, никого нет; это виртуальная встреча.

В последующих сценах Зара и Араз сливаются в два образа: Зара и она же – «Мила», Араз и он же – «Алим».

«АРАЗ». И Араз идет. Пусть идет... До сих пор у меня от него не было секретов. Араз, подойди сюда. Все равно я сегодня должен все выяснить. «Что прояснить»? *(Пауза.)* Какой вопрос? Ты что, не знаешь, о чем пойдет речь? Что, мне не следует верить тому, что говорят? Это сплетни? Это выдумки злопыхателей и завистников?

Звучит тревожная музыка.

«АРАЗ». Как не верить тому, что говорят?! *(Араз – передразнивает «Араза».)* «Это выдумки завистников?» Нет, Араз, здесь нет никаких выдумок.

Пауза. Вновь звучит та же музыка.

«ЗАРА». Конечно, это выдумки. *(Передразнивает.)* «Ты ведь была влюблена в Араза». Зара, ты о какой любви говоришь? Да, действительно, я работаю с Аразом в одном учреждении. Но это совершенно не касается наших отношений. Араз – мой товарищ по работе и старинный друг моего мужа. «Замолчи!» Что? Ты сама замолчи!

Напряженная музыка.

«АРАЗ». Зара, успокойся... Дай возможность и мне, твоему мужу, сказать пару слов. Послушай, Араз, по-видимому, мы с тобой не были друзьями. Все, что произошло, свидетельствует о том, что ты вошел в мой дом, в мою семью с иными намерениями... Нет-нет, не клянись. Ты и так был у меня под подозрением. Но я и думать не мог, что ты окажешься настолько... Пстой, пстой... Куда ты хочешь уйти? «Ты что, следователь?» Да, я теперь следователь, а ты обвиняемый... Я тебя никуда не отпущу. «Я человек совестливый». Кто? Ты? У тебя нет понятия о том, кто такой совестливый человек. «Я человек чести». Это ты человек чести? Ха-ха-ха... Видно, у низких людей имеется свой кодекс чести. «Не переходи на критику». Подумаешь! Вы только посмотрите на эту личность...

«ЗАРА». Да? Что ты говоришь, Мила? «Я и раньше подозревала, что ты завидуешь мне. Или я ошибаюсь?» И чего это я тебе должна завидовать? А? «Возможно, из-за этого ты захотела «заклеить» моего мужа?» Араз, что ты за мужчина, что не можешь совладать со своей женой? Что молчишь? Или боишься? А ты что за женщина, что не можешь удержать мужа при себе? «Это ты моего мужа соблазнила!» Алим, ты же все видишь, все слышишь!.. Ты только посмотри на эту стерву!

Пауза. Громкая музыка.

«АРАЗ». Я не из тех мужчин, что прощают себе свои ошибки. Вы все можете быть спокойными.

«ЗАРА». Я тоже не смогу себе простить клевету в мой адрес. Что скажешь? Вор так орет, что у правдолюбца сердце разрывается. Ты, Зара, – провокатор, авантюристка! Ты бессовестная. «Кто? Я?» Нет, я! Конечно, ты! Подняла панику, вызвала с работы моего мужа. Ты сама прошла огонь и медные трубы, а других обвиняешь в прелюбодеянии. Смотри, вот ты кто, Зара...

«АРАЗ». Араз, мы мужчины и давай поговорим по-мужски. Слава Господи, до сих пор у нас не было друг от друга секретов. Ты и сам знаешь, что я человек жизнелюбивый, люблю поесть-попить, попировать. Это я признаю... И к женщинам не равнодушен. Пусть и Мила услышит. Ты видишь, я ничего не скрываю. И даже от Милы... Но странно то, что все тебя считают более добропорядочным человеком, чем меня. И многие даже удивляются нашей дружбе, говорят, как это вы находите общий язык? Один из нас любит кайф, другой – стоик. Один терпелив, я – не сдержан. И теперь я, импульсивный, тебя, терпеливого, спрашиваю: Почему ты оскорбляешь меня, почему считаешь бессовестным?

«ЗАРА». Алим, прошу тебя, слово «совесть» отбрось.

«АРАЗ». Мила!

«ЗАРА». Алим!

«АРАЗ». Мила, я сегодня должен все прояснить. Предательство друга я простить не смогу. И причем речь идет не только об осквернении моего тела, но и души. Ну? И что ты скажешь, Араз? «Ты не в себе». *(Пауза.)* Я не в себе? Значит, ты так заговорил?...

Громкая музыка.

«ЗАРА». Алим, все не так, как ты себе представляешь. Все это подстроила вот она, любимая жена Араза. *(Пауза.)* «Заткнись!» Ты сама заткнись! «Можно подумать, что ты знаешь цену своему мужу?» Вот еще, может, это ты не знаешь цены своему мужу? Ну и ну... Вот уж не знали!

«АРАЗ». Я ничего не понимаю. «И я...» И ты, Араз, ничего не понимаешь? Ты лжешь! Ты с Милой и раньше встречался. Мне об этом сообщили. Видно, до сих пор я был слеп... Отчего...

«ЗАРА». Алим! Алимчик!... И ты что-то хочешь сказать?

«АРАЗ». Заткнись!.. У тебя, Мила, нет права говорить. Он прав...

«ЗАРА». «Он прав»... В чем это он прав, стерва ты этакая? Зара, ты мне мстишь! Я это прекрасно понимаю!..

«АЛИМ». Ведь мы всегда были как одна семья... «Это так». Так ли это?

Нежная музыка.

«ЗАРА». «Это так». Что так? ...

«АЛИМ». И хорошие, и плохие дни мы пережили вместе... «Это так».

Музыка постепенно усиливается.

«ЗАРА». Да? ... «Видно, эта дружба кому-то не по душе». Да что б ты провалилась.... Ты – главная интриганка...

«АРАЗ». Мы вместе праздновали памятные дни нашей жизни.... «Это так... Конечно, так...»

Звучит танцевальная музыка.

«ЗАРА». Все это ложь, ложь... А что думаешь об этом ты, Зара? *(Пауза.)* «Ты – лжец»... Ты сама лгунья. «Не гневи бога!». Замолчи! Я придушу тебя, Зара. Видно, ты меня еще хорошо не знаешь?

Музыка нарастает.

«АРАЗ». Мы вместе учились, вместе танцевали... Вместе пировали... Многие нам завидовали. И даже иной раз старались разбить нашу дружбу, сеяли сплетни. Но лично я ни на что не обращал внимания... Вы ведь знаете, в обществе я считаюсь жизнелюбивым человеком. Я всегда старался быть в стороне от интриг... Мое дело – есть-пить, говорить здравицы. Я про себя думал, возможно, мое легкомыслие уравновешивается твоей сдержанностью. Ведь отрицательные и положительные черты друг друга дополняют. Я был тебе предан всем сердцем, Араз... Твою жену считал своей сестрой. Это может подтвердить и твоя жена – Зара.

Музыка усиливается. На сцене музыкантов не видно, но музыкальные инструменты то опускаются вниз, то поднимаются. Люстры раскачиваются, кружатся. «Зара» (она также и Мила) и «Араз» (он также и Алим), держась за руки, танцуют. Затем каждый из них берет по одному музыкальному инструменту и прижимает к груди. «Зара» (в настоящее время Мила) танцует с саксофоном, а «Араз» (в настоящее время Алим) танцует с кларнетом. Затем они кладут инструменты на место и вновь танцуют вместе. «Араз» (Алим) целует руку «Зары» (Милы) и берет в руки бутылку шампанского со стола на краю сцены. Откупоривает бутылку. Брызги шампанского разлетаются вокруг. «Араз» (Алим) наливает шампанское в фужеры. Пьет.

Подносит бокал «Заре» (Миле). Женщина неохотно выпивает. «Араз» (Алим) берет два полных фужера и подходит к музыкальным инструментам. Остаток шампанского выливает «в горло» саксофона и кларнета. Казалось, он хочет опить «Араза» и «Зару» и тем самым отомстить им. Звуки музыкальных инструментов раздаются еще звонче. «Араз» (Алим), смеясь, подходит к столу, вновь наполняет фужеры и пьет. Затем отходит от стола и подходит к Заре (в настоящем – к «Миле»), хлопает в ладоши.

«АРАЗ». Ха...
«ЗАРА». Ха...
«АРАЗ». Ха-ха...
«ЗАРА». Ха-ха...
«АРАЗ». Ха-ха-ха...
«ЗАРА». Ха-ха-ха...
«АРАЗ». Ха-ха-хааа...
«ЗАРА». Ха-ха-хааа...
«АРАЗ». Ха-ха-ха...
«ЗАРА». Ха-ха-ха...
«АРАЗ». Ха-ха...
«ЗАРА». Ха-ха...
«АРАЗ». Ха...
«ЗАРА». Ха...
«АРАЗ». Вот так...

Музыка затихает.

«ЗАРА». Устал?..

«АРАЗ». Да... Нет... Ха-ха-ха... Эта болтовня и смех не могут оправдать меня. И тебя... Ты меня понял, Араз? И это никак не связано с тем, что мы с тобой не одну бутылку вина и водки вместе распили и хорошо нагулялись? Это не причина – простить меня и тебя, Араз...

«ЗАРА». Алим, кажется, ты опьянел...

«АРАЗ». Ну, и что, Мила? Когда я пьян, мой мозг работает острее...

«ЗАРА». Да? А ты что скажешь, Зара? Алим, было бы неплохо, если бы ты выяснял отношения не со мной, а со своей женой. Интриганка! Ты своей ложью прогудела все уши моему мужу. Видно, таким способом ты зарабатываешь себе очки. Знаю, чего ты добиваешься, чтоб пролилась кровь! Зараза... Я уничтожу тебя! Я тебя разорву на части! Куда убегаешь?... Остановись!...

«Зара» (в настоящем Мила) за кем-то гонится, а еще точнее, за виртуальной «Зарой». И, гонясь за ней, покидает сцену.

«АРАЗ». Вот так, Араз, теперь мы вдвоем и сможем быть до конца искренними. Не так ли? *(Прохаживается.)* Два друга, двое мужчин... Нет. Мы теперь не друзья... теперь нас нельзя назвать и мужчинами. «Мы враги?» Да. Во всяком случае, ты мой враг. Что ты хмуришься? А какими бывают враги? Ты обесчестил меня. Только в кино, в театре проходят мимо таких вещей, но мы не герои кинофильмов. *(Делает движение под музыку.)* Я не нажил богатство, которое мне было бы жаль оставлять в этом мире. Так что смерти я не боюсь. Все, что я зарабатывал, тут же тратил на развлечения, друзей, родных и близких. Но имя свое берег. Правда, иной раз я свою жену и ругал, и бил. Это моя жена. Сам знаю, как поступать с ней. Все это было в доме. *(Останавливается.)* Но за пределами дома все знали, что у Алима – хорошая

семья, честная жена. Алим и Мила для многих были примером. А теперь так получается, что мы для других можем быть примером в ином смысле. После этого на меня будут указывать пальцем: «Это, мол, муж Милы». И про Милу будут говорить многозначительно: «Это жена Алима». Араз, я не из тех мужчин, что переваривают бесчестье. Если об этом другие не знают, то ты-то должен был знать. *(Он кладет руку «на плечи» воображаемого Араза).* Молчишь?.. Конечно. Ты должен молчать. Потому что ты передо мной виновен. Ты дрожишь... Потому что боишься... Я не думал, что ты такой... *(Слышны женские крики Зары, то есть Милы).* Пстой, пстой, не спеши. И как это ты, будучи таким тщедушным, соблазнил мою жену? Это ты этими руками ласкал ее, да? *(Якобы он кого-то душит.)* Я сейчас тебя придушу. *(Слышен хрип удушаемого человека.)* Мерзавец! *(С кем-то борется.)* Ты никуда не сможешь убежать! Араз, ты не сможешь высвободиться из моих рук. Стой!

После завершения этого монолога на сцене гвалт-гомон, беготня. Араз, в настоящем – Алим, за кем-то гонится. Музыка отслеживает их действия: громкая, быстрая, нервная. Руки «Араза» (то есть Алима) быстро-быстро дотрагиваются до музыкальных инструментов: падают стулья, покачивается люстра. Затем он как будто ловит того (Араза), за кем гнался. И они вновь борются, то он падает, то встает. Музыка нарастает. Прибегает «Зара» (в настоящем Мила). Она тоже за кем-то гонится (видимо, за Зарой). Наконец она ловит ту, за кем гналась, хватая ее и вышвыривая вон. Слышны крики мужчины, женщины, стоны, вопли. «Зара» (в настоящем Мила) тащит женщину (Зару) за волосы. «Араз» (в настоящем Алим) ударом кулака сваливает с ног своего соперника (Араза), забивает его пинками. Упавший человек вырывается и «убегает». Араз гонится за ним. Хватает со стола нож и бросается вслед за ним. Он, наконец, его догоняет. Хватает его за горло и со всей силы вонзает нож ему в грудь. Раздается вопль. «Араз» (в настоящем Алим) вынимает нож, гневно смотрит на распластавшегося на земле человека. Он рукой вытирает кровь с ножа. Однако нож все еще в крови... тогда он вынимает из кармана большой белый платок и вытирает им нож. Затем, глядя на платок, изрекает: «Белый платок весь в крови». Он становится на колени и прикладывает платок к ране убитого. Отходит назад... «Араз» (то есть Алим) безумно хохочет. Вновь подходит к убитому и становится перед ним на колени. Ищет его на ощупь, на коленях ползет за убитым. Но чувствуется, что руки его шарят в пустоте, убитого нет на месте... «Араз» (то есть Алим) падает лицом вниз, рыдает. Внезапно музыка стихает. Появляется «Зара» (то есть Мила). Она в траурном одеянии. Единственный звук на сцене – это топот женских каблучков: так...так...так... Женщина («Зара», в настоящем Мила), плавно подходит, словно паря в воздухе. Протянув руку, гладит «Араза» (то есть Алима) по голове. Затем внимательно смотрит на валяющийся нож на полу. Подбирает с полу платок и вытирает нож. Бросает платок на нож. Женщина, взяв «Араза» (то есть Алима) за руку, помогает ему подняться. Оба внимательно и с неприязнью разглядывают друг друга. Звучит похоронная музыка. В этот момент платок и окровавленный нож плавно поднимаются в воздух. Видно, это ветер их тихонько трогает их с места и уносит неизвестно куда, как вещественное доказательство случившегося. Музыка постепенно нарастает. «Араз» (Алим) и «Зара» (то есть – Мила) в ужасе смотрят вслед окровавленным платку и ножу. Пригибаясь, следят за их полетом, и сами исчезают с глаз. Немного погодя и бутылка шампанского, а затем и музыкальные инструменты, саксофон, кларнет и другие тоже пускаются в полет...вслед за ними. Музыка нарастает. Свет прожекторов освещает замершие силуэты «Зары» и «Араза», в настоящем – Алима и Милы. Они стоят словно статуи... Гремит гром. Дождь. Отсветы молний. Свет то гаснет, то зажигается. В стороне вдруг освещается уже знакомое нам крыльцо. Второй этаж гостиницы.

Первый этаж пока не виден. Точнее первый этаж отсутствует, «испарился». Свет прожекторов падает на заблудившихся в туннеле Зару и Араза. Они ищут выход из туннеля. Издалека тихонько нарастают тихие нежные звуки музыки.

ЗАРА. И когда же прекратится этот дождь?

АРАЗ. Это от вас зависит.

ЗАРА. Но у меня нет связи с небесами...

АРАЗ. Я хочу выйти на крыльцо.

ЗАРА. Здесь так холодно.

АРАЗ. И еще это железно... Надо еще немного спуститься.

ЗАРА. Но разве низ и верх здесь чем-то отличаются?...

АРАЗ. Здесь находится верх низа.

ЗАРА. Ничего не понимаю.

АРАЗ. Мы в подвале... *(Как бы очнувшись.)*

ЗАРА. В подвале?..

АРАЗ. Да, в подвале... Но это подвал на крыше...на чердаке...

ЗАРА. А разве бывает подвал на чердаке?

АРАЗ. Все может быть... Надо вон туда взобраться... нет, спуститься...

ЗАРА. Но туда нет дороги... *(Пригибается.)*

АРАЗ. Да... Нет дороги... там есть преграда. Надо ее перепрыгнуть и пройти.

ЗАРА. Я не смогу через нее перепрыгнуть. .. Я боюсь...

АРАЗ. Дайте мне руку...

ЗАРА. Но посторонний не может прикоснуться к моей руке!

АРАЗ. Тогда вы сами постарайтесь перепрыгнуть. Ты только подумай – «посторонний»!

ЗАРА. Отойдите назад!

АРАЗ. Закройте глаза, не смотрите вниз, а то упадете...

ЗАРА. Хопп... *(Прыгает.)* Я уже на этой стороне, и вы прыгайте... Сделайте – «хопп»...

АРАЗ. Вы же боялись прыгать? А прыгнули, как джейран. Все женщины такие: мужчинам до них далеко по прыжкам. Теперь посмотрим, смогу ли я прыгнуть...

ЗАРА. Будьте осторожны... Внизу течет река... Или это сель... После таких дождей, подобный сель – явление нормальное...

АРАЗ. Это течет Река Времени...

ЗАРА. Река Времени? Это что за река?...

АРАЗ. Те, кто находится по ту сторону реки, живут в другом времени, измерении...

ЗАРА. Но тогда получается, что мы живем в разных временах?...

АРАЗ. Конечно... Посмотрим, смогу ли я тоже прыгнуть на ваш берег...

ЗАРА. Тогда мы сможем быть в одном времени, да?

АРАЗ. Нет...Мы сможем быть вместе только в том случае, если оба мы поплывем в Реке Времени....

ЗАРА. Ну, раз так, давайте мы оба встанем на одном берегу...

АРАЗ. Нет, я прыгаю на другую сторону реки. Хопп... *(Прыгает.)* Кажется, я смог спрыгнуть. Но лучше бы мы оба очутились в одной Реке Времени...

Музыка нарастает. Свет прожектора освещает Зару. Она вырывается из-за перил и печальной. Женщина осторожно и не спеша поднимается на крыльцо. Облокотясь о перила, смотрит вдаль. Немного погодя свет освещает Араза; у него в руках – посох. Араз, как и Зара, облокотясь о перила, тоже смотрит вдаль, но – в противоположную сторону. Затем они начинают внимательно разглядывать друг друга.

ЗАРА. Будет дождь...

АРАЗ. К черту дождь, идет, пусть идет. ..Промокшему чего бояться дождя?

ЗАРА. Перед дождем кости ноют.

АРАЗ. Перед ноющим сердцем нытье костей – ничто.

ЗАРА. Неужто и ваше сердце вас подводит?...

АРАЗ. Раньше ныло...

ЗАРА. А теперь?

АРАЗ. Нет, нет, сейчас уже не ноет... *(Пауза.)* Мое сердце ныне воет, как заблудившийся волк.

ЗАРА. Как волк... Волки бывают в лесу...

АРАЗ. И мое сердце – в лесу...

ЗАРА. Поэтому вы так внимательно смотрите на лес?

АРАЗ. Да, я поэтому так разглядываю лес. А вы?

ЗАРА. А мое сердце клокочет, как раненый орел.

АРАЗ. Но орлы обитают в горах...

ЗАРА. Вот и я с тоской смотрю на недосыгаемые выси гор. Ведь мое сердце – в горах...

АРАЗ. Если я не ошибаюсь, то и ваш муж там похоронен....

ЗАРА. Да... На подоле высокой горы... Если я не ошибаюсь, и вы свою жену потеряли...

АРАЗ. Да... Она похоронена на подоле леса... Простите меня, а ваш муж погиб на войне?..

ЗАРА. На войне... *(Спешно.)* То есть, когда я говорю «на войне», то... Его убили не огнестрельным оружием, а холодным... А что случилось с вашей женой, уж не осталась ли она под снежным завалом?..

АРАЗ. Не под снежным завалом...Она задохнулась ...

ЗАРА. От газа...

АРАЗ. Что?

ЗАРА. Я спрашиваю, она задохнулась от газа?..

АРАЗ. Ее задушили *(ударяет палкой о землю.)*, на первом этаже этого отеля...

ЗАРА. А-а-а ...И мой муж там был убит...

АРАЗ. Там?.. Он был молод?..

ЗАРА. Конечно.... Молод, красив, благороден. Теперь нет таких мужчин. А ваша жена? Она тоже была красивой?..

АРАЗ. Очень... Красивая – до дрожи, с тонкой талией, длинноногая. Я теперь не встречаю таких женщин. *(Вздыхает.)* Эх...х... А почему вашего мужа убили?..

ЗАРА. Это длинная история. *(Вздыхает.)* Эх-хх... А почему вашу жену придушили? Вы не рассказали мне о причине....

АРАЗ. Это тоже длинная история... Вкратце могу сказать только то, что ее задушила одна женщина. Эта женщина была женой моего друга....

ЗАРА. Странно... И моего мужа зарезал ножом муж моей подруги. Прямо на моих глазах. К тому же он был другом моего мужа...

АРАЗ. И мою жену задушили на моих глазах... У нее прервалось дыхание...

ЗАРА. И это вы ее похоронили?

АРАЗ. Нет... Я слышал, что убившая ее женщина похоронила ее на краю леса...

ЗАРА. Человек, убивший моего мужа, вырыл ему могилу на подоле горы...

АРАЗ. А вы не посещаете могилу своего мужа?

ЗАРА. Нет...

АРАЗ. Я тоже... нет...

ЗАРА. А почему вашу жену задушили? Вы можете рассказать...

АРАЗ. За измену своему мужу, то есть мне... А вина вашего мужа в чем состояла?

ЗАРА. За то, что он посмел соблазнить жену своего друга...

АРАЗ. А может, они неповинны?...

ЗАРА. Может... Во всяком случае, я его, своего мужа, потеряла в результате этой измены... Теперь я затрудняюсь сказать, насколько мои предположения были верны...И то, что там находится на подоле горы, – мираж... истинная могила находится вовсе не там...

АРАЗ. А где?

ЗАРА. Здесь, в моем сердце...

АРАЗ. И я тоже могилу своей жены вырыл в своих зрачках. Она здесь, в моих глазах изнывает.

ЗАРА. Мне кажется, в горах идет дождь...

АРАЗ. Как вы об этом узнали ?

ЗАРА. А посмотрите, какие с гор идут сели...

АРАЗ. Это течет Река Времени.

ЗАРА. Что? Что это?

АРАЗ. Это Река Времени... Она течет между людьми, пропадает... разлучает людей друг с другом... Это из-за этой реки люди живут по разным ее берегам. Время подобно острому мечу... Мы из-за этой Реки Времени живем в разных временах....

ЗАРА. Я ничего не поняла... «эта река, не эта река»... Вы сюда ежегодно приезжаете? ... Вы ведь это сами сказали ?

АРАЗ. Да, ежегодно... И буду приезжать сюда ежегодно до самой смерти.

ЗАРА. И я дала себе слово: пока жива, всегда приезжать в эти места. И причем именно в это время года... Первого числа...

АРАЗ. И я ... Ведь эта трагедия произошла первого числа... Видите, сколько уже времени прошло с тех пор? Но, эх-хх – в последнее время мои глаза почти совсем уже не видят. Будто в моих зрачках зажигают костер. И поэтому я плохо вижу то, что вдали. И этот лес...

ЗАРА. Не скажите. Старость – не радость... И у меня часто болит сердце, колет... Раньше такого не было... Это «подарки» последних лет. Но я все еще считаю себя терпеливой и сильной женщиной.

АРАЗ. Я тоже всегда был человеком слова. То, что обещаю, стараюсь выполнять.

ЗАРА. Грохочет в небе гром...

АРАЗ. Сверкает молния.

ЗАРА. Будет дождь.

АРАЗ. Будет дождь?.. Пусть идет. Дождь – к чистоте...

Они смотрят в разные стороны. Музыка. Сверху свисает нож. Это тот самый нож, вонзенный «в грудь» Алима. Нож раскачивается между силуэтами Араза и Зары. Сцена полностью освещена. Араз и Зара расстаются, отделяются друг от друга. Они проходят всю сцену и вновь идут навстречу друг другу.

ЗАНАВЕС

АЗЕР ЭФЕНДИ

Кассандра

С причёской в мелких розовых цветках,
Как буйный куст душистый олеандра,
Вдоль берега с улыбкой на устах
Бродила в одиночестве Кассандра.

Она сказала всё уже отцу,
И братьям, и придворным, и кухаркам,
И страже у ворот, и кузнецу,
И пастухам, и девственным весталкам...

«Нельзя, нельзя ахейцам доверять!
Их дар, их деревянный конь опасен!
Пусть он искусен очень и прекрасен –
Нельзя, нельзя ахейцам доверять!

Спалит он Трою и дворец, и стены...
И груды тел, и смрад на площадях!..
И брыли псов полны кровавой пены...
Ахейцы никого не пощадят!..»

Приама дочь!.. Все слушали с почтеньем,
Но с горькою улыбкой глядя вслед...
Слова её казались им сплетеньем
Безумия и страха лет и лет
Кровавых битв у стен могучей Трои,
Где с жизнью доблестной теряли связь герои!

Кассандра шла, и под ногой звенели
Ракушки мелкие, и сыпался песок...
А на душе фанфары и свирели,
И чистой радости сверкающий поток!

Ночь распахнула звёзд небесный улей!..
Кассандру охватил внезапный жар!
Она узрела, что уже втянули
В ворота Трои злополучный дар...

Саломея

Гибка, как дым, струящийся из трубки...
Одежды тонкие, как лёгкий ветерок...
Кружится в танце, словно ангел хрупкий,
Кто ж изваять мог нечто, как не Бог!

Звенят браслеты на ногах и кистях,
Ей не давая взмыть и улететь...
Глаза придворных плаваются корыстью
Украсть сей образ, и – смотреть, смотреть!

Вступают в дело бубны, тамбурины,
Огонь в лампадах плещется, дрожит!
По стенам тенью силуэт змеиный,
Казалось, мечется, и что-то ворожит...

Царь Ирод страстью адской пламенея,
Вскочил и крикнул: «Божья благодать!
Ты – маленькое чудо, Саломея!
Проси, что хочешь! Что тебе подать?!»

И «чудо», оплеля его колена,
Как плющ, цепляясь нежно, поднялась:
– Я попрошу неслыханное вено
За этот танец, дашь ли, не скупясь?

– Уже сказал, что хочешь, то и будет!
– О, слово царское!.. Не изменить его!
Пусть принесут на золочёном блюде
Мне голову пророка твоего!

Летим и кружимся в пространстве,
За нами шлейф из солнц и лун..
И всё-то, Каин в окаянстве,
И Авель беззащитно юн.

И мудрецов не стало меньше –
Три штуки в счёт на миллион!
И жизнь всегда, как танец гейши:
Веер открыт, веер закрыт – и всё! – поклон...

И экзистенция витает, как витала
В грызне горячечной за власть,
В грызне за горы рыжего металла,
И поцелуя гибельную сладсть...

Летим и катимся без цели, без маршрута,
Но всяк всерьёз ведёт свою игру...
Мой Бог! Даритель солнечного утра!
Не закатиться б только в чёрную дыру...

Профессору афульской консерватории Л. Барштаку

**О, Леонид, твой полуюбилей!..
К чему всё это – цифра не солидна!
Не полукровка ты, а племенной еврей!
Пусть, не пейсатый, но вполне либидна**

**Твоя планида ворохом детей,
И внуками Всевышний не обидел...
И со спины известен средь людей,
И профиль твой с галёрки аж был виден!**

**И скрипка пела нежным голоском,
(Попробуй не попеть в руках атлета!)
СМИчок цеплялся каждым волоском,
У струн сурово требуя ответа.**

**И отдавалась каждая струна:
«О, Леонид, ещё, ещё поддай-ка!»
И слушала в трансляциях страна,
Как изливалась в этих звуках Хайфа!**

**Ты дом построил, садик насадил...
И в спорах затыкал на полуслове!
По жизни ты не трУсил, а трусил
В песчаную страну по зову крови!**

**Ты цельнометаллический еврей,
И сам себе добыл в Баку награду:
Похитил ловко у Страны Огней
Красивую и мудрую Ираду!**

**И вот такому, блин – семьдесят пять!
Ну, что за цифра? Что за мелочишка!
Прибавь ещё хотя 6 лет двадцать пять!
Куда спешишь? Мой милый торопыжка!**

**Ты должен лихо праздновать лет в сто!
И всё равно скажи: Ещё не вечер!
И я тогда на тимпилипито¹
Дам дробь и возглашу: Матёрый Человеке!**

Лейле Мамедалиевой

**Друг мой преданный, друг сердечный!
Не считать нам ни лет, ни зим.
Нас когда-то спаял навечно
Тот, кто в слове невыразим...**

¹ Кавказский ударный инструмент.

**Вяжет он кружева событий,
Мы же дышим и просто живём,
Роль свою из надежд и наитий,
Исполняя без дублей живьём!**

**Ты всегда вся в порыве, не нюнясь,
В класс влетала, не снявши берет,
Под рукой «Новый мир» или «Юность»:
– Ой, прочтите! Здесь «Звёздный билет»¹!**

**Как колибри, зависнув в восторгах:
Рихтер! «Гойя»²! О, Грегори Пек!..
Ты ресницами длинными вздрогнув,
Забывала день, месяц и век!**

**Вот, такую была – и осталась!
И к чему становиться другой?!
Говоришь, донимает усталость...
Но живём же, мой друг дорогой!**

Надыру Агасиеву

**Когда с ладошки божия коровка
За хлебом улетает в небеса,
И бабочки вокруг витают робко,
И стар, и млад предчуют чудеса...**

**Малышка ждёт загаданного хлеба,
А старец смотрит, как юлит оса...
И в их глазах так много-много неба,
Как только может взять в себя роса!**

**Поэт, не кичись связью с Богом.
Не ты проложил эту связь.
Живи себе в теле убогом,
Особо ничем не кичась.**

**Но слово гранить должен чётко,
Как старый еврей-ювелир
Шлифует алмазные чётки,
Ведь словом спасается мир!**

¹ Роман В.Аксенова.

² Немецкий фильм, музыку к которому написали Кара и Фарадж Караевы.

**Я по весне иду, как по ковру,
По разноцветью запахов и бликов!
Полупомешанный от счастья – я не вру!
И небеса дрожат от птичьих кликов!**

**С эльдарских сосен, с кипарисов – дым!
Кусты ракич стоят, как вспышки солнца!
И я себя встречаю молодым –
Как не узнать старинного знакомца!**

**Всё так же сердце мельтешит в груди,
Когда он слышит: Бэнкс иль Марадона...
Смешная мама утром в бигуди...
А в классе ждёт его la bella Donna!**

**Ах, он не смеет близко подойти –
Она сидит вся в ореоле бантов!
Но если взгляд её случается найти,
Глаза стреляют вспышками брильянтов!**

**Так море вечно льнёт и льнёт к Баку,
Стучится в берег, как сердцебиенье...
Весною я поверить не могу,
Что жизнь всего лишь – краткое мгновенье!**

**Все как будто бы, как прежде:
Солнце блещет!.. Небеса!..
И душа парит в надежде
Заглянуть в твои глаза...**

**И услышать голос тихий,
Говорящий только мне,
Средь людской неразберихи,
И разбросанных камней.**

**Где ты? Что ты? Я не знаю.
И поэтому – везде,
Как слепой, я осязаю
Путь к блуждающей звезде...**

**Ни о чём я не жалею,
Хоть камней не собрать,
Жизнь – игра! И я лелею
Шанс достойно проиграть...**

ФРАНГИЗ ХАНДЖАНБЕКОВА

**ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ:
«В БАКУ РЕАЛЬНО ПРИСУТСТВУЕТ
МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ»**

Не помню уж, в какие годы в моих руках случайно оказался взятый кем-то из библиотеки Академии наук толстенный журнал «Искусство кино». Я лишь успела наскоро перелистать, но до сих пор сохранилось ощущение соприкосновения с Мыслью. Не мелкой, поверхностной, дежурной, скользкой мимо сознания, а выстраданной, извлеченной из недр глубинного ума. И не просто необычной, оригинальной, яркой, неожиданной, а такой, которая словно открывает в твоём уме и душе некие потайные двери разума, расширяя его горизонты. И главное – взламывающей невидимые решетки собственной мысли, освобождая от застоявшихся стереотипов.

Такие же ощущения были испытаны в середине 70-х годов прошлого века, когда я лишь поверхностно перелистала только что купленный по чьему-то совету на «черном» рынке по дорогой цене сборник эссе, статей, дневниковых записей Поля Вальери «Об искусстве». Он открывал совсем другой космос мысли.

«Искусство мысли» – такое определение можно дать журналу «Искусство кино». Той мысли, которая додумывается до конца, стремится к максимальной точности выражения, честной, адекватной и необходимой всегда, как воздух. Стоит ли говорить, что с тех пор я навсегда запомнила имя главного редактора – Даниил Дондурей. Совсем недавно он приезжал в Баку для участия в международном симпозиуме «Масс-медиа в условиях глобальных перемен», о котором информировала наша газета. Грех было не воспользоваться возможностью взять интервью для читателей «Бакинского рабочего», на что Даниил Борисович дал согласие.

– Даниил Борисович, насколько трудно или легко, интересно быть редактором большого аналитического, отличающегося многообразием тем, журнала?

– Это большой разговор. Дело в том, что журнал на сегодня – один из самых старых по возрасту в Европе, потому что, например, французские или английские профессиональные журналы по искусству создавались либо сразу после Второй мировой войны, либо перед войной, а наш выходит с января 1931 года. Вначале, около четырех лет, под названием «Пролетарское кино», а с 1936-го – под нынешним. Этот журнал специальный, и создавался не для зрителей – тех, кто ходит в кинотеатры, а для профессионалов, тех, кто создает кино – режиссеров, сценаристов, операторов, драматургов, продвинутых киноведов... Тех, кто делал кино, был образован, разбирался, понимал какие-то важные мировые кинопроцессы. У этого журнала были разные тиражи, и самые востребованные годы – после доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 году, в основном 60-е, до ввода войск в Чехословакию в 1968 году, и в годы перестройки и гласности, особенно в 1987-1989 годы. В эти периоды тираж достигал 25 тысяч экземпляров, что для интеллектуального журнала было очень много. Ведь «Искусство кино» – не массовый журнал, как «Огонек», и не литературный, как знаменитые «Новый мир», «Октябрь», «Иностранная литература», «Звезда» и «Москва», идеологически отличавшиеся друг от друга, но, тем не менее, выпускавшиеся все миллионными тиражами, расхोdivшимися по всему Советскому Союзу. По-

лумиллионным и даже достигавшим 800 тысяч был тираж выходившего в СССР журнала «Советский экран», в котором пропагандировались успехи советского кино, а также публиковались пронизанные оптимизмом различные статьи, интервью со звездами кино, с множеством иллюстраций. А «Искусство кино» публиковало теоретические статьи, критику, подробный анализ...

– *Чем объясняется такой большой спрос на ваш журнал в эти годы?*

– Духовным, идеологическим и мировоззренческим подъемом, тем, что интеллигенции казалось, что будет мощное обновление страны. Особенно после 1986 года, когда свою, очень важную роль сыграл состоявшийся через месяц после избрания Горбачева, Яковлева и других Пятый съезд кинематографистов. который осуществил своего рода взлом советской идеологии, настоящую революцию: не подчинился воле ЦК КПСС и не избрал назначенных им людей руководителями союза. Тогда были избраны Элем Климов, Андрей Смирнов, Вадим Абдрашитов, Сергей Соловьев и другие. Это было восстание, но Горбачев с Яковлевым не подавили его, наоборот, поддержали. Но в конце 90-х, как и в свое время в 1968 году после ввода советских войск в Прагу, стало понятно, что СССР не будет строить социализм с «человеческим лицом» (выражение Александра Дубчека).

– *Кто основные авторы вашего журнала?*

– В период подъема – кинематографисты. По традиции, журнал занимался профессиональными проблемами, которые до сих пор актуальны. Это анализ режиссуры, сценарного дела, визуальных решений вплоть до монтажа, музыки, стилистики и многого другого. Ныне наша задача в том, чтобы сохранить качество чисто профессиональной аналитики, чтобы люди могли понимать...

– *Это ликбез своего рода?*

– Да, но не для начинающих, а для тех, кто уже снимает кино. Для них наши профессиональные авторы, состоящие из двух больших когорт – продвинутых киноведов, знающих и образованных, и создателей фильмов с репутацией интеллектуалов, анализируют реальный процесс. Например, разъясняют, что же это такое, скажем, картина «Утомленные солнцем-2». Почему она не продавалась в другие страны, и хотя выдвигалась на «Оскар», в отличие от первого фильма Михалкова не смогла пробиться даже в десятку номинантов. Что это за фильм «Сталинград» Федора Бондарчука или работы таких режиссеров, как Хлебников, Попогребский, Герман-сын, Сигарев, которые с какого-то момента стали представлять Россию. Что это за люди? Почему они снимают такое кино, почему их приглашают на большие фестивали?

Специалисты, выступающие на страницах нашего журнала, досконально, со всех сторон рассматривают объект своих исследований, вынося беспристрастную, свободную от предвзятости оценку. Именно поэтому их мнение, а не чиновников определяет, какое российское кино останется в истории, а какое нет. Наши аналитики решают, выводя формулу успеха конкретного фильма. Для них при этом не важно, сколько было продано билетов – на сто тысяч рублей или на 100 миллионов. Если господин Сокуров снял фильм «Фауст» и наши критики, понимая, что это выдающееся произведение искусства, предугадывают, что он что-то получит на Венецианском фестивале, то их предвидение, как правило, сбывается, потому что основано на объективном анализе. И он-таки получил там «Золотого льва».

Профессиональная оценка – первый и самый важный элемент, из которого складывается доверие к нам. Второе обстоятельство – это знают и в Министерстве культуры, и в Союзе кинематографистов, и в администрации президента: на наших критиков нельзя напрямую воздействовать идеологически: указать им или просто сказать, что авторы вот этого фильма любят родину и настоящие патриоты только потому, что показывают, что Великая Отечественная война, несмотря на большие трудности, – это беспримерная, безоценочная победа и т. д. Нет, наши авторы могут отдать должное фильмам, показывающим, что любая война – это ад, любая война –

это смерть, гигантские жертвы, за которые расплачивается народ, и поэтому мы можем поддержать своей публикацией, например, фильм Сергея Лозницы «Счастье мое», точно так же, как это сделал крупнейший фестиваль мира – Каннский, пригласив на конкурс, в отличие от других русских фильмов (у нас снимают по 80-90 в год), потому что эта картина – мировая продукция. Фильм про Россию, снят российским режиссером с участием российских актеров. Я к тому, что мы идеологически свободны, и пока еще никому не приходило в голову указывать нам, какой фильм или телесериал надо поддержать, потому что мы хотим выдвинуть его на премию «Ника» или «Золотой орел», или на госпремию РФ. Конечно же, мы не пропускаем значимые фильмы и на своих страницах обсуждаем, анализируем, проводим дискуссии. Например, у нас было опубликовано шесть текстов по фильму «Оттепель», были статьи, посвященные фильму «Легенда №17» о Валерии Харламове. Третий элемент: мы являемся основными партнерами, информационными агентами мировых фестивальных сетей и в первую очередь самых знаменитых фестивалей класса А, при отборе российских фильмов опирающихся на наше профессиональное мнение. В активе журнала 140 российских критиков. Таким образом, профессиональный анализ, идеологическая свобода, международное сотрудничество – это...

– *Те «киты», на которых держится ваш журнал?*

– Да, это три «кита», три критерия, три ориентации, на которых мы стоим. И четвертый «кит», а на самом деле первый – это экономическая независимость, из-за которой мы постоянно, регулярно, ежегодно переживаем большие трудности.

– *Откуда же трудности, если вы независимы?*

– Они в том, что, стремясь сохранить свою независимость, мы соблюдаем «хитрый» баланс – доля денег каждой из 7-8 организаций, перечисляющих нам деньги, составляет не более 15 процентов нашего бюджета, а значит, ни одна из них не имеет «контрольного пакета», дабы диктовать нам какие-то условия. Например, деньги Минкультуры составляют лишь 12 процентов нашего бюджета. Даже Константин Эрнст, который поддерживает наш журнал, дает только 15 процентов. Это позволяет нам при чьей-то попытке навязать нам свое мнение сказать, что у другого инвестора иное мнение, или что научный совет журнала думает иначе. В то же время это создает для нас большие трудности, вынуждая постоянно «побираться» по банкам, телеканалам. Вот сейчас у нас очередная нехватка 25 процентов бюджета, но это не заставит нас отойти от своих принципов.

– *Мне интересно, что были ваши родители, какое они стремились дать вам образование, как воспитать?*

– Мой отец, можно сказать, – жертва своего времени. В 1947-м ему «повезло»: он по политической 58-й статье получил не расстрел «без права переписки», не 25 лет, а третий, существовавший тогда вариант, – 10 лет. Сказал, что его не очень мучили – всего 6 дней, и он стал... «японским шпионом».

– *Что значит «не мучили»?*

– Не били, просто не давали спать и кормили только селедкой. Через 6 дней проведенных без воды и сна, он все подписал. Он говорил: «Я вообще ничего не понимал – жив я или мертв». Это были простые, «человеколюбивые» пытки. Вышел он в 1954 году, просидев 7 из 10 лет, а уже в 1957 году его реабилитировали, он вернулся на работу. Просто 10 лучших лет из жизни мужчины – где-то от 34-х до 45 лет – он потерял.

– *На основе каких обвинений он стал «японским шпионом»?*

– Он уволил какую-то женщину... Он тогда жил в Рязани, был главным инженером военной базы на полковничьей должности. До этого он прошел 7 лет войны, вошел еще в 1939-м в Польшу. Был кадровым офицером, окончил высшую военную школу, электротехнический институт, но всю жизнь хотел быть художником. Все свободное время он рисовал и только, когда в 70 лет вышел на пенсию, отдался своему

увлечению: рисовал натюрморты, пейзажи, был участником многих выставок – городских, республиканских... Был гордостью своего города, самостоятельным художником с общенациональным именем. Жил он в то время в Пензе и прожил счастливые 10 лет. Наверное, поэтому он хотел, чтобы я тоже стал художником, но я стал искусствоведем, окончив факультет теории искусств ленинградской Академии художеств, хотя сам этого не желал. Меня привлекала социология, она была мне интересна.

– *Чем этот интерес был обусловлен?*

– Меня с юности очень остро интересовала жизнь общества, скрытая подоплека каких-то ее событий, логика и направление развития. Тем не менее, по желанию родителей я окончил художественное училище в Пензе, куда ради этого они переехали, а потом и Академию художеств, хотя по приезду в Ленинград подал параллельно документы и на отделение социологии философского факультета, куда поступить мне не удалось.

– *Что же помешало?*

– Будучи провинциальным мальчиком, я не знал, что, даже имея проходные баллы, евреев после смерти Сталина в ленинградский университет не принимали.

Негласно, под какими-то предлогами... «Вы знаете, мы выяснили, что вы уже поступили в Академию художеств, – сказал мне замдекана факультета, – как это могло быть?» Я объяснил, что окончил экстерном одиннадцатилетку и одновременно художественное училище. С документами училища поступил в академию, куда тоже хотел, а со школьными – в университет. «Но вы знаете, вы с другими документами уже поступили в другой вуз и как бы ввели нас в заблуждение. «Ну, хорошо, заберите оттуда документы (а у меня уже был студенческий билет академии) и напишите на имя ректора, что у вас такие-то баллы и наша комиссия по спорам еще раз рассмотрит ваш вопрос». Все это было сверхчужично. Я так хотел быть социологом культуры.

– *А почему именно социологом культуры?*

– Мне казалось, что без понимания того, что происходит в обществе, ни в чем нельзя разобраться.

– *А как зародились у вас такие мысли? Что вас натолкнуло? Какие явления в обществе? А может, подсознание? Ведь вам было всего 16-18 лет, и вдруг такие серьезные, взрослые мысли.*

– У меня было ощущение, которое я пронес через всю жизнь, что культура – это не только искусство. Она касается всех сфер жизни, а разбираться в этом могут только особые эксперты – социологи, люди, получившие философское образование.

– *На эти мысли вас навели...*

– Не родители, это мой собственный путь.

– *какие-то книги, может быть?*

– Да, книги, несметное их число по философии, социологии, литературе – самые разные. В это время я более-менее читал по-английски.

– *То есть вы интуитивно чувствовали, что из себя «вытащить», куда идти...*

– Меня тогда буквально спас один человек – отец девочки, которая со мной поступила в Академию художеств. Она мне нравилась, и я уже приходил к ним домой в Ленинграде, познакомился с родителями. И вот с ее отцом я посоветовался. Потому что на завтра мне нужно было забрать документы из академии и отнести их в Ленинградский университет имени Жданова, куда я тоже, судя по набранным баллам, поступил на философский факультет. «Ну если ты хочешь оказаться в армии и, поступив в два вуза, не оказаться нигде, то ты и будешь нигде. Тебя никогда, если не будет звонка секретаря партии, на философский факультет – вотчину ленинградского горкома КПСС, где готовят только инструкторов райкомов, ВЛКСМ, специальных людей, – не примут. Никогда. Только по решению ректора и по звонку из горкома партии». – сказал он.

– *И вы тогда...*

– Я понял, что этот человек знает, что говорит. «Если ты хочешь быть социологом культуры, ты им станешь», – сказал мой мудрый папа. Так и произошло.

– *Этот человек вас действительно спас.*

– Они бы нашли другую зацепку...

– *А какие еще люди сыграли важную роль в вашей судьбе?*

– У меня были два выдающихся учителя в аспирантуре Института социологии Академии наук СССР, куда я поступил по окончании искусствоведческого факультета, причем на год раньше, потому что торопился стать социологом, хотел побыстрее войти в эту сферу и понимал, что только через профессиональную аспирантуру смогу достичь своей цели.

– *Кто эти два человека?*

– Это выдающиеся российские социологи Игорь Семенович Кон и Владимир Александрович Ядов, который был руководителем моей диссертации на тему «Символическое потребление культуры». Я защищал ее в годы, когда социология считалась еще чуть ли не буржуазной лженаукой.

– *Вам посоветовали эту тему?*

– Мы долго выбирали и с Коном, и с профессором Ядовым, который официально был моим руководителем. Он потом стал академиком, директором главного социологического института страны – Института социологических исследований Академии наук СССР (ныне Институт социологии РАН).

– *Какую же роль они сыграли?*

– Защищали меня, потому что я занимался несусветной «гадостью» – социологией культуры, а она табуирует, не любит, чтобы ею занимались. Отделы по ее исследованию закрывались, поэтому Ядов взял меня в отдел социологии личности и моя диссертация должна была как-то быть связана с личностью. А в 1975 году у меня были трудности с защитой диссертации.

– *В чем они заключались?*

– Основной моей темой было, как я уже сказал, «Символическое потребление культуры», ее воздействие на личность. Но вдруг на защите два членкора академии начали резко критиковать работу. Разгорался скандал. И вдруг через какое-то время на защите появился директор института знаменитый автор всех учебников по истмату, академик-секретарь отделения философии АН СССР Рудкевич, который никогда в защите кандидатских диссертаций не участвовал. А тут он берет в руки мой реферат, просматривает и говорит: «А вы знаете, мне дважды нравится наша защита. Во-первых, диссертант правильно понимает взгляды западной социологии и берет понятие «массовая культура» в кавычки (а это мне Ядов в последние минуты поставил кавычки), понимая, что это – враждебное, идеологически чуждое нам понятие. В СССР нет массовой культуры, только настоящее искусство и культура – не массовая, а общенародная». И второе, что сказал академик: «Как хорошо, что на кандидатских защитах у нас идут четырехчасовые бои. Я обязательно позвоню завтра председателю ВАКа. Давайте проголосуем, я буду голосовать положительно». Меня утвердили уже через две недели.

– *Что их не устраивало?*

– Я писал о том, что у массовой культуры совершенно другие цели, иной механизм действия, она может выполнять по отношению к культуре среди прочего и очень негативные функции. Массовая по своим социальным функциям культура побеждает искусство, потому что за ней стоят деньги и много еще чего. Рецензенты утверждали, что в СССР нет массовой культуры. Вся советская культура – подлинная, художественная, очень гуманистическая.

– *Мне интересно, какая из прочитанных в последнее время книг вам более всего запомнилась, и хватает ли вам времени на чтение?*

– Я читаю довольно много книг, затрудняюсь что-то из них выделить. Смотрю минимум 150 фильмов в год. Почти все русское кино – до 50 названий. Только во время Каннского фестиваля я смотрю 35-40 фильмов. С утра до ночи, поскольку должен быть в курсе происходящих в этой области процессов. Получается, что занят просмотром каждый третий день своей жизни.

– *Меня заинтересовала ваша фамилия, она необычная. Какова история ее происхождения?*

– Со слов отца знаю, что он табасаранский... Я даже не знаю, где это точно. Мой дедушка по линии отца – еврей-сефард, а по линии матери – ашкенази. Дедушка по линии отца пришел через Грузию и Северный Кавказ в несчастную Белоруссию, где остался жить и умер так же, как и моя бабушка, от голода в 1920 году. Мой отец вместе со своей сестрой – им было, соответственно, 6 лет и три года, стали беспризорными детьми и были определены в детский дом. Там не стали долго мудрить с их фамилией – дедушку звали что-то наподобие Дон Дондур оглы – и записали так, как они сами решили: Дондурей. Так что это самодельная фамилия.

– *А откуда же «оглы»?*

– Не знаю, не задавался этим вопросом.

– *Вы впервые в Баку?*

– Нет, я бывал здесь три дня где-то в 1997-м или в 1998 году. Я просто сопровождал свою жену на похороны ее родной тети в Баку, где она родилась и была увезена в двухлетнем возрасте. Город с тех пор очень изменился, невероятно.

– *А какими были самые первые впечатления?*

– Сейчас Баку мне больше нравится, он стал большим евроазиатским городом с какими-то своими традициями, замечательными элементами архитектуры в Старом городе, где была реставрация, с квазизападным новоделом, с очень качественной структурой транспортных дорог, с красивыми станциями метро... В общем, вполне современный город, который, видимо, быстро обновляется. И видно, что страна, я не знаю об идеологических процессах, развивается интенсивно. У нее на это есть средства, желание, интерес руководителей, которые, видимо, чувствуют себя ответственными за свою нацию, территорию, культуру. Видно, что это не хиреющая, а развивающаяся страна. И второй момент связан с тем, что здесь действительно присутствует мультикультурность. Это редкое состояние. И если Россия все более изолируется по отношению и к Западу, и к Кавказу, к инородцам, иноверцам, то здесь мультикультурность – одна из значимых ценностей, продуктивных мифологем. Здесь спокойно могут жить азербайджанцы, русские, евреи, горцы, представители других национальностей.

– *Журнал «Искусство кино» в Баку, можно сказать, не найдешь...*

– Нас можно читать на сайте kinoart. Ru. Мы в Интернете с 1997 года. В любом случае в Яндексе можно поискать. Там же размещен и архив.

– Спасибо за интересную беседу.

ethnoglobus.az

Опубликовано 5 октября, 2014

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

АНАР

Пропустивший поезд

Исхак Салманзаде попрощался со своим турецким компаньоном Адхам беком на Будапештском железнодорожном вокзале. Адхам-бек пришел проводить его в Эгер. Они по турецкому обычаю обнялись и соприкоснулись щеками.

– Дай Бог, встретимся 5 мая в Нью-Йорке, – сказал Адхам-бек.

– Дай Бог, – сказал Исхак и поднялся по ступенькам вагона, вошел в купе, помахал в прощальном жесте рукой. Мгновение спустя поезд тронулся с места, Исхак увидел в окно удаляющегося Адхам-бека.

Исхак выкупил целиком сидячее купе, характерное для европейских поездов, чтобы не иметь попутчиков, он не любил общения с незнакомцами. Вдобавок он всё равно не знал венгерского, ему хотелось на четырехчасовом пути в Эгер остаться наедине с собой, в одиночестве со своими воспоминаниями и мечтами.

Он развязал галстук, снял с себя пиджак, брюки и рубашку и надел голубую спортивную форму. Снял ботинки, которые чуть жали. Теперь ступням в мягких шлепанцах стало комфортнее. По привычке хотел бросить взгляд на наручные часы, но тут же вспомнил, что вчера вечером подарил свой «Ролекс» Адхам-беку. Адхам-бек никак не хотел принимать столь дорогой подарок. Наконец взял при одном условии:

– Обещайте, что бросите курить, в Америке с этим всё серьезно. Вам придется несладко во время переговоров, длянщихся часами.

Тридцатидвухлетний Исхак побывал во многих странах, но в США покамест не довелось. Потому с нетерпением ожидал этого делового визита со своим компаньоном Адхам-беком. Им предстояло согласовать и подписать с американскими партнерами новый проект по застройке. Предложение о сотрудничестве с американской компанией поступило от Адхам-бека, и Исхак согласился тотчас. С подросткового еще возраста он был очарован Америкой. У него имелась обширная видеотека из американских фильмов, богатая фонотека, состоящая из произведений Дюка Эллингтона, Эрла Гарднера, Стива Вандера, Стэна Кентона и многих других джазовых и рок-исполнителей. Прочитанные книги – поначалу он читал Джека Лондона, Драйзера, Марка Твена, затем им на смену пришли изданные на русском романы Хемингуэя, Фолкнера, Скотта Фицджеральда – влюбили Исхака в эту страну. Он всё собирался, но с каждым годом откладывал по разным причинам изучение английского языка. В этом году он непременно со всей серьезностью возьмется за это дело. Адхам-бек тоже говорил, что это важнейшее условие для успешного бизнеса. Адхам-бек полушутя-полусерьез дал еще одну рекомендацию. Зная, что в американском бизнесе евреи обладают весьма большим авторитетом, Адхам-бек предлагал Исхаку отбросить окончание «заде» от своей фамилии. Ведь имя у него подходящее. Исхак Салман звучит вполне по-еврейски. До выяснения истинного происхождения Исхака Салмана его будут принимать за еврея, проявлять особое отношение.

– Конечно же, я шучу, – расхохотался Адхам-бек.

Тем не менее, эти слова запомнились Исхаку.

С Адхам-беком они познакомились два года назад в Сочи на деловом собрании. Оба были застройщиками и ровесниками, потому сразу нашли общий язык и

сблизились. Адхам-бек познакомил Исхака с венгерским бизнесменом Ласло, вот и сейчас они пересеклись в Будапеште в рамках совместного проекта. Но та сочинская встреча имела для Исхака более важное значение. В Сочи он познакомился с переводчицей Ласло татаркой Камиллой Кадыровой, и, как говорится в сказках, они влюбились друг в друга с первого взгляда. Камилла изучала венгерский в Институте иностранных языков в Москве, вышла замуж за сокурсника Габора, после окончания института они стали жить в городе Эгер. Чуть спустя они по какой-то причине развелись (Камилла не сочла нужным говорить Исхаку, по какой именно), но Камилла, уже известная в Венгрии в качестве переводчицы с русского и привлекаемая к работе различными компаниями, так и осталась в Эгере.

Исхак тоже уже несколько лет как был разведен. Неудачный брак с Аркиназ продлился всего год. Лишь год ему удалось вытерпеть беспричинную, бессмысленную и надоедливую ревность Аркиназ. Каждая женщина, с которой ему приходилось контактировать на работе или на каком-либо мероприятии, общаться по телефону или переписываться, без всяких на то оснований становилась объектом ревности Аркиназ. Своими неуместными подозрениями она доконала Исхака. Аркиназ ненавидела всех женщин на белом свете. Одну часть за то, что те, по ее мнению, были чересчур красивы, а другую за то, что те были чересчур уродливы. Короче говоря, они, пройдя через горнило слез, обмороков, угроз и истерик, наконец расстались.

Этот продлившийся совсем недолго неудачный брак Исхак вспоминал, как кошмарный сон. Да, после расставания он встречался время от времени с разными женщинами, но мир бизнеса, куда он ушел с головой, не давал продыху наладить личную жизнь. Задумываясь порой обо всем этом, он считал, что больше никогда не познает любовь. Но тут на горизонте возникла Камилла. То, что живущая уже столько лет на чужбине девушка-татарка встретила человека с такими же тюркскими корнями, ее связанные с прошлым ностальгические чувства и бог знает, что еще, с первых же дней завладели чувствами Камиллы, и эти чувства вызвали отклик у Исхака.

В последние дни конференции Исхак точно понял, что не сможет больше жить без Камиллы. Так как предложение включить Венгрию в партнерские компании Ласло и Адхам-бека было связано с визитом в эту страну, Исхак тут же встретил его с радостью. И вот, спустя три месяца после разлуки с Камиллой (Исхак называл ее на азербайджанский манер Камилей), он едет из Будапешта в Эгер, на встречу с ней. Спустя четыре часа Камилла встретит его на эгерском вокзале.

Исхак считал себя счастливым человеком. После 44-дневной победной войны, после 23-часового чуда у него не осталось никаких бед, беспокоества, забот. Да, в результате неудачного брака и злополучного развода он заработал себе диабет, но благодаря своевременным уколам инсулина и таблеткам удавалось держать уровень сахара в крови в норме, и подлая болезнь пока не создавала ему серьезных проблем.

Он вышел в тамбур и собрался было закурить, но тут вспомнил, что, увлекшись беседой с Адхам-беком, забыл купить сигарет. Вернулся в купе, запустил руку в карман брюк, достал несколько форинтов и пошел в вагон-ресторан. Всё-таки прав Адхам-бек в своих упреках: заниматься бизнесом и не знать никакого иностранного языка, кроме родного и русского? Спрашивать на русском в Венгрии бессмысленно. Даже если человек знает русский, отвечать на этом языке он не станет. Это он понял всего за пару-тройку дней в Будапеште.

В вагоне-ресторане он попробовал на ломаном языке растолковать буфетчику, что хочет сигарет, но тот покачал головой. Исхак даже принял показывать жестами, но опять без толку. Буфетчик только и делал, что говорил «Nincs». За последнюю неделю в Будапеште Исхак выучил только это слово «Nincs», то есть «нету». Он так и не смог понять, то ли в буфете нет сигарет, то ли они не продаются. Он вернулся в купе несолоно хлебавши. А курить, как назло, хотелось всё сильнее. Он посмотрел время на телефоне: без десяти восемь. В Эгер они прибудут через два часа и двадцать минут. Придется как-то терпеть.

Исхак пребывал в этих думах, и тут поезд остановился. Исхак посмотрел в окно. Прямо перед его вагоном стоял киоск с сигаретами. Исхак спешно сошел с поезда, пошел к киоску, протянул свои форинты (он уже знал, за сколько форинтов тут продается «Кент») и купил пачку. Обернувшись, увидел, что поезд пришел в движение. Он бросился бежать, но подвернул ногу, упал, а когда встал, с ужасом увидел, что последний вагон поезда исчезает вдали. «Черт», – выругался Исхак, но черт в этом деле виноват не был. Он, опешивший, простоял так несколько секунд. С каждой секундой всё глубже осознавая серьезность ситуации, он будто и вовсе забыл боль от подвернувшейся ноги. Он вошел в фойе вокзала и встал перед табло с расписанием прибытия и отбытия поездов. И в панике определил, что в этот город, даже названия которого он не знал, поезда в Эгер и Будапешт придут лишь утром в семь и семь тридцать соответственно.

Моросил дождь. В фойе он сел на деревянную скамейку и принялся думать. Безвыходность положения, в которое он угодил, всё больше пугала и беспокоила его. Что делать, как поступить? Он не полагался на свою память, потому все номера и адреса держал в мобильном, а мобильный-то находился в купе поезда, едущего в Эгер. Он всё пытался и пытался, но никак не мог вспомнить номера ни Адхам-бека, ни Ласло, ни Камили, ни бакинских друзей и товарищей. Помнил лишь свой домашний номер, но кому в пустой квартире он собирался звонить? И вдовавок, как и на какие деньги он позвонил бы отсюда туда? В кармане ни форинта. Как назло, подступило чувство голода, ведь он пропустил время укола. Он знал всего несколько слов на английском, а на венгерском вообще ничего, кроме «Nincs», не знал.

По этому скромному вокзальчику становилось ясно, что он находится в маленьком провинциальном городишке либо поселке. Вряд ли тут есть знающие русский язык, а о турецком и азербайджанском даже думать не стоит. Кому и как он мог бы поведать о том положении, в которое угодил? Как выбраться из этой ситуации? Скорее всего все официальные учреждения закрыты после восьми часов вечера. Куда же обратиться, у кого просить помощи?

А чувство голода становилось всё нестерпимее. Он вспомнил, что всего дважды пропускал свой укол инсулина и оба раза чуть не впал в кому. Хорошо хоть тогда удалось отыскать кубик сахара и спешно отправить в рот, чтобы кое-как добежать до укола. Он огляделся. Кругом ни магазинчика. Во рту пересохло. «Что бы ни было, не падать духом и собрать волю в кулак. Должен, должен быть выход».

Закрыв глаза, он начал думать. Чуть спустя почувствовал, как сзади его голову обняли две руки и закрыли глаза – это были прохладные женские руки. Руки Камиллы... Случилось чудо. Камилла каким-то невообразимым образом догадалась о его положении и поспешила на помощь, прикрыла ладонями его глаза. Мягким движением он отстранил прохладные руки, обернулся посмотреть. Перед ним стояла женщина с выкрашенными в зеленый цвет волосами, жирно насурьмленными глазами и ярко-красной помадой на губах. Женщина подмигнула. Исхак мотнул головой. Конечно, это проститутка. Женщина облизнула губы и еще раз указала на Исхака. «Nincs», – молвил тот. Женщина улыбнулась и взъерошила ему волосы, погладила его спортивный костюм. Исхак понял, что она просто так не отстанет, скорее всего, ее привлек дорогой спортивный костюм. Он встал и вывернул пустые карманы.

– Фу, – бросила проститутка и ушла, виляя бедрами.

Исхак протер глаза: это сон или явь? Ну да, он дремал, вот почему ему почудилось, что это Камилла. Но всё остальное – вьяве. Может, эту женщину послала судьба, и та могла бы спасти его из этого безвыходного положения? Он тут же выбросил эту абсурдную мысль из головы. А голод никак не отпускал. Будто в него вцепилась пиявка и высасывала все силы, всю кровь, оставляя тело бездыханным...

Он ведь зашел в вагон-ресторан, мог бы пообедать чуть раньше времени. Мог бы держать мобильный при себе. Мог бы взять максимум пару сотен долларов из

своих миллионов и поехать в Эгер на такси. Почему? Почему? Почему же? Безответные вопросы буровили мозг.

От безвыходности он готов был сойти с ума. А тут еще приспичило – ужасно хотелось помочиться. Он огляделся в поисках туалета, нашел табличку и поспешил в уборную. Он еле-еле сдерживал позыв, добежал через силу. Собрался было войти, но тут путь преградил пожилой контролер, стоящий в дверях. Поначалу Исхак не понял, почему его остановили. Он попробовал сказать пару слов на своем ломаном языке. Мужчина кивнул на табличку на стене, где указывалась цена за вход. Исхак во второй раз за вечер вывернул карманы спортивных брюк, мол, денег у меня нет: «Nincs». Пожилой контролер равнодушно мотнул головой и снова указал на табличку. Исхак протянул мужчине пачку сигарет, пробуя расплатиться за вход «Кентом». Но тут уже мужчина сказал «Nincs». Исхак боялся, что не сможет дальше сдерживаться и опозорится. Терпеть уже не получалось, он оттолкнул контролера и забежал внутрь, заперся в кабинке и облегчился. Выйдя из туалета, он увидел возле контролера дюжего полицейского. Полицейский привычным движением скрутил Исхаку руки и потащил за собой. Полицейский участок располагался тут же, в фойе вокзала. Полицейский затолкнул Исхака в камеру и запер дверь. Исхак, переходя с азербайджанского на русский, пробовал объяснить, стал показывать жестами, что голоден. Полицейский мотнул головой. Исхак сказал «I am diabet», показал руку и, делая жест укола, произнес «инсулин». Полицейский бросил «Nincs». Исхак совсем вышел из себя: «Боже, знают ли они хоть слово, кроме этого Nincs?» Полицейский принес стакан воды и показал на наручных часах 8. Естественно, восемь утра. Исхак понял, что его вопрос решится утром в восемь. Значит, он не успеет на рейсы ни в Эгер, ни в Будапешт. Но как, на каком языке объяснить это полицейскому? Какое наказание ему могут дать? Отделаться штрафом не получится, потому что у него ни копейки при себе. Утром он кто-как попробует объяснить, что является гражданином независимой Азербайджанской республики. Потребуется обращения в наше посольство в Будапеште. Но до утра еще дожить надо. От голода у него совсем затуманилось сознание, пошатнулась воля. Нет, надо собраться с силами и выбраться из этой неожиданной сложной ситуации. Может, если попробовать поспать, то удастся заглушить чувство голода. Он прислонился к стене и закрыл глаза.

...Он находился в Баку, в Аг шехере, на седьмом этаже, в своей квартире, занявшей весь этаж. Вышел на балкон. Перед ним открывался вид – широкие проспекты, здания в стиле модерн, широкие площади, тенистые зеленые парки и чуть поодаль синее море... Солнечный, приятный денек. Прохладный ветерок ласкал ему волосы. Внезапно прямо перед его зданием возникла отвесная стена вышиной с многоэтажку. Эта стена медленно прогнулась и стала ступать на здание, в котором проживал Исхак. Исхак осознал, что мгновение спустя эта ужасная стена без окон и дверей грохнется на их здание и сотрет всё в пыль. В то же время сровняются с землей все остальные городские здания, и тут же все дома, города и села во всем мире исчезнут с лица земли. Вот так начнется и в мгновение ока завершится долгожданная атомная война, цепная реакция уничтожит весь земной шар. Удивительным оказалось то, что это Исхака ни огорчало, ни пугало, ни ужасало. Наоборот, в душе воцарились какое-то странное довольство, эйфория. Всё человечество за считанную секунду погибнет сообща – это вызывало в душе Исхака смиренное удовлетворение. Никто не выживет, никто. Оказывается, вот каков конец света, это и есть Судный день, о котором толкуют, как же приятно ощущение того, что ты уйдешь в вечное небытие не один, а со всеми вместе...

... Рано утром полицейский открыл камеру и увидел, что задержанный лежит на полу без сознания. Проверил пульс. Кинулся звать полицейского врача. Врач определил, что задержанный скончался примерно в полночь.

В морге по известному телесному признаку стало очевидно, что скончавшийся либо мусульманин, либо еврей. В поселке мусульманского кладбище не имелось, поэтому решили захоронить тело на еврейском. Но так как не нашлось документа, подтверждающего однозначного еврейства, раввин не позволил захоронения. Тело сожгли в крематории. Личность скончавшегося так и оказалась неустановленной, поэтому его прах развеяли по ветру.

МУБАРИЗ ДЖАФАРЛИ

Америка

СОН

Во сне я увидел, что мы в просторной роскошной комнате. Мы обручены с моей любимой девушкой, камень на обручальном кольце, надетом на палец девушки, сияет и слепит меня.

Настроения особого нет, я всё проигрываю партию за партией, мне не везет. А девушка сидит рядом и улыбается. Наконец, я в последний раз выжимаю карты. Ну вот и всё, я проигрался до последней ниточки. Тупо смотрю на своих противников. Обручальное кольцо девушки снова слепит мне глаза. Хочу встать, но не встаю.

– Сними кольцо, – неожиданно и тихо говорю девушке.

Она, не говоря ни слова, снимает с пальца кольцо и кладет на стол. Я начинаю играть заново, возвращаю всё проигранное, да в придачу навариваюсь...

ОТКРЫТИЕ

...Не помню, почему мы прозвали его «Америкой»...

Мы выросли в одном дворе. Он был старше меня на год, учился на класс старше. В школу почти не ходил. Еле-еле окончил пятый класс, даже имени своего толком написать не мог.

В детстве мы играли в мерялки, простая игра: тебе следовало бросить свою копейку как можно ближе к копейке, брошенной твоим соперником. Если расстояние между копейками составляло максимум пядь, ты выигрывал, в противном случае проигрывал... Чуть подрастая, мы приступили к домино. Ставка – три маната за игру... В подростковом возрасте подсели на карты. В основном играли в покер, поставленные деньги переходили из рук в руки, но дело состояло не только в тех очках, что имелись у тебя на руках, приходилось еще и рисковать, пугать противников... Как поговаривали мы в ту пору – блефовать... Случалось, ты заграбастывал кучу денег, имея на руках паршивые карты. Но плакали твои денежки, если противник чуял твой расклад за версту или имел на руках хорошие очки и быковал с тобой до самого конца...

Потом мы стали друг другу не соперниками, а компаньонами, стали играть друг другу на руку. Так как игроки собирались в соседнем дворе, поодиночке нам приходилось тяжело. Став компаньонами, мы проигрывали совсем редко, порой под конец мы оставались вдвоем и, не обращая внимания на имеющиеся на руках очки, делили все деньги на кону. Ну конечно, случались и драки. Порой они ставили нам фингалы, порой мы задавали им трепку. В экстремальной ситуации, то есть зная, что мне влпят, я шел на опережение, встревал в драку, хотя был не драчливым, тщедушного сложения. Но Америка дрался отменно... Не приведи Господь... В драке Америка приходил в ярость... Летом мы шли на море купаться. Набрав в легкие воздуха, он напрыгал мышцы, будто искал, кого растерзать. Жаркое солнце на небе, подернутое волнами море по сравнению с его мышцами казались эфемерными. А о моем тщедушном теле и говорить нечего.

Однажды он на морском берегу бросил на меня взгляд и выпалил:

– Хорошо, что мы компаньоны...

Мы лежали на песке, загорая на солнце.

– Спятил, что ли? Некстати сказано. Отдыхаем ведь.

Отчего-то мне казалось, раз мы наслаждаемся на берегу морем и солнцем, то и вести беседу должны о солнце и море. Америка достал из песка пачку сигарет, вынул две штуки, одну закурил сам, другую дал мне.

– Я о том, что ты хитрее лисы. А я силен, как бык...

– Это твой батя лиса, – сказал я, пыхтя сигаретой.

Он пропустил мои слова мимо ушей.

– У тебя голова, у меня кулаки, – сказал Америка, поигрывая мышцами.

– Что дает голова плюс кулаки? – спросил я. По сути я задавал вопрос нам обоим, но удовлетворительный ответ мне на ум не пришел.

Америка призадумался и сказал:

– Райком.

И тогда я написал на песке в виде математической формулы наше открытие:

$G + K = P$

УРОК

У Америки имелась сестра. Джамия... Она была спортсменкой, кандидат в мастера спорта по бегу... Она еще играла в баскетбол и всё остальное в этом роде. Однажды вечером я пригласил Джамию погулять по средней школе, что располагалась в нашем дворе. Джамия воровато огляделась – будто в этой треклятой школе успели произойти изменения и Джамия и вправду тосковала по этой школе в двух шагах от своего дома – и вошла в полуразрушенное здание. Я тут же последовал за ней. Конечно, мне было всё вдомек, я знал, что Джамия часто захаживает в школу, я несколько дней охмурял ее, прежде чем затащить на «прогулку».

В полутемном коридоре Джамия взяла меня за руку и прошептала:

– Идем.

Мы поднялись на второй этаж. Кругом тишина, но мое сердце бешено стучало. Слава Богу, мои старания оказались не впустую, Джамия собиралась показать мне интересные штуки. Я взглянул в окно. Листья платана после захода солнца напомнили черный парус. Тетя Фатма, продающая семечки на остановке чуть поодаль, начала собираться.

– Ну, иди, чего стоишь... – сказала Джамия, выдавая то, что для нее поход в эту школу – дело привычное.

Я зашел за ней в классную комнату, Джамия закрыла дверь.

– Не бойся, – сказала она, – сторож приходит поздно...

Весь мир мне был побоку, это была обычная, знакомая мне классная комната, мы столько раз проходили тут уроки. На доске красовалась надпись: «Дети играют в снежки». В предложении была допущена ошибка, «снежки» пишется через «ж». Тут я допустил глупость, взял и включил свет. Джамия тут же его выключила.

– Что ты творишь? – сказала она, подошла к окну и робко выглянула наружу...

Джамия сняла кофточку и легла на стол. На этом столе учителя заполняли классный журнал...

ДЖИНСЫ

После первого «урока» Джамии я перестал «сотрудничать» с Америкой. У Америки глаза на лоб полезли:

– Почему не идешь играть? Нет денег, я дам... – говорил он недоверчиво, зная, что родители меня без денег не оставляют.

– Нет, деньги есть. Играть больше не буду, – мне без объяснений было не отделаться. – Уеду в город учиться. Как только окончу школу... Мне следует готовиться в институт. Я уже в десятый перехожу...

Он ушел, не говоря ни слова. Я не видел его два дня, на третий день он постучался в нашу дверь:

– Я тоже не буду больше играть. С этими бандитами в одиночку не справится. Уже второй день меня доят...

– Хватит лапшу на уши вешать. Так и скажи, что из-за Лалы решил завязать... Америка вскинулся, как ошпаренный:

– Нет, клянусь Богом!..

– Лала тебе не разрешает...

– Нет!..

Я получал наслаждение оттого, что загнал Америку в угол, пусть больше не вздумает водить меня за нос...

Лала училась со мной в одном классе. Худая замухрышка, ноги, как спички. Тем не менее, ей удалось свести с ума такого сорвиголову, как Америка, он стал ручным. Не можешь нигде отыскать Америку? Значит, он во дворе Лалы. Я прозвал Лалу «джинсами». И за это прозвище стоило «благодарить» Америку. Потому что одним прекрасным днем я поинтересовался у Америки:

– Чего это ты увязался за Лалой, что в ней особенного? – Америка промолчал. – Одна кожа да кости.

На сей раз он взъелся:

– Не дури!

Я отступил, но язык за зубами держать не стал:

– Погоди-погоди... Мы с тобой кто?.. Друзья, не так ли? – Увидев, что Америка поддакивать не стал, ответил себе сам. – Да... Я не могу поинтересоваться у тебя по-дружески?.. Да или нет?

– Да... – пробормотал он нехотя.

Я разошелся не на шутку:

– Допустим, дали тебе эту самую Лалу, мол, бери, – сказал я и протянул руки, будто что-то ему передавал. – И что ты с ней будешь делать?

Америка совсем опешил, тупо на меня уставился и еле вымолвил:

– Я на нее клёвые джинсы надевать стану... – прошептал он.

Это была скрытая за семью печатями мечта Америки. И я выкрал эту мечту. Нет, не выкрал, а вытянул всеми силами и уловками, в противном случае Америка не стал бы так запросто выдавать бережно хранимую мечту. Америка пришел в себя, лишь когда я зашелся в хохоте, но было уже поздно, сказанного не воротишь.

С того дня я прозвал Лалу «Джинсы». А когда поведал об этом и ей самой, она тоже зашлась в хохоте.

УБИЙСТВО

Потом я переехал в город на учебу.

Потом Лала вышла замуж...

Потом Америку убили...

На прошлой неделе был день рождения моей любимой девушки. Прохаживаясь по магазинам в поисках подходящего подарка, я встретил Джамилю. Когда я выходил из магазина, она в него влетела очертя голову. Мы чуть не сшиблись лбами.

– Слепой, что ли? – нагубила она, взглянула мне в лицо и отступила на шаг.

– Аа... сосед... – но имени моего, кажется, не вспомнила. – Это ты?..

Я улыбнулся:

– Нет, не я, моя тень...

– Пойдем сядем, поговорим о житье-бытье... – сказала она и по-панибратски взяла меня под локоть.

– Покамест давай прогуляемся. Погодка неважнецкая, – сказал я, и мы пошли в другом направлении. – Давно в городе?

– Да. Остаюсь тут с тетей.

Я слышал, что она остается с тетей не совсем по собственному желанию, сбегала к ней от своих родителей.

– Работаешь или как?

– Нет, – вздохнула она.

Я сел на скамейку под акацией, она села рядом.

– Сам говорил, прогуляемся, но тут же садишься...

– Ну, сидеть в парке – тоже прогулка...

– Один остаешься?

– Да...

– Работаешь?

– Да... Слушай, ты замужем? – сказал я и, кажется, напортачил.

– Нет, – раскраснелась Джамия. – А ты женат?

– Нет.

Повисло молчание. Я погладил Джамию по волосам и, хотя она прикрыла глаза, стала возражать:

– Люди смотрят...

Я убрал руку:

– Как у вас дома?

– А что? – открыла она глаза.

– Да нет, просто интересуюсь... Как идет жизнь в нашем старом дворе... Америка чем занят?..

Джамия запнулась.

– Разве... ты... не знаешь? – спросила она и посмотрела на меня стеклянными глазами.

– Чего не знаю? – пожал я плечами.

Она некоторое время молчала, потом еле выговорила.

– Америку убили, – выдохнула Джамия, будто вся уставшая легла в постель после тяжелой работы и теперь наслаждалась приятным покалыванием в теле. – Я даже на поминки сходить не смогла.

Я отсел чуть в сторону, будто сейчас к нам собирался подсесть Америка.

– Кто его убил?

Джамия провела по лицу дрожащими руками, провела пальцами по носу.

– Да наши же ребята...

Она говорила это так, будто я тоже был виноват в смерти ее брата.

– Наши ребята – не убийцы. А на Америку и вовсе руку поднимать не стали бы.

Скажи прямо...

Она не дала мне завершить фразу, точнее, я сам прервался.

– Его убил... муж Лалы... – выговорила она.

ЗВОНК

В тот день я не потратил ни маната из тех денег, на которые собирался купить подарок своей любимой девушке.

Прозвенел телефонный звонок. Я снял трубку.

– Ало... Привет... Всё в порядке... Ты как?.. Мне плохо спалось... Не обижайся, ради Бога, оставим на завтра... Не обижаешься?.. Ладно, пока...

ЛЕЙЛА ТАРИВЕРДИЕВА

ЭКСПЕРИМЕНТ

Повесть

1

Нищий проснулся на рассвете, спустил ноги со скамьи на песок, стряхнул запутавшиеся в нечесанных волосах соломинки от ободранного ветром пляжного грибка, сладко потянулся и вдруг понял, что он король.

Из-за горизонта, победоносно разгоняя мрак, выглядывало Солнце, ветер гонял по пляжу вчерашний мусор. Неподалеку прела гора арбузных корок. Вдоль берега, оставляя круглые следы, брел худосочный бездомный пес. Прибой следовал за ним и, сердито ворча, слизывал с мокрого песка следы животного.

Начинался новый день.

Но нищему ни до чего не было дела. Он сидел неподвижно, устремив вдаль пронизывающий пространство взор. Седые пряди шевелил ветер. Старик чувствовал себя причастным к власти. Это было очень странное ощущение. Где-то вдали трепетали в утренней дымке белые паруса и грохотали, приветствуя его, пушки. И что-то смутное тревожило душу. Что-то щемящее и давно забытое. Словно в судьбе повернули выключатель, и зажегся свет. Произшедшие перемены совсем не удивили его, и в поселок он вошел уже королем.

2

Шел девятый час утра, когда во двор обветшалого дома, зажатого между трехэтажными виллами, вышел, почесывая впалую грудь, блогер Нифталиев. Оставляя большие следы на занесенном песком асфальте дорожки, он пошел к крану, открыл поржавевший вентиль и подставил ладони. Вода не шла. Кран сообщил об этом утробным урчанием. Он постоял, глядя на свою тень, потом перевел взгляд на поливочный шланг и вспомнил, что мотор давно не работает. Бормоча проклятия, прошаркал к старому проржавевшему ручной насос и загремел железным стержнем. Бочок ручной насос тоже был пуст. Нифталиев остался доволен. Наличие воды внесло бы диссонанс в стройную теорию невезения, любовно выстраиваемую им на протяжении вот уже сорока лет. Ему не везло с самого детства, иногда Нифталиеву казалось, что проклятое невезение родилось еще задолго до его рождения и преследовало его с начала времен. «Чего и следовало ожидать», – удовлетворенно подумал он и пнул ногой помятое ведро под ручной насос.

Он пнул ведро еще раз, бесцельно прошелся по двору и присел в тени тутового дерева. Делать было нечего. Воды нет, завтракать тоже нечем – накрылся холодильник. Он вздохнул, голодно сглотнул, прислонился к стволу и стал вспоминать вчерашние события.

Ночное происшествие запомнилось, как запоминаются пророческие сны или кошмары. А все действительно происходило как во сне. Он проснулся от крика: «НЛО, НЛО, тарелка!», бросился к окну, потом – во двор, оттуда – на улицу. Там уже толпились соседи. Все смотрели в небо, откуда на поселок медленно сыпался снег. Снег в августе?!.. Конечно же, это сон, решил Нифталиев и успокоился. Ночь была душной и безветренной, и снег падал плавно и красиво. Крошечные снежинки, сверкаю-

щие, как бриллианты, исчезали, не касаясь домов и людей. Зрелище было чудесным и завораживающим. Полуодетые дачники разводили руками и спрашивали друг у друга: «А где тарелка? Кто видел тарелку?»

Кто первый крикнул «тарелка!», так и не выяснилось. Люди уже начали терять интерес к происходящему, когда в толпе неожиданно появилась светящаяся человеческая фигура. Толпа ахнула и развалилась на острова. Светящийся человек развел в стороны руки, как бы раздвигая пространство, и дачники отбежали еще дальше. Привидение парило в полуметре над землей, внушая обывателям мистический ужас. Кто-то забубнил молитву, одна пожилая женщина принялась рвать на себе волосы. Нифталиев не верил в Бога, поэтому не испытал апокалиптического озноба. Он стал щипать себя, надеясь проснуться, но вместо этого услышал внутри своей головы голос, который говорил непонятные для него вещи, что-то о прошлой жизни, которая вернется к ним с рассветом. Привидение призвало жителей поселка ничего не бояться и соблюдать спокойствие, потому что эксперимент завершится в полночь, после чего они снова станут самими собой. На этом сеанс связи завершился. Привидение исчезло, бриллиантовый снег – тоже, а Нифталиев проснулся в своей постели, обливаясь холодным потом...

«Сон, конечно, сон», – сказал себе блогер и вздохнул.

Сегодняшний день ничем не отличался от предыдущих. То же невезение, тоска и одиночество. Едва он подумал об этом, как ощутил странное удушье, будто перехватило веревкой шею. Он вскочил, снова сел, схватился за горло и захрипел. Петля затягивалась туже и туже, и откуда-то изнутри пришло слово «узdechка», испугавшее его больше недостатка кислорода.

Он пришел в себя оттого, что закрипели ворота. В двери протиснулась объемная фигура Шафиги ханым.

– Эй, писатель, – крикнула она, – не знаешь, куда подевался мой болван?

Женщина подождала ответа, махнула рукой «э-э-э-э» и пошла дальше, зычно зывая: «Исфандияр, ай, Исфандияр!»

«Что это было?» – подумал Нифталиев, скорчился в тени и заплакал.

3

Гасан Гасанович не ждал ничего хорошего от сегодняшнего дня. Нельзя сказать, что он очень уж серьезно отнесся к ночному происшествию, но все же был рад, что жена с детьми остались у родственников в деревне, а не приехали на дачу. Конечно, все это полная чушь, но мало ли что...

С момента пробуждения бизнесмена мучили нехорошие предчувствия. И когда они оформились и приняли очертания, остатки волос зашевелились на его затылке. Он бросился к зеркалу. Оттуда на него смотрел холеный, стареющий и лысеющий, взмокший от страха пятидесятилетний мужчина. Он облегченно вздохнул и с силой ущипнул себя за ухо.

Снаружи позвонили. Гасан Гасанович бочком прошел вдоль стены к домофону, нажал кнопку и спросил почти шепотом:

– Кто там?

– Это я, охранник с дачи Талыта Мамедовича, – ответил домофон. – Хозяин велел передать вам бумаги.

Гасан Гасанович промокнул лоб платком и мужественно выглянул в окно. Потом снова преник к микрофону.

– Заходи.

Охранная система отключилась, и в ворота, припадая на левую ногу, прошел молодой человек с прозрачной папкой в руках. Он щурился на солнце, потирал небритое лицо и вообще выглядел очень озабоченным.

Да, это охранник с 9-й дачи, успокоился Гасан Гасанович и вышел на веранду. Охранник стал подниматься ему навстречу, и бизнесмен вдруг подумал: «Какой интересный молодой человек...» Его бросило в жар, потом в холод. Он упал в плетеное кресло и стал яростно обмахиваться газетой.

– Слышали новость? – спросил охранник. – У нас король объявился.

– Д-да?.. – просипел хозяин дачи.

– Помните бродягу с пляжа? Он был королем в прошлой жизни.

Гасан Гасанович откашлялся и сдвинул брови.

– Сколько тебе лет, сынок?

– Двадцать пять. А что?

– Ты уже взрослый человек. Неужели ты веришь во всю эту чепуху?

– Ну-у-у.... – охранник переступил с ноги на ногу, – ну-у-у... не знаю. Может, и верю. Вот, возьмите ваши бумаги.

Гасан Гасанович принял у молодого человека папку и назидательно сказал:

– Ты разве не знаешь, что переселение душ противоречит нашей религии?

Разве тебе не известно, что верить в это – значит не верить во Всевышнего? Души никуда не переселяются, а ждут Судного дня.

Молодой человек посмотрел как-то странно и пожал плечами.

– Вам виднее.

– Да, – гаркнул бизнесмен, – мне виднее. Я серьезный человек, у меня полно других дел, я в такие игры не играю и считаю веру в привидения грехом.

– А вы зря так говорите. Тут уже с утра со всеми что-то не то.

– Потому что в них недостаточно веры, – раздраженно сказал Гасан Гасанович.

– А знаете, – охранник посмотрел очень выразительно, – тут есть над чем подумать.

– Вот иди и подумай, – вздохнул бизнесмен. Когда парень дошел до ворот, он окликнул его: – Эй, тебя как звать?

– Алик. Алик Магеррамов.

– Послушай, Алик Магеррамов, я, конечно, во все это не верю, но если услышишь что интересное, заходи.

Ворота захлопнулись, и Гасан Гасанович схватился за голову. Немедленно в машину и бежать отсюда! Бежать!

Подумав о машине, Гасан Гасанович вдруг вспомнил, что надо прибраться до-рожку перед гаражом, а то вчерашние мастера натаскали грязи и...

Он быстро вернулся в дом, закрыл окна и двери, задернул шторы, включил кондиционер, заварил себе чай и сел перед телевизором. Он решил не выходить из дома до завтрашнего утра. Но вместо экрана телевизора перед глазами стояла небритая физиономия Алика Магеррамова. «Тоже мне, еще вопросы задает», – подумал бизнесмен. Слишком много вопросов... Скорее бы уж этот жуткий день закончился, пока еще кто-нибудь не стал задавать вопросы. Ведь Гасан Гасанович боялся признаться даже самому себе, не увидел бы даже в самом кошмарном сне, что... о, Аллах, произнести страшно... что в прошлой жизни он был женщиной!

4

«Не верите и не надо, но это факт», – размышлял, в свою очередь, Алик Магеррамов. Погруженный в раздумья, он дошел до 9-й дачи и натолкнулся на ожидающего у ворот двоюродного брата Рафика. Двое приятелей родственника безучастно глазели с заднего сиденья лакированного «Хаммера».

– Здравствуй, родной! – осклабился Рафик и заключил его в объятия.

– Чего надо? – недовольно сказал Алик.

Брат немного растерялся и переглянулся со своими друзьями.

– Чего надо? – произнес он с хитрой улыбкой. – Так ты еще не видел. А ну-ка, достань телефон... Теперь зайди в приложение банка. Давай, зайди, не бойся... Ну как? Все, как договаривались. Ты знаешь Интигама, он свое слово держит, и Талят ни о чем знать не будет. Это Интигам обещает железно.

– Зачем?

– Да ты что, братишка, мы же вчера обо всем договорились! – Рафик приобнял двоюродного брата за плечи. – Я же объяснял, что Интигаму нельзя брать это на себя. Он – ответственный работник, премьер уже готовит его назначение. Понимаешь? А тебе это ничего не будет стоить. Интигам обо всем договорился. Тебе дадут срок условно, и к тому же...

– Я не буду ничего подписывать. Я передумал.

Рафик всплеснул руками.

– Да что с тобой?! Деньги уже у тебя! А как же твоя сестра? Ты подумал об Айле и племянниках?

– Моя сестра знала, за кого выходила замуж.

– Значит – нет?

– Нет.

– Это твое последнее слово?

– Угу.

– Ладно. – Рафик скрипнул зубами. – Что передать Интигаму?

– Большой привет.

Рафик круто развернулся, намереваясь идти к машине, и налетел на короля, неожиданно появившегося из-за угла.

Старик окинул его величественным взглядом, благосклонно улыбнулся и протянул руку для поцелуя. Гость из столицы хотел было оттолкнуть старика, но что-то странное в глазах этого человека заставило его остановиться.

В воздухе минуту висела напряженная тишина.

– Это кто? – произнес, наконец, Рафик.

– Король, – усмехнулся Алик.

– Кличка, что ли?

– Нет, настоящий король.

Снова воцарилось молчание.

– Иностранец? – снова заговорил Рафик.

В ответ родственник нагло и громко рассмеялся.

И тут старик размахнулся и влепил смеявшемуся звонкую пощечину. Смех оборвался.

«Ну и ну! – подумал Алик, потирая щеку. – Вот это да!» Он позорно ретировался на территорию виллы и с грохотом захлопнул ворота.

Рафик смотрел и не верил своим глазам. Такого просто не могло быть! Дать в морду одному и остаться после этого в живых удалось бы не каждому. Невероятно. Тут явно что-то нечисто.

Величественный старик снова протянул руку для поцелуя. «Ну ладно, поиграем», – подумал Рафик и приложился к руке короля, подмигнув при этом приятелям. Те послушно подошли и последовали его примеру.

– Ваше величество! – донеслось из дверей соседней дачи. – Ваше величество, что же вы опаздываете? Стол уже накрыт!

На аккуратном и пестром дворе академика Иманова действительно был накрыт роскошный стол. Король сразу сел во главе, а хозяйева засуетились вокруг него.

– Что у вас тут происходит? – шепнул Рафик в волосатое ухо академика. – Это местный авторитет? Крестный отец?

– Он всем нам отец, наш государь, – ответил тот, благоговейно содрогнувшись.

Рафик понял это по-своему: старик – здешний заправила, который решил по-развлечься. Что ж, это забавно.

- Что делать, Рафы? – шепотом спросил приятель.
- Обжираться!

5

После беспокойной ночи утреннее пробуждение было тяжелым, будто с похмелья. Совсем нервная система расстроилась, подумал депутат Улубейли, продирая глаза. На часах была половина десятого.

Улубейли сунул ноги в тапочки и потянулся. Воскресенье, а столько дел. Тяжела ноша депутата. Журналисты с глупыми вопросами пристают, а еще нужно готовиться к встрече с избирателями. Помощник говорит, что целая делегация приехала из района, проблемы, говорит, у них. А у кого сейчас нет проблем? У всех проблемы. У него тоже проблемы. И что? Нашли время, когда со своими проблемами заявляться. У него отпуск, между прочим, он хочет отдохнуть и загорать. На море он, в конце концов, или не на море?..

Улубейли блаженно улыбнулся и начал одеваться. В ушах звенело и шумело. Он потянулся за таблетками от давления, и тут сквозь шум прорвался звук аплодисментов. Депутат выпрямился и замер. Сердце учащенно забилося. Он крепко зажмурился и услышал где-то совсем рядом крики «Браво!»

Улубейли строго-настрого запретил жене болтать где-нибудь о ночном происшествии, но сам после визита привидения втайне ожидал знака свыше. И, кажется, дождался.

– Я знал, я так и знал, – бормотал он, пытаюсь попасть ногой в штанину, – я знал, что это миссия. О, Аллах, ты дал мне знак! Благодарю тебя! Я верил, я знал, что не случайно...

И вдруг страх обуял его. Он схватился за горло, зажал ладонью рот. Но это не помогло – где-то в глубине памяти родившиеся звуки уже витали под потолком, выстраиваясь в куплет задорной песенки.

«Бред, ерунда, я не мог быть уличным комедиантом, – думал Улубейли, раздраженно поедая завтрак. – Я пел на улицах? Я?! Да у меня и голоса никогда не было.. Ну нет, я так просто не дамся... Это у них не пройдет!»

Заскрипели ступеньки. Жена вошла в дом и безмолвно прошла на кухню.

«Что это с ней?» – удивился Улубейли. Она с утра была какой-то ненормально молчаливой и задумчивой. Даже не верилось, что это та самая Севда, которая позавчера довела соседку до сердечного приступа и орала так, что было слышно на пляже.

Улубейли проводил жену подозрительным взглядом.

– Иди, разбуди Мехти, мне нужно в город, – рявкнул он. – Уволю я этого бездельника к чертовой матери, если еще раз проспит!

Севда послушно вышла из кухни и направилась к выходу во двор. Водитель уже шел навстречу.

– Доброе утро, Севда ханым, – бросил он, проходя мимо.

– Доброе утро, Мехти, – странно вежливо ответила хозяйка. – Пожалуйста, не опаздывай больше. Мы с мужем...

Они одновременно обернулись.

Мгновение – и Мехти был у ног Севды и обнимал ее колени.

– Любимая, наконец, я тебя нашел!

– Это ты?.. Ты?! – ахнула хозяйка и потянулась к нему. – Неужели это ты!

– Я, любимая!

– Как же долго я тебя искала...

– Прости меня, прости! – прорыдал Мехти. – Прости, я струсил, я ничего не смог поделывать, когда Гийом увез тебя. Прости меня!

– Ну что ты, любимый, я давно простила тебя. – Севда смеялась от счастья.

– Теперь я сам увезу тебя!

– Но мой муж...

– Что?! У тебя есть муж?!.. Ах, да... Я убью его!

Из кухни быстрым шагом вышел Улубейли. Он был так озабочен своими мыслями, что не заметил расстелившегося по полу водителя.

– Мехти! – проорал он со двора. – Я тебя уволю!

В растрепанных чувствах Мехти сел за руль. Он так долго возился с зажиганием, что Улубейли не выдержал.

– Что еще случилось?

– Не могу, не получается.

– Почему это, интересно?

– Руки дрожат, шеф. – Мехти показал дрожащие ладони. – Видите? Наверное, я болен. Может, мне остаться? Еще случится что...

– Что-что? – Улубейли угрожающе надвинулся на водителя, выполнявшего также функции телохранителя, но рассудил, что с этой грудой мышц ему никак не справиться, и стал выталкивать Мехти из машины. – Ладно, катись отсюда. Убирайся!

Но и самому Улубейли не удалось завести автомобиль. Он вылез, открыл капот, поковырялся в моторе и не нашел никаких неполадок.

Жена и водитель стояли в стороне и сочувственно смотрели на него.

– Что уставились? – рявкнул Улубейли, с грохотом опустил капот и пошел к воротам.

6

Тем временем Алик Магеррамов подводил итоги первых часов новой, точнее, старой жизни, покачиваясь в хозяйском гамаке. «Мда, – думал он, – какие бы цели ни преследовало привидение, ничем хорошим это не закончится. Если объявился король и никого это особенно не удивляет, значит, дело плохо. До конца дня еще уйма времени. можно запереться в доме, но кто знает, что будет завтра. Где гарантия, что раздвоение пройдет? Вдруг и завтра не будешь знать, кто ты есть... Да, тут есть над чем подумать...»

Честность, конечно, хорошая вещь, продолжал он свои размышления на пляже, зарывшись в песок и накрыв лицо кепкой. Да, хорошая, только он никогда бы не подумал, что быть честным так тяжело. В какой-то степени честность равносильна глупости.

Сегодня Алик это понял окончательно. Он был в ужасе от того, что отказал Рафику и нарушил договор. Во-первых, сестра останется без мужа, а племянники – без отца. Во-вторых, сам он потерял большие деньги. И какие деньги! В-третьих, теперь родственники объявят ему бойкот, а у отца случится повторный инсульт. Да и побить за предательство интересов клана могут, в конце концов...

Охранник 9-й дачи все это прекрасно понимал, но сегодня он был бессилён что-либо изменить, потому что тот, второй, крепко держал его волю в своих руках. Сегодня был день двойника, а завтра он постарается все исправить, если не будет поздно. Дожить бы до завтра...

Что-то ударило покаленную ногу. Алик вскрикнул, сбросил с лица кепку и вскочил, готовый вцепиться в обидчика.

Перед ним стояла девушка. Она была напугана.

– Простите, я вас не заметила, – сказала она. – Я немного задумалась... Я вам ничего не повредила?

– Почти ничего.

Девушка присмотрелась к нему и нахмурилась.

– Что-то не так, мадам? – скривился Алик и подумал, что неплохо было бы побриться.

– Это не вы на прошлой неделе устроили драку на станции электрички? – спросила девушка, прищурившись. – Ну конечно, это вы, я вас узнала. Вы так толкнули мою тетю, что она упала на рельсы и до сих пор хромает! Вы негодяй!

Алик онемел. Его новое «я» пришло в ужас оттого, что эта милая девушка – свидетель той безобразной пьяной потасовки на станции. Да еще, как она говорит, он покалечил ее тетку? Вполне вероятно. Если говорит, значит, так оно и есть. Черт, какая мерзкая ситуация...

Пристыженный и поверженный, он молчал. А девушка тем временем уходила. Но ему совсем не хотелось, чтобы она ушла. Завтра он снова станет самим собой, и такая девушка даже близко к нему не подойдет, даже не взглянет в его сторону.

Алик бросился за ней и схватил за руку. Девушка напряглась и стала оглядываться, видимо, искала своих.

– Я не хочу, чтобы вы меня боялись, – сказал он, – не бойтесь меня, я совсем не такой плохой. Просто так вышло в тот день... Я тогда... С каждым может случиться. Хотя что я говорю, конечно, не с каждым, но... Одним словом, пусть ваша тетя меня простит.

Девушка осторожно высвободила руку.

– Кто вам сказал, что я вас боюсь?

– Мне показалось.

– Ничего подобного.

– Но вы так смотрели.

– Я просто удивилась, что это были вы. Вы совсем не похожи на негодяя.

– Правильно, я хороший парень. Поэтому можете меня не бояться.

– Да не боюсь я вас. Все, чего я боюсь в жизни, – это море. Я только загораю, а в воду никогда не лезу. Глупо, правда?

Девушка мило улыбнулась, и у Алика Магеррамова потеплело на душе.

– Если бы не нога, я научил бы вас не бояться моря.

– А что у вас с ногой?

– Да так, собака укусила.

– А серьезно?

– Серьезно? Я самострел. Знаете, что это такое? В армии прострелил себе ногу, чтобы на передовую не взяли во время войны. Но не рассчитал, и теперь вот инвалид на всю жизнь.

– Ого... Но вы молодец, что не стыдитесь об этом рассказывать.

– Это сегодня. А завтра я опять буду трепаться, что наступил на мину.

– Сегодня? А что за день такой сегодня?

– Магнитная буря. Взрыв на Солнце. По телику не слышали?

– Да, кажется, что-то такое было, – неуверенно сказала девушка.

Алик Магеррамов улыбнулся. Определенно, девушка ему нравилась все больше и больше.

– Вы дачница или просто на море приехали?

– Дачница.

– Вы здесь одна?

– Нет, с тетками. Но это не страшно.

Они пошли по берегу, весело болтая. Ласковый прибой омывал их ноги, перламутровые ракушки сверкали в мокром песке.

– Тонет! – послышалось с моря. – Человек тонет!

Двое вышли из воды, волоча под мышки третьего.

– Подожди здесь, – попросил Алик. Они уже были на «ты». – Не ходи туда. Я пойду посмотрю.

Алик протиснулся в центр толпы и увидел распластанного на песке Нифталиева.

– Нифталиев! – вырвалось у него.

– Молодой человек, вы его знаете? – спросил устало и раздраженно сотрудник спасательной службы. – Он с вами? Его нужно в постель и что-нибудь от сердца. Развелось идиотов... Почему бы им не топиться на другом участке?..

7

– Как саранча – на мое поле, как град – так на мою крышу... Она говорит: «Бог тебя не любит». А я просил, просил, свечи ставил, а она говорит: «Не буду с тобой жить, боюсь, неудачник...» В колодец упал в тот же день. Утром соседи по воду пошли, вытащили... Пошел на работу наниматься, хозяин брать не хотел, но пожалел, а через неделю все козы передохли. Думаю, места здесь плохие. Сел на коня и поехал, куда глаза глядят. Заблудился, а тут конь на ровном месте ногу сломал. Ну, я взял и повесился... А редактор говорит: «Почему, Нифталиев, опровержения приходят только на твои материалы? Все пишут чушь, а заметна только твоя...» Соседи пристают, жена ушла, блог не продвигается. Хотел, как другие, завести женщину, не поверишь – сразу заразился, полгода потом в диспансере лечился... Не могу! Не могу!

Алик слушал нытье Нифталиева молча, стиснув зубы и содрогаясь от отвращения. Тот висел на нем, как тюк с мокрым тряпьем. Нармина – так звали его новую знакомую – помогала, чем могла. Тетушки Нары следовали за ними, сильно отставая, но упорно. Это тоже страшно раздражало Алика, но тут он ничего не мог поделать.

Так они добрались до облупленных ворот дачи блогера.

Алик оторвал мокрого человека от себя и прислонил к стене.

– Нифталиев, узнаешь свой дом? Вот и хорошо. А мне пора.

– Подожди! – мужчина вцепился в Алика и потянул на себя. – Ты послушай, ты дай мне твой пистолет, чтоб застрелиться... А хочешь, сам – бах в висок, и поможешь человеку...

Алик оттолкнул Нифталиева.

– Какой еще пистолет, утопленник?

– Да ладно тебе, все же знают, что Талят тебе пистолет оставил для охраны своей недвижимости. Ты бы...

– Нет у меня никакого пистолета! Понял?

Алик открыл дверь, втолкнул в нее Нифталиева и захлопнул следом.

– Может, не следовало оставлять его одного в таком состоянии? – сказала Нармина. – Еще вздумает снова покушаться на себя.

– Не вздумает. Ему нужны зрители. Он теперь в своем блоге про эту историю напишет, но придумает, что бросился в море спасти ребенка. – Алик поморщился. – Терпеть не могу таких типов. Бр-р-р.

– А что он болтал о колодце, саранче, лошади?

– Да ерунда, бред.

– А у тебя правда есть пистолет?

– Нет, конечно. Шеф – не сумасшедший. – Он оглянулся. – Твои тетки так и будут ходить за нами? Нельзя как-нибудь от них отделаться?

– Нет. – Нармина вздохнула. – Ну что, пока?

– Спасибо, что помогла. Встретимся завтра... нет, лучше не завтра. Давай я быстренько тут разберусь и через час приду к спасательной вышке. Придешь?

8

Часы пробили десять, когда в поселок въехала полицейская машина. Подпрыгивая на ухабах, она подрулила к одной из дач. Из машины выскочил коротконогий мужчина и начал суетливо открывать ворота, на ходу распорядившись: «Шафига, ставь чай!»

– Где ты был, старый греховодник? – налетела на мужа Шафига ханым.

– Тихо, дура, – прикрикнул муж, – не видишь – участковый это наш. На базаре его встретил, решил к нам пригласить.

– Зачем? Тоже с ума сошел, как остальные?

– Чтобы порядок навел. Забыла, что ночью было?

Полицейский, немолодой и обильно потеющий, приблизился к хозяйке дома и забросил руку к виску.

– Участковый инспектор Самандаров. Атакиши Мехралиевич. Предъявите ваши документы.

Шафига ханым задохнулась от возмущения.

– Это моя жена, – запоздало пояснил Исфандияр киши.

Напившись чаю, Самандаров принял деловитый вид и поинтересовался, наконец, обращаясь лично к Шафиге ханым, хранившей холодную неприступность:

– Какие жалобы?

– Не знаю, спросите у моего мужа. Это он вас вызывал.

Самандаров развернулся всем туловищем к главе семейства.

– Ночью здесь летало что-то непонятное, а потом пришло привидение и обещало беспорядки, – выпалил Исфандияр киши. – Надо принять меры и призвать всех к порядку!

Атакиши Мехралиевич ничего не понял, но не подал виду.

Не обнаружив в поселке беспорядков, Самандаров вернулся в дом Шафиги, набрал в саду кое-что из фруктов и собрался в обратную дорогу.

– Нет! – запротестовала хозяйка, хватая мужа за локоть – Ел мой виноград – пусть отрабатывает! Товарищ милиционер...

– Господин полицейский, – поправил Самандаров.

– Что? Ну да, господин милиционер. У меня внучка пропала. Маленькая, всего восемь лет.

– Что?! – подпрыгнул муж. – Гюльнара пропала?!

– Заткнись. Я не с тобой разговариваю. Товарищ полицейский, ваша обязанность – найти ребенка!

Самандаров тяжело вздохнул, кинул тоскливый взгляд на торбу с виноградом и отправился на поиски девочки Гюли.

– А что, Гюльнара правда пропала? – спросил Исфандияр киши, когда полицейский удалился.

– Да нет, она у соседней мультфильмы смотрит. А тебе, старый дурак, надо было скорую помощь, а не милицию вызывать!

– Кто-то заболел? Вай, вай, вай...

– Да все они заболели, с ума посходили! Тоже мне, элита! Понаехали тут! Виллы, как грибы, растут! – Шафига ханым распалилась, и теперь ее было не остановить. – Старых бакинцев, кроме нас, и не осталось! Теперь в нашем море эти дикари купаются! Горожанами стали! Элита, бизнесмены! Тоже мне! Только мы с тобой здесь и остались бедняки, а они все при деньгах, вон на каких машинах ездят! А их место – в горах, рядом с их баранами и вонючим сыром! Чтоб им всем провалиться!

Исфандияр киши дождался момента, когда жена отвернулась, чтобы погрозить соседнему дому, и бочком-бочком прошмыгнул в дверь.

9

Солнце палило с самого утра, и Атакиши Мехралиевичу было очень жарко. Он обошел весь поселок, заглядывал в каждую дверь, но девочки Гюли нигде не было.

Проклиная все на свете, Самандаров миновал стройплощадку нового ресторана и остановился передохнуть в тени. «Посмотрю на пляже и уеду, – подумал он. – Пропади пропадом ее виноград...»

Он припарковал машину, снял ботинки и ступил на горячий песок.

На бесплатном пляже было полно народу. Автобусы и электрички уже совершили свои первые рейсы из города, люди продолжали прибывать. Девочку в красной кепке с Микки-Маусом он заметил почти сразу. Она сидела у ободранного соломенного грибка и задумчиво смотрела на волны. Самандаров обошел девочку и встал перед ней. Гюлочка никак не отреагировала на его появление. Она словно не замечала неожиданного препятствия, заслонившего от нее синее море и небо.

Участковый стал переминаясь с ноги на ногу, отдал честь и проговорил:

– Предъявите ваши документы.

То ли день сегодня выдался слишком жарким, то ли на Солнце грянула магнитная буря, то ли еще что произошло во вселенной, но Атакиши Мехралиевич не уловил в своем законном требовании ничего особенного.

Девочка Гюля подняла на него мудрый взгляд древнего старца и произнесла:

– Твоя жизненная позиция неверна. Если хочешь изменений к лучшему, следует повторять святое имя в смиренном состоянии ума, считая себя ниже соломы, лежащей на улице. Нужно быть более терпеливым, чем дерево, свободным от чувства ложного престижа и всегда готовым оказать почтение другим. Совершай благочестивые поступки в этой жизни и в следующей будешь вознагражден.

– Это ты мне говоришь? – произнес Самандаров, ткнув себя пальцев в грудь.

– Тебе, человек, – кивнула девочка Гюля. – Я все о тебе знаю. А что ты хотел бы узнать о самом себе?

– Ы... – только и сказал Атакиши Мехралиевич и тяжело опустился на песок рядом с ребенком...

10

Гасан Гасанович мел двор со знанием дела. Эта работа доставляла ему определенное удовольствие. В некоторой степени он сейчас понимал жену, отказывающуюся от домработницы. Он уже вымыл окна, хотя в этом не было никакой необходимости, вытряс матрасы и подушки, начистил самовар, сделал небольшую перестановку на кухне. Бизнесмен, конечно же, не собирался мириться со своей новой сущностью, но руки тянулись к работе. И он сдался. Ничего, это только на один день, успокаивал он себя, не забывая ежеминутно благодарить Бога за свою ныне мужскую плоть.

В самый разгар работы постучался охранник 9-й дачи. Гасан Гасанович хотел сделать вид, что его нет дома, но любопытство взяло верх. Прежде чем открыть, он посмотрелся в зеркало и пригладил волосы.

– События развиваются, – сообщил Алик Магеррамов. – Один уже топился.

– Кто? – Гасан Гасанович присел за стол и пригласил гостя сесть рядом. Но парень продолжал стоять. – Кто топился?

– Да блогер наш. В прошлой жизни он повесился.

Бизнесмен содрогнулся.

– Опять ты за свое. Я же сказал тебе, что не верю в эту безбожную чушь... А откуда ты знаешь?

– Он сам рассказал.

– Ну, и о чем же это нам говорит? – проговорил Гасан Гасанович, автоматически стряхивая с клеенки несуществующие крошки. «Какой интересный молодой человек», – подумалось само по себе.

– А вот о чем. – Охранник 9-й дачи присел. – Наша жизнь – это своего рода тюрьма, в которой мы все отбываем срок.

– Какая глупость. Ты такого плохого мнения об Аллахе?

– Нет, вы послушайте. Нифталиев не вынес невезения в прошлый раз и покончил с собой, поэтому и в этой жизни ему не везет!

– Не вижу связи.

– Понимаете, он должен пройти это. Когда из тюрьмы убегают, беглеца ловят и сажают обратно, прибавляя срок. Так? Если бы наш блогер это осознал, вся его жизнь сразу изменилась бы... То есть, я так думаю.

– Мда, сумасшедший день.

Помолчали.

– Нам с вами еще повезло, – сказал Алик Магеррамов.

– В чем это? – насторожился бизнесмен.

– Я сейчас видел академика. Он меня, честно говоря, напугал. Их семейка, по моему, отключилась совсем. Они теперь в свите короля. Удивляюсь, у кого-то мозги переключились совсем, у кого-то вообще не включились. Имановы стали невменяемыми, а семейка скандалистки Шафиги ведет себя так, будто ничего не происходит.

Гасан Гасанович покачал головой.

– Значит, мы все, по-твоему, отбываем срок? Хм, странная идея. У меня бизнес, семья, пятеро детей. Я всю жизнь вкалывал, как ишак, я сам добился всего. Сам. Никто мне не помогал... Ну, кроме Всевышнего, разумеется, – поправился бизнесмен. – И теперь ты, сопляк, хочешь внушить мне, что вся моя жизнь – тюрьма? Ну ладно, я старый, но ты-то молодой. Как же ты жить будешь с такими мыслями?

– Здесь есть над чем подумать, – сказал Алик Магеррамов.

– Вот-вот. Кстати, как насчет тебя? Ты вот все выпрашиваешь. А кем ты сам был в прошлой жизни?

– Пока не очень разобрался. Но я был правильным и хорошим, борцом за правду, так сказать.

– Вот видишь, выходит, что и тебя наказали. Ты такой хороший – а снова в тюрьме и, прости меня, инвалид.

– Значит, есть за что.

– Нет, мой мальчик, ты меня не убедил. Все дело в отсутствии веры. Не верит ни во что молодежь. Морочат детям головы всякими экзотическими теориями, забивают головы. Какая еще прошлая жизнь? Пусть у них там, в Индии, будет прошлая жизнь, на здоровье, а нам это не подходит. Мы другие, и вера у нас другая.

Парень молча смотрел себе под ноги и, кажется, думал о своем.

– Ладно, иди. У меня тут кое-какие дела остались... Гм-гм. Если еще что узнаешь – информируй.

Охранник поднял глаза.

– А вам зачем? Вы же не верите.

– Мне интересно, – сердито сказал Гасан Гасанович.

– Просто я думаю, если бы люди верили во все это, то старались бы жить по-человечески, как надо.

– Я всю жизнь прожил как надо.

– Конечно... извините, я пойду.

Алик Магеррамов поднялся.

– Я всегда жил как надо! – упрямо повторил Гасан Гасанович. – Все стараются выжить. И я не лучше и не хуже других!

Нармина ждала в условленном месте. Тетушкам она сказала, что уезжает в город по делам и вернется вечером или же завтра. Тетушки были даже рады, потому что необходимость следить за племянницей утомляла их и лишала покоя. Им хотелось иметь возможность спокойно подремать в знойный полдень, понежиться на солнышке свои старые кости, посмотреть любимый сериал, без спешки вспомнить прошлое за вечерним чаем на веранде, когда вокруг электрической лампочки кружатся огромные мотыльки. А вместо этого приходилось целыми днями держать ухо востро. А как без этого? Отвечай потом перед ее родителями.

Ей было немного неловко за свое вранье. Но по-другому она не смогла бы сбегать от строгих теток. А ей было очень нужно уйти. Просто необходимо. Ей было нужно увидеться снова с этим парнем. Она чувствовала, что и ему это необходимо.

Нармина увидела Алика издалека. Он шел, сильно прихрамывая, здоровался со знакомыми, смеялся. Сейчас он почти не был похож на того мерзкого типа, столкнувшего ее тетушку на рельсы. Этого Алика она просто не могла представить в подобной ситуации. И, тем не менее, это был он.

– Странно все это, – вслух подумала девушка, – очень странно.

– Извини, я опоздал, – сказал Алик. – Сторожить чужое имущество – нелегкое дело.

– Платят хотя бы хорошо?

– Нормально. А где тетушки?

– Кстати, о тетушках. Я сказала, что уезжаю в Баку по делам, поэтому уйдем отсюда куда-нибудь, чтобы соседи не наслетничали. Весь наш поселок уже здесь.

Алик засмеялся.

– Тяжелая у тебя доля. Какой же это отдых?

– Выхода нет. В городе нас восемь человек в двух комнатах. Хочется иногда вырваться на воздух. А тетки у меня хорошие, просто они живут прошлым.

– Прошлым? – переспросил Алик, и по лицу его пробежала тень.

Нара внимательно посмотрела на него.

– Прошлым. Многие люди живут прошлым, даже молодые. Ты не замечал?

– 3-замечал, – сказал Алик Магеррамов.

Он повел свою девушку на элитный пляж. Он мог себе это позволить, потому что Талят Мамедович щедро платил за верность. А Алик был верен хозяину.

Ободранные зонтики и бунгалло остались за высокой каменной стеной. А здесь был совсем другой мир, в котором Нармина чувствовала себя уютно.

– Расслабься, – сказал Алик, – смотри на это с юмором.

Они сели за столик на открытой площадке, уставленной цветами, среди которых пестрели разноцветные прожектора светомузыки. Официант поздоровался с Аликом за руку, поклонился его спутнице, и через полминуты на столе были чай, мороженое, орешки, печенье, вазочки с различным вареньем и пирожные.

– Ты здесь часто бываешь, – заметила Нармина.

– Нет, только когда надо кого-нибудь за... надо кому-нибудь понравиться.

– Ты хотел сказать «заклеить»? – Нармина поморщилась и придвинула к себе мороженое. – Ну, давай, действуй, а я пока поем.

– Сегодня не получится.

– Опять «сегодня». Что это за «сегодня» такое?

– Ерунда.

– Значит – секрет?

– Если расскажу, все равно не поверишь. Хотя у меня язык чешется тебе рассказать, ты не поверишь, поэтому лучше помолчу.

– Поверю, если не будешь врать.

– Сегодня я врать не могу, – сказал Алик Магеррамов, сделав удар на первом слове.

Нармина отложила ложку, подперла голову рукой и приготовилась слушать.

– Тогда рассказывай.

– Ладно. Сама просила. – Алик придвинулся к ней поближе. – Понимаешь ли, в чем дело... Только заранее предупреждаю, что смеяться нельзя. Будешь улыбаться – уйду. Так вот, вчера ночью над нашим поселком летало НЛО. А когда оно улетело, появилось привидение. Оно сообщило, что мы все стали участниками какого-то эксперимента. Сегодня нам на один день возвращена память о прошлой жизни. Зачем и кому это нужно, оно не объяснило. Никто, конечно, не поверил, а с утра начали происходить странные вещи. Очень странные. Мы все перестали быть самими собой. Некоторые пытались уехать – не получилось. Эксперимент, понимаешь? Например, ты можешь уехать в город, а вот я не смогу сегодня этого сделать. Меня не выпустят, потому что я – объект эксперимента. Ты мне веришь?

– Да, – серьезно сказала Нармина.

– Правда?

– Я поняла. Я все поняла. Значит, завтра ты снова станешь тем мерзким типом со станции. А то, что сегодня, – это просто эксперимент.

– Ну, что-то вроде этого...

– И ничего нельзя сделать?

– То есть?

– Нельзя, чтобы ты и завтра был таким, как сегодня? Какая разница, прошлая жизнь или настоящая. Это же был ты, значит, ты можешь быть человеком.

– Не знаю, не знаю. Боюсь, что завтра я все забуду.

– А если я тебе напомню?

– Завтра ты будешь обходить меня за километр. Я действительно мерзкий тип. Не понимаю, почему я такой, что я такого натворил, что меня наказали. Если в прошлой жизни я был хорошим и честным, то в этой все должно было быть не так.

– Скажи, ты родился здоровым?

– Да, а что?

– В благополучной семье? У тебя было трудное детство? У тебя родители не наркоманы?

– Естественно, не наркоманы. Не понимаю, что за вопросы?

– Вот видишь. Ты родился здоровым и нормальным, в хорошей семье, не голодал, милостыню не просил. Значит, ни о каком наказании речь не идет. У тебя были и есть все возможности для того, чтобы быть человеком. Никто тебя не наказывал, ты сам себя наказал.

– Интересно, зачем же тогда я все это делаю, по-твоему? Зачем я мотаюсь, пью, лезу в мерзкие истории? Я что, ненормальный?

– Тебе виднее. Но вот что думаю я. То, что ты накопил хорошего, не может пропасть или уменьшиться. Оно остается. Ты и сейчас такой же хороший парень, просто тормоза у тебя слабее, чем в прошлый раз, или ты подсознательно боишься быть хорошим. Но ты можешь в любой момент все это прекратить.

– Почему ты так думаешь? Ты же меня совсем не знаешь.

– Уже немного знаю.

Алик откинулся на спинку кресла и склонил голову набок. Черт его знает, может, она и права, подумал он. Может быть, он действительно может измениться, просто перестанет быть плохим – и все. Должно быть, это не так трудно, как кажется. Надо только захотеть. Вот-вот, а захочется ли ему изменений, когда наступит завтра.

– Хочешь, пойдем к нам? – предложил он. – Сама увидишь, что происходит. Меня ты вычислила, теперь мне интересно, что ты скажешь об остальных.

У Нармины в сумке запищал телефон.

– Извини, – сказала она. – Да. Да, папа... Тетя Сара?.. Нет, наверное, не успею зайти домой, я хочу вернуться сегодня на дачу... Ага... Ага.... Не надо, я сама им позвоню. Пока. Не скучайте. В среду приеду. – Она завершила переговоры, забросила телефон в сумку и сказала немного сконфуженно: – Они не заслуживают вранья.

– Ну и сказала бы им правду. В чем проблема?

– Вот родишься в следующий раз женщиной, тогда поймешь.

12

В поселке царила тишина. Воздух шевелился от зноя. Абшеронский полдень. В это время не только люди и собаки, но даже ящерицы и скорпионы стараются укрыться в тени. Алик и Нармина перешли железнодорожное полотно, держась за руки. Мимо, подняв в воздух горячую пыль, прогрохотала вереница бетономешалок и КамАЗов. Когда пыль осела, они увидели возле супермаркета небольшую толпу.

– Там что-то интересное, – обрадовался Алик и поволок девушку за собой.

У магазина шел митинг. В самом центре толпы размахивал руками усатый мужчина в пиджаке и галстуке. Загорелая лысина лоснилась от пота.

– Так я и думал, – сказал Алик.

– Кто это?

– Это наш депутат Агабек Улубейли. – Нармина пожала плечами. Это имя ни о чем ей не говорило. – О, он известная личность. Красавчик, а?

Улубейли промокнул лицо и шею платком и, взмахнув белой тряпицей, выкрикнул:

– И поэтому, братья и сестры, я призываю вас: не верьте провокаторам, верьте честным патриотам! Это – провокация, устроенная врагами нашей страны. Это привидение – не просто привидение!

Люди слушали кто с интересом, кто с сочувствием, кто-то смеялся, щелкая семечки, кто-то ворчал и крутил пальцем у виска. Но люди не расходились. В толпе Алик заметил короля. Его сопровождала свита – семейка Имановых в полном составе, десяток соседей с дальних дач, с которыми Алик не был знаком, а также двоюродный братец Рафик с приятелями. Последние получали от происходящего удовольствие, завершая каждую фразу выступавшего бурными аплодисментами и свистом. Но сам король был очень серьезен. Суровый взгляд скользил по лицам собравшихся, будто выискивая мятежников и предателей. Алик аж похолодел, когда взгляд правителя скользнул по нему.

– Смотри, вон наш король, – сообщил он Нармине на ухо.

– Да это же попрошайка с пляжа, – удивилась девушка.

– То-то и оно. Был королем – стал попрошайкой. Интересно, да? А за ним высокого мужчину видишь? Это академик Иманов. Он и его семейка свихнулись окончательно. Представь, король посватался к их красотке Зарочке, и они согласились!

– Какой ужас, – сказала Нармина. – Надеюсь, свадьба не сегодня?

– Сегодня.

– Господи, ведь когда она проснется в постели с грязным стариком... Это будет ужасно. Надо как-то этому помешать.

– Зачем? Она это заслужила. Извини меня, конечно, но эта дура Зара Иманова с кем только рядом не просыпалась.

– И с тобой тоже?

– А что?

– Ничего. – Нармина отвернулась, чтобы Алик не заметил выражения ее лица.

Алик ухмыльнулся. «Ревнует», – подумал он удовлетворенно.

Улубейли закончил речь и неожиданно для всех объявил:

– А теперь я вам спою, – и резво вскочил на ящик из-под лимонада.

От неожиданности люди оторопели. Никто даже не хихикнул.

Улубейли оттянул узел галстука, прочистил горло и... запел.

У него не было ни слуха, ни голоса, и пел он черт знает что. Сцена была столь драматичной, что Алику и в голову не пришло засмеяться. Он всей кожей ощутил тот ужас, который, наверное, испытывает сейчас этот человек, не имея возможности подавить свое прошлое. Это читалось на побагровевшем лице депутата и в его обезумевшем взгляде. Но не многие поняли это, люди смеялись, тыкали в него пальцем и стыдили. Свита короля прямо лежала от смеха. Сквозь грубое гоготанье Алик различал звонкий смех Зары. Рафик с приятелями старательно снимали происходящее на телефоны.

– Мне это не нравится, – сказала Нармина. – Давай уйдем.

– Да, сейчас пойдем.

Алик протолкнулся сквозь качающихся от смеха людей, схватил Улубейли за руку и стащил с ящика.

– Идите, дядя, я провожу вас домой.

Улубейли продолжал петь, но глаза его наполнились благодарностью.

Алик взял поющего и пританцовывающего человека под руку и стал выбираться из толпы. Тут дорогу преградил Рафик.

– Куда это ты уводишь нашего певца? – поинтересовался двоюродный брат. – Его величество хочет еще повеселиться.

– Отойди, – злобно сказал Алик Магеррамов, и брат действительно посторонился.

Во дворе дачи Улубейли никого не было, однако открытая дверь дома говорила о том, что там кто-то есть.

– Хозяйка! – крикнул Алик, заглянув внутрь. – Севда ханым!

Он усадил обессилевшего политика на скамью под тутовым деревом, оставил возле него Нармину и вошел в дом, сняв на пороге свои сандалии.

В доме были закрыты все ставни, видимо, поэтому было прохладно. Уютно тикали большие настенные часы. Алик заглянул на кухню, в гостиную. Никого. Тогда он решил подняться на второй этаж, хотя это и было не очень удобно. Вдруг хозяйки нет дома. Черт знает, что о нем могут подумать. Но оставлять без присмотра беднягу тоже нельзя.

Охранник 9-й дачи постучал в одну из дверей. Дверь со скрипом приоткрылась. Он предупредительно покашлял, подождал немного, просунул голову в щель и окаменел. С большой кровати, стоявшей напротив окна, на него неподвижно смотрели двое. Их широко раскрытые глаза сверкали в полумраке. Это были жена и телохранитель депутата.

Алик не мог пошевелиться, хотя понимал, что в подобной ситуации лучше сделать вид, что тебя здесь вообще не было. Тем временем Севда слезла с кровати, набросила халат и быстро пошла к нему. Алик отпрянул от двери, попятился и чуть не перелетел через перила на первый этаж. Жена Улубейли успела ухватить его за майку и вернуть в вертикальное положение.

Женщина молча смотрела на него. Алик не выдержал паузы и пробормотал:

– Я никому не скажу, честное слово.

– Я хочу объяснить тебе все, – проговорила Севда ханым, хотя, конечно же, не обязана была ничего объяснять этому мальчишке. И не стала бы, если бы не ночное происшествие. – Мы любили друг друга, но он был бедным крестьянином, и мои родители выгнали его сватов. А потом подельщик моего отца увез меня и сделал своей женой. Жак не решился вступить, и с тех пор мы с ним больше не виделись. И когда я встретила его сегодня, я... Боже, что я говорю...

Жена Улубейли зажала ладонью рот и заплакала, а Алик Магеррамов подумал: «Пусть этот проклятый день закончится поскорее».

- Почему ты молчишь?
- Да нет, ничего, не обращай внимания.
- Неправда. Ты вышел из дома с таким лицом, что я даже испугалась.
- Тебе показалось.
- Ладно, пусть так.

– Не обижайся. Это не мой секрет, я не могу тебе рассказать. Да и не имеет это значения, потому что завтра все изменится. Мы все проснемся утром и решим, что просто видели плохой сон. Очень страшный сон.

Нармина больше не задавала вопросов. В молчании они дошли до виллы Талыта Мамедовича. Алик отпер кодовый замок и распахнул ворота.

Нармина никогда не бывала на таких дачах. Она только проходила мимо и, что скрывать, всегда думала о том, кто прячется за этими высокими стенами.

Как сказал Алик, Талят Мамедович занимался нефтяным бизнесом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта дача могла спокойно выдержать многодневную осаду, землетрясение или потоп. Огромная территория была прекрасно обустроена и ухожена.

Нармина хотела пройти по аллее и посмотреть сад, но Алик остановил ее:

– Прошу, никуда не ходи. Здесь повсюду сигнализация. Эта дача не для отдыха, а для встреч с деловыми партнерами. Посиди в беседке, там диван, кресла, журналы всякие. Я сейчас вернусь.

Нармина перепугалась и не шевелилась до тех пор, пока Алик не вернулся. В руках у него была подушка, и девушка испугалась еще больше.

– Хочешь чай или покушать? – спросил Алик. – Вон ту пристройку видишь? Там кухня, а рядом туалет. Если что нужно, можешь пользоваться. А я должен отдохнуть, у меня голова раскалывается от всех этих потрясений.

Он бросил подушку на диван, уткнулся в нее и сразу уснул.

Нара отправилась на кухню по строго указанному маршруту, боясь отступить от него вправо или влево.

На кухне было все, что может пожелать себе хозяйка. Ничем этим Нармина пользоваться не умела, она просто прошла вдоль стены со встроенными приборами и покачала головой. В холодильнике тоже было все. Она ни к чему не прикоснулась, взяла только шоколадку. Потом подогрела чайник, налила себе чай, села за стол и стала смотреть в окно, за которым тихо жужжала поливочная установка.

Немного поразмышляв, Нармина пришла к выводу, что тоже является участницей какого-то эксперимента, пусть даже к ней не приходило никакое привидение. Иначе как объяснить, что она сейчас находится здесь? Во-первых, она никогда не заговорила бы первой с незнакомым парнем, да еще на пляже. Во-вторых, она ни за что не стала бы обманывать своих престарелых тетушек, а заодно и отца с матерью. В-третьих... Ну, мало ли что в-третьих. Все было бы не так. Совсем не так... Хотя, если уж говорить честно, в глубине души ей хотелось, чтобы он проявил к ней больший интерес. Алик ей нравился, даже очень. Да и обстоятельства складывались очень романтично – они одни за высокими стенами... Мда.

Нармина вздрогнула и прислушалась, застыв с зависшей в воздухе чашкой. Ей показалось, что кто-то кричал. Сначала она подумала, что звук идет снаружи, с улицы, но когда крик повторился, она выронила чашку и бросилась во двор.

Алик сидел на полу беседки, держась за голову, и тупо смотрел в одну точку. Его трясло.

Она подбежала к нему.

– Что с тобой?!

Алик перевел взгляд на нее.

– Не дай им меня убить, – медленно проговорил он, – не дай им... меня... убить...

– Что?

– Меня убили! Поняла? – выкрикнул он так, будто это она была во всем виновата. – Убили! Я видел это! Видел! Мне повесили камень на шею и сбросили с моста! Я видел, как это случилось!

Нара сразу сообразила, о чем речь. Он увидел во сне, как завершилась его прошлая жизнь. Он увидел, что умер насильственной смертью, и испугался. Еще бы не испугаться... Кто знает, может, так оно и было. Но даже если это просто сон, все равно – какое потрясение.

Она присела рядом с ним и несмело дотронулась до его щеки. Кожа была холодной и совершенно белой.

– Успокойся, все прошло. Успокойся.

– Не дай им меня убить... – прошептал Алик Магеррамов и всхлипнул, – не уходи... я не хочу умирать... не хочу...

Сказав это, он склонился к ней и уткнулся лицом в ее плечо. Нармина погладила его по голове, потом решила и обняла.

– Я никому не позволю тебя убивать. Слышишь? Никому. И я никуда не уйду, пока этот жестокий эксперимент не закончится. Обещаю. Только успокойся.

14

А в это время на бесплатном пляже в тени потрепанного грибка расположилась странная компания. Девочка в красной кепке, полицейский, двое рабочих со стройплощадки нового ресторана и черный от загара продавец кукурузы. Перед рабочими лежала газета, на которой были разложены хлеб, помидоры, колбаса, два стакана и бутылка дешевой водки. Они неспешно обедали и слушали. Торговец крепко обнимал накрытое немойтой тряпичной салфеткой ведро с дымящимся товаром.

– А чем я виноват? – говорил полицейский, обмахиваясь фуражкой. – Самандаров, сделай то, Самандаров, сделай это! На работе начальство покоя не дает, дома жена замучила, соседи пристают. Попробуй всем угодить. Говорят: ты, Самандаров, взяточник, как тебе не стыдно, Самандаров... Не понимают люди, что Самандаров тоже кушать хочет! Это они от зависти, я знаю, ведь погоны сегодня везде нужны. Не учится дочка – нет проблем, зайдешь один-два раза в школу, и все – отличница. Гоняет сын на красный свет – тоже папа выручит. На что же тогда родители, если они не могут обеспечить ребенку спокойную жизнь? А всему остальному должна учить школа, это ее работа, а не моя.

– Правильно, начальник, правильно, – закивал продавец кукурузы. – Очень правильно говоришь.

– Да, что правда, то правда, – поддержал один из рабочих, подливая себе в стакан. – Школа должна учить.

– Так нет же, никто не хочет понимать, только ругают, – обиженно продолжил Самандаров. – Никакого уважения к полиции! – Атакиши Мехралиевич вздохнул. – Столько лет на службе, другие уже до генералов дослужились... Говорил мне покойный отец: не поступай, сынок, в школу милиции, лучше иди сразу на юрфак и станешь прокурором, и денег больше, и уважения. Эх, родителей надо было слушать!

– Правильно, начальник, очень правильно сказал, – снова вставил продавец кукурузы.

Девочка Гюля слушала очень внимательно и терпеливо, как священник на исповеди.

– Лучше заниматься своим собственным делом, даже выполняя его несовершенно, нежели в совершенстве исполнять чужое, – пропищала она назидательно. –

Обязанности, предписанные в соответствии с природой каждого, никогда не вызывают греховных реакций. Может, ты занимаешься не своим делом, поэтому не находишь радости? Ты не совершил в своей жизни поступка, о котором тебе не приходится сожалеть.

– Да что ты меня поучаешь! – возмутился Самандаров. – Ты – пигалица, школу еще закончи... Что ты вообще можешь знать?

– Я знаю все, что происходило в прошлом, все, что происходит в настоящем, и все, что еще должно свершиться.

– Да? – Атакиши Мехралиевич крякнул и почесал в затылке. – А вот скажи, назначат меня на место Резаева?

Девочка посмотрела на него с безграничной тоской.

– Извини, Самандаров, но, кажется, я не смогу тебя спасти.

– От кого? – Самандаров инстинктивно потянулся к отсутствующей кобуре.

– От тебя самого. Ты неправильно живешь.

– Да что ты можешь знать о жизни! – вспылил Атакиши Мехралиевич. Без спросу прихватил с газеты помидор и надкусил. – Ты еще маленькая совсем. А будешь большая – узнаешь, как трудно зарабатывать. Я уже забыл, когда спал спокойно.

– Когда ум, разум, вера и надежда человека сосредоточены на Всевышнем, – сказала девочка Гюля, – тогда он полностью освобождается от тревог благодаря совершенному знанию и, таким образом, прямо следует по пути к освобождению.

– Что? Освобождению? – заволновался Самандаров. – Меня посадят?

Рабочие засмеялись.

– Да о чем ты с ним говоришь, малышка, – заметил один из них. – Это же полицейский. А разве они люди? Они ведь только деньги считать умеют, а ты ему о каких-то умных вещах толкуешь.

– Высшая истина существует внутри всех живых существ, – сказала девочка.

– Истина, хе-хе, – хохотнул рабочий. – Даже я, честный человек, не понимаю, о чем ты говоришь. А куда ему понять? Посмотри на него... А у меня и язва, и грыжа, а денег на лечение нет. Неправильно это. Нечестно. А ты говоришь...

Атакиши Мехралиевич был так возмущен, что не мог произнести ни слова. Он только пыхтел.

Мимо грибка прошел коричневый фотограф с измученным верблюдом. Тощие горбы животного болтались, как пустые бурдюки. Компания проводила корабль пустыни долгим взглядом.

– Вот и зверю нет покоя, – философски заметил рабочий.

Все дружно вздохнули и погрузились в раздумья.

15

Время шло, а они так и сидели – она на диване, а он на полу беседки, положив голову ей на колени. Нармина перебирала пальцами волосы Алика Магеррамова и слушала, как шумит ветер в кронах высоких сосен.

Никто их не тревожил. Только забежал зачем-то Гасан Гасанович, но, увидев Нармину, неохотно удалился, пообещав зайти попозже.

– Ты уверена, что можешь остаться? – глухо произнес Алик.

– Я уверена только в том, что не оставлю тебя, пока все это не закончится.

– Может, тебе лучше поехать домой, пока не поздно?

– Я уже решила.

– Ты не боишься оставаться со мной одна?

– Нет.

– Спасибо тебе за все. Не знаю, как бы я пережил этот день, если бы не встретил тебя. И прости меня за истерику. Это было не по-мужски.

– Дурак ты.
– Зато ты такая умная. Без шуток. Что ты думаешь о моем сне?
– Мне кажется, я поняла, почему у тебя такая жизнь. Как я и подозревала, ты просто боишься быть хорошим. Наверное, в прошлом ты пострадал из-за этого, поэтому теперь стараешься делать все наоборот.
Алик хмыкнул и потерся носом о ее колено.
– А знаешь, что я заметила? – сказала Нармина.
– Что?
– Этот бизнесмен, твой сосед, по-моему, был в прошлой жизни женщиной.
– Что-что?
– Или он голубой?
– Да нет.
– Значит, я права. У него манеры не мужские какие-то, и разговаривает как-то... кокетничая.
– Ты же его всего пять минут видела!
– Этого достаточно. Мне даже кажется, что ему не понравилось мое присутствие. Как если бы чувиха пришла пообщаться с молодым человеком, а там оказалась другая дама.
– Не болтай ерунды. Какая еще чувиха... У него пятеро детей.
– Ну, я же говорю о прошлой жизни.
Алик призадумался, вспоминая свой последний разговор с Гасаном Гасановичем. Пожалуй, она права, бизнесмен вел себя как-то странно, строил ему глазки.
Э-хе-хе, безумный, безумный день!
– Только этого мне не доставало, – сказал он.
– Не бойся, я буду стоять на страже твоей чести, – засмеялась Нара.
– Ты уж постарайся, а то к концу эксперимента, будь он неладен, могут появиться жертвы.
«Суд! Суд! Все на суд!» – послышалось с улицы.
Алик и Нармина одновременно напряглись, прислушиваясь.
– Боже мой, что там опять случилось, – простонал Алик Магеррамов.
– Какая разница, – продолжая прислушиваться, сказала Нармина, – мы же решили, что ты до утра не выйдешь из дома. Так?
– Так. Мы никуда не пойдём. Носа не высунем. Нам ни до чего нет дела.
«Все на суд!» – прозвучало прямо за воротами.
– Я только узнаю, что случилось, – сказал Алик, словно извиняясь. – Хорошо?... Глашатай оказался пацаном лет десяти в стоптанных тапках и замызганной тенниске, из кармана которой торчал кончик купюры. Алик ухватил его за ухо и строго спросил:
– Ты что несешь? Какой еще суд?
– Королевский, – хихикнул мальчишка и забился, стараясь вырваться.
– Откуда ты это взял?
– Дяденька мне заплатил и велел так кричать.
– Так-так, понимаю. Кого судят?
– Утопленника с 3-й дачи.
– За что?
– Я не знаю. Ну, отпусти, дядя! Мне больно!
– Где будет... суд?
– На 15-й даче.
– У Имановых?
– Не знаю! Не знаю я! Отпусти!
Алик покосился на выглядывающую из кармана пацана банкноту, дал мальчишке хорошего пинка и захлопнул ворота.

Нармина сидела в прежней позе и выжидающе смотрела на него.

Алик подсел к ней.

– Понимаешь, надо сходить посмотреть, что там такое. Жаль этого кретина. Произдеваются над человеком и совсем ему жизнь ломают. Никто не будет защищать Нифталиева. Таких никогда не защищают.

– А кто защитит тебя?

Алик Магеррамов только улыбнулся. Улыбка получилась невеселой.

16

Несмотря на жару, люди стекались к даче академика со всех сторон.

По дороге к Алику и Нармине присоединился Гасан Гасанович. Поначалу бизнесмен старательно делал вид, что направляется на базар, но в конечном итоге свернул к 15-й даче. Алик с любопытством наблюдал за бизнесменом и все больше убеждался, что Нара права. Ну, женщины, как они все подмечают, подивился он. Ему самому такое никогда в голову бы не пришло. Однако как бы забавно это все ни выглядело, Алику не нравилось, что сосед учащенно дышит ему в затылок, это его совсем не забавляло.

Ворота дачи Имановых были широко распахнуты. Академик важно прошаживался вдоль главной аллеи, заложив руки за спину. Его жена с испуганным видом бегала туда-сюда, суетилась вокруг нищего, восседающего в большом кресле у края веранды.

На балконе второго этажа в окружении «вассалов» в лице дружков Рафика сидела Зара Иманова. Дочь академика ослепляла своей красотой. Глядя на нее, становилось даже страшно, так неестественно красива была девушка. Зара жеманничала, кокетничала с Рафиком, кривляющимся вовсю. Ее нежный голосок и звонкий смех разливались по двору, заставляя собравшихся обострять зрение и слух.

Они встали позади. Не стоило привлекать к себе внимание.

– Вы знаете, что в поселке не работает ни один телефон? – шепнул в затылок бизнесмен. – Ни мобильные, ни городские. Интернет тоже заглох. Никакой связи с внешним миром!

Нармина вынула свой мобильник. И правда, на дисплее значилось «Поиск сети».

– Безумие, безумие, полное безумие! – продолжал шептать сосед. – Неужели они не понимают, что это безумие?

– Я же говорил, – небрежно бросил Алик и надвинул кепку на глаза, потому что король посмотрел в его сторону.

– Нет, не могу поверить, что это на самом деле, – продолжал ахать и охать, заламывая руки, Гасан Гасанович. – Нет, нет, это все-таки спектакль, вот увидишь, это просто цирк. Такого не бывает. Они же все солидные, серьезные люди... Ну, я не знаю, честное слово... Иманов, Вагиф Алекперович, такой элегантный мужчина, интеллигент... в конце концов, он – академик!

Тут грохнули чем-то железным, что, видимо, должно было означать удар гонга, и из бани вывели подсудимого. Несчастный Нифталиев боялся поднять глаза. Иногда он все же бросал в толпу испуганные взгляды затравленного зверя, и у Алика Магеррамова сжималось сердце.

Один из дружков Рафика, паясничая, принялся рассказывать о вине подсудимого, то ли наступившего королю на мозоль, то ли сбившего его с ног. Никто толком ничего не понял. Люди наблюдали за происходящим с некоторым испугом. Алик заметил, что после выступления «прокурора» зрители начали понемногу просачиваться за ворота. «Здесь что-то будет, – шептались дачники, торопливо покидая двор академика, – идемте отсюда, это не наше дело, это нас не касается».

– Молодые люди, – тихо сказал бизнесмен, – по-моему, нам тоже надо уходить. Не хотите? Ну, как знаете. А я пошла... п-пошел... не хочу быть свидетелем этого безобразия. Тут....

– А как же он? – спросил Алик. – Вам его не жаль?

Гасан Гасанович смешался, залился краской, пробормотал что-то невнятное и засеменял к воротам.

– Жаль, что у тебя нет пистолета, – вздохнула Нармина.

– Жаль. Ты это... ты лучше тоже уходи. Подожди меня снаружи. Я не хочу, чтобы меня побили у тебя на глазах.

– Что ты задумал?

Алик сделал глубокий вдох, поправил кепку и зашагал к «трибуне».

– Можно с тобой поговорить? – обратился он к Рафику.

Двоюродный брат отмахнулся.

– Можно тебя на два слова?

Рафик воздел глаза к небу и спрыгнул с лестницы.

– Ну, что тебе понадобилось от меня, бедный родственник?

– Отпусти его, – коротко сказал Алик.

– Зачем? – удивился Рафик.

– Надо.

Кривая усмешка на лице родственника разгладилась. Губы превратились в прямую линию и сжались. Он что-то обдумывал.

– А тебе не все равно, что с ним будет? – спросил брат.

– Как видишь.

– Ладно, я устрою ему побег, если ты подпишешь признание.

– Завтра.

– Почему завтра?

– Сегодня не получится.

– Не морочь мне голову. Я не хочу поднимать на тебя руку. Мы все же родственники. Честно скажу, лично мне все равно, когда ты подпишешь бумагу и подпишешь ли ее вообще, но Интигам послезавтра уезжает на переговоры в Индонезию, и она нужна ему сегодня вечером, чтобы утрясти все дела. Я могу, конечно, рассказать ему насчет «завтра», но тогда он заставит подписываться меня, а мне, сам понимаешь, это ни к чему. Ему плевать, кто возьмет на себя его дерьмо. А ты, если не хотел, зачем соглашался? Тебя же не заставляли. Позарился на большие деньги, а теперь создаешь людям проблемы. Это не по правилам, братец.

– Я не могу тебе объяснить. Ты все равно не поймешь. И вообще, у меня изменились жизненные планы. Я ни у кого никаких денег пока не брал и никому не обязан.

– Твои жизненные планы меня не касаются. Поехали со мной, объяснишь все это Интигаму сам. Может быть, он поймет.

– Я не смогу сегодня выехать отсюда.

– Это глупость. Сядем в мою машину и красиво так поедем в город. Если договоришься, деньги на обратное такси – с меня, если нет – уж извини.

– Не получится.

– А давай проверим.

Пока они разговаривали, во дворе почти не осталось зрителей. Только дети и хулиганистые подростки. Алик посмотрел по сторонам, нашел глазами Нармину и снова повернулся к двоюродному брату.

– Так как, отпустишь его?

Рафик развел руками и хихикнул.

– Прости, братец, но это не в моей власти. Я только выполняю приказы. Вон, поговори с шефом, он все решает.

Говорить с королем Алику совсем не хотелось. Преобразившийся попрошайка пугал его больше всех остальных. Он еще помнил ту пощечину. И не потому, что она доставила ему боль, хотя рука его величества и была тяжелой. В старике было нечто пугающее, и оставалось только благодарить небеса за то, что в нынешнем воплощении он не наделен властью.

Он нерешительно поднял глаза и встретился с пронзительно-холодным взглядом старика, смотревшего на него в упор.

– Подойди, – произнес король.

Алик поднялся на несколько скрипучих ступенек. Иманов и еще несколько незнакомых мужчин тут же окружили короля.

– Говори, – приказал король. – Чего ты хочешь?

– Я хочу, – начал Алик Магеррамов и запнулся. От взгляда старика его знобило. – Я хочу, чтобы вы прекратили издеваться над человеком. Гм-гм...

– Над человеком? – король приподнял брови и взглянул поверх его головы. – Эту жалкую тварь ты называешь человеком?

Алик невольно оглянулся на Нифталиева.

Тот покорно сидел на табуретке, сгорбленный и несчастный. Похоже, он даже не думал о том, чтобы сбежать или как-то защитить себя, или хотя бы просто возмутиться.

«Тряпка», – с сожалением подумал Алик.

– И это, по-твоему, человек? – повторил вопрос его величество. Увидев, что проситель замешкался с ответом, старик понимающе прищурился. – Не каждый рожденный женщиной имеет право называться человеком. Люди, большинство людей, что придорожная трава или сорняки, растут себе под ногами. Хочешь, не хочешь, а на кого-нибудь да наступишь. Право называться человеком надо заслужить. И решать, кто чего заслуживает, могу только я. Только я решаю, кто заслуживает жизни. Только я здесь власть и правда. Я всегда прав, и никто не смеет задавать мне вопросы. А тебе, щенок, повезло, что не ты сейчас на его месте. Но все еще может измениться.

Слово «щенок» вывело Алика из оцепенения, в которое вогнал его гипнотический взгляд старика. Пока король говорил, он не видел и не слышал никого, кроме него. Теперь же лица людей свиты выплыли на первый план, и Алику Магеррамову стало по-настоящему страшно.

С балкона раздался заливиный смех Зары.

– Иди, – сказал король, – я отпускаю тебя.

Алик хотел ответить что-нибудь грубое, но побоялся, что свита разорвет его на кусочки. Иманов, высокий мужчина с римским профилем и копной белых волос, зорко следил за каждым его движением и каждым словом.

– Спасибо, что отпускаешь меня... ваше величество, – сказал Алик с легкой усмешкой. – И все-таки, чем это растение так сильно тебя обидело? Сомневаюсь, что оно способно на такой подвиг.

– Почему же. – Глаза старика холодно блеснули. – Растения тоже умеют жалить и колотья. Правда, они это делают по глупости, в отличие от людей, но все равно может быть очень больно. Глупость, как и злой умысел, подлежит наказанию, иначе она может превратиться в заразную болезнь.

«Ты смотри, как рассуждает, – зло подумал Алик. – Вчера, наверное, подпи-сывался крестиком, а сейчас философствует».

– Я согласен, что он растение, иначе давно встал бы и ушел из этого балагана. Но я не думаю, что это причина для издевательств.

– Каждый получает свое, – сказал король. – А ты иди, это не твоё сражение.

– Что вы собираетесь с ним сделать?

– Я же сказал: это не твоё сражение. Иди.

– Не уйду! – наконец не сдержался Алик. – Психи, вы что, совсем соображать перестали? Это же эксперимент. Экс-пе-ри-мент! Завтра все закончится. Как вы будете смотреть друг другу в глаза? – Он повернулся к Нифталиеву. – А ты что молчишь, идиот? Я тут ради тебя выворачиваюсь, а ты...

Блогер встрепенулся.

– Я уйду! А ты можешь идти со мной, если душка хватит.

Алик сбежал с лестницы, отпихнул Рафика и пошел к выходу, где ждала его девушка. Никто не встал на пути. Только король крикнул в спину, словно гром прогремел:

– Собирай войско! Будет война!

«Да пошел ты, старый... – выругался про себя Алик. – Сумасшедший дом... ненормальные... больные!»

Нифталиев плелся следом и благодарил, оправдывался, что-то объяснял.

– Что же мне делать? – спросил он жалобно.

– Дай кому-нибудь в морду, – посоветовал Алик.

– Думаешь, это поможет?

– Попробуй. А теперь отстань от меня.

Нифталиев отстал.

17

– Как тебе удалось заклеить такую джану?

Алик вздрогнул, будто его сильно толкнули в спину, и развернулся.

– А ну, отойди.

– Да что ты взбесился? Я просто спросил. – Рафик широко улыбнулся. – А с тобой и правда что-то не то сегодня. Теперь я тебе верю. Может быть, на солнце перегрелся?

– Может быть, – огрызнулся Алик и хотел обойти двоюродного брата, но тот преградил дорогу и распахнул дверцу своего «Хаммера».

– Я вот решил в город возвращаться. Что-то мне эти игры перестали нравиться. Приглашаю вас обоих прокатиться со мной. Ну, как?

Алик бросил взгляд вдоль улицы. Раскаленная дорога была пустынна. Как нарочно, ни одного прохожего, ни одной машины.

– Я поеду, – сказал он, загоразживая Нармину, – а девушке некогда. Она пойдет домой.

– Так мы ее подвезем. Мы же братья, родной. В ее присутствии нам будет легче договориться.

Из-за поворота показались две женщины с детьми. Они шли с моря, красные и веселые, болтали, а их дети с визгом бегали друг за дружкой, поднимая пыль. Алик понял, что надо использовать момент. При свидетелях Рафик не станет ничего предпринимать.

– Итак, я еду, но один. Договорились?

Рафик тоже смотрел на медленно бредущих женщин, недовольно морщась.

– Что происходит? – не выдержала Нармина.

– Ничего страшного, просто кое-какие дела появились, – пробормотал Алик. – Поезжай пока в город, не к теткам, а прямо в Баку. Прямо сейчас иди на станцию. Как раз скоро электричка. Очень тебя прошу. Я как вернусь, сразу тебе позвоню.

– Телефоны не работают, – напомнила Нара.

– Ну заработают же они когда-нибудь!

Нармина ничего не ответила...

– Какая симпатичная у тебя подружка, братец, – сказал Рафик, хитро подмигнув ему через зеркало. – А она знает, что ты хромой?

Прятели загоготали.

Алик промолчал. Пусть смеются. Интересно, куда денется их веселость, когда машина застрянет.

Они отъехали от поселка довольно далеко, но ничего не происходило, и Алик заволновался. Но «Хаммер» все-таки остановился. Машина вдруг начала терять скорость и забуксовала, упершись в невидимое препятствие. Колеса продолжали вертеться, но «Хаммер» не двигался.

Сыпля проклятия, Рафик открыл дверь и посмотрел на землю. Ровный асфальт.

– Я же предупреждал, – сказал Алик.

– О чем ты предупреждал? – раздраженно бросил брат.

– Я предупреждал, что сегодня не могу никуда уехать.

– А при чем здесь ты? Не видишь, с машиной что-то случилось!

– Хочешь, я выйду – и тогда поймешь, при чем тут я.

Рафик передернул плечами.

Алик вышел. Едва он оторвал руку от дверцы, как машина дернулась и помчалась вперед с прежней скоростью. Рафик дал задний ход и снова остановился возле него.

– Садись. Уже все в порядке.

«Вот тупица», – подумал Алик и полез в машину.

После получасовых усилий Рафик заглушил мотор, повернулся и схватил брата за шиворот.

– Как ты это делаешь? Что ты делаешь с моей машиной?

– Это не я, это они, – сказал Алик и показал пальцем в небо.

Прятели Рафика подняли глаза, рассматривая потолок.

– Ты издеваешься? – взвыл родственник. – Что у вас тут происходит? Отвечай! Я хочу знать, что в этом проклятом поселке происходит!

– Эксперимент, – спокойно сказал Алик, внутренне торжествуя. У брата вытянулось лицо. – Некто спустился с неба, чтобы провести над нами эксперимент, который завершится в полночь. Пока он не завершится, я не смогу отсюда выехать. Ты уж прости, братец...

Его выкинули из машины посреди дороги и умчались. Разумеется, Рафик не стал подвозить его обратно.

Алик добрался до поселка выжатым и выжженным солнцем. Он еле передвигал ноги.

На душе было мутно, кружилась голова, только одно радовало – Рафик убрался отсюда до завтра. Дойти бы скорее до дома, закрыть за собой двери и отгородиться от мира высокими стенами. А там видно будет.

Приметив за поворотом неприступные стены талытовского замка, Алик облегченно вздохнул. Но еще быстрее его сердце заколотилось тогда, когда он увидел сидящую на тумбе для цветов Нармину.

Он остановился. Так она не уехала... Не уехала. Она не уехала. Как же это здорово!

Нара заметила его и побежала навстречу. Она бросилась ему на шею, плача от радости.

– Живой, живой, – говорила она. – Как я боялась, как боялась! Тебя не было почти два часа! Я все время помню о твоём сне! Я так боюсь за тебя, так боюсь! Кто они такие? Что им от тебя нужно? Ну ладно, я не буду ни о чем спрашивать. Главное, что ты вернулся живой!

Алик совершенно обалдел от счастья и глупо улыбался.

– Ну, идем, идем скорее, – сказала Нармина, – Ты обгорел, надо что-нибудь сделать.

18

Если есть на свете счастье, оно должно быть именно таким, думал Алик Магеррамов, лежа в беседке с холодным компрессом на голове. Обгоревшие руки, плечи и грудь Нара обмазала гатыгом, сказала, что гатыг впитает жар. И правда, через пятнадцать минут кисломолочный продукт засох и растрескался, а температура немного спала. И как быстро все может измениться в жизни человека, думал Алик. Всего за несколько часов! Он млел и таял от заботы, которой окружила его совершенно незнакомая девушка. Незнакомая? Да нет, они, наверное, знакомы с прошлой жизни, поэтому у них так сразу все получилось. Почему бы не предположить такое? Ведь жена депутата встретила своего Жака... Хотя нет, он не хотел, чтобы Нара была из прошлого. Пусть она будет из настоящего, и это ощущение счастья не исчезнет с окончанием эксперимента.

19

– Шафига! Шафига! Скорее открывай!

Шафига ханым приоткрыла ворота и перегородила вход своей мощной фигурой. Увидев дальнюю родственницу, работающую уборщицей в пляжной чайхане, она досадливо поморщилась.

– Что раскричалась? Умер кто-нибудь?

– Что ты говоришь, несчастная! Еще не умер, но лучше бы умер!

– Да говори яснее, – проворчала хозяйка и затрясла перед носом родственницы пыльной тряпкой. – Ну, говори, говори.

Та чихнула, уперла руки в бока и мстительно улыбнулась.

– Где твоя внучка?

– Я отпустила ее на весь день к Метанет. К ней внучки приехали из города. Тебе-то что?

– Несчастливая! Метанет ничего об этом и не знает. А ты, что ты за бабушка? Хотя бы зашла к Метанет, поинтересовалась внучкой.

– Ну, что, что случилось-то?

– Джамиль только что видел твою Гюлечку на пляже в компании пьяных мужчин. Вот!

Шафига чуть не выпала из ворот.

– Что-о-о-о?..

– И твой Исфандияр тоже там, между прочим, и тоже выпивает, – добила родственница. – И не только он, а весь пляж собрался, как на концерт!

Шафига ханым молчала. Она онемела от услышанного.

20

17.40. Наконец-то время начало двигаться, подумал Гасан Гасанович и автоматически прошелся по циферблату тряпкой.

– Проклятье! – вскричал он, бросил тряпку на пол и стал ее топтать.

Потом сел на стул, сложил руки на коленях и уставился в окно. Он держал оборону, сражаясь со своим прошлым, и нес определенные потери. Три часа назад он постучал в ворота 9-й дачи. Очень хотелось повидать того интересного молодого человека и поболтать с ним. Но там оказалась какая-то девица, и Гасан Гасанович потерял покой.

– Какое тебе дело до девушки? – сказал он сам себе. – У него что, не может быть девушки? Да, это его девушка. Очень хорошо, дай Бог счастья. Пусть у него будет хоть десять девушек!

Как хорошо, что сейчас на даче нет жены. Она стала бы кудахтать, действуя ему на нервы. Чего доброго, еще заподозрила бы черт знает в чем. А он – мужчина, причем самый настоящий! У него пятеро детей, и четверо из них – мальчики. Вот оно, доказательство! А женскую болтовню и мелочность Гасан Гасанович всегда терпеть не мог. Во все-то они лезут, эти безмозглые создания, все-то им надо обсудить.

Бизнесмен с ненавистью взглянул на валяющуюся на полу тряпку и пнул ее ногой. Он всегда, всю жизнь боялся услышать: «Какой же ты мужчина?», поэтому старался изо всех сил, доказывая окружающим свое право носить это высокое звание. Он боялся оказаться последним, боялся мало заработать, боялся проявить свой страх, показаться слабым, не решался даже детей лишней раз погладить по голове при посторонних. Ведь мужчина, как известно, не имеет права на сантименты и слабости. Сантименты и слабости – удел женщин, а мужчина должен быть жесток и суров... По мере возможности, конечно же.

В дверь позвонили. Гасан Гасанович взглянул на себя в зеркало и метнулся к домофону, втайне надеясь, что это охранник 9-й дачи. Но это оказался Агабек Улубейли.

– Как поживаешь, сосед? – спросил Улубейли, когда они сели за стол на веранде.

– Ничего, ничего, голова только с утра болит, – сказал Гасан Гасанович, старательно подбирая слова. – Наверное, магнитная буря.

– Да-а-а, – произнес сосед.

Хозяин налил гостю чаю, и после небольшой паузы разговор возобновился.

– Послушай, сосед, по-моему, в нашем поселке что-то происходит, – сказал Улубейли.

– Гм-гм.

– Это психотропное оружие.

– Гм-гм.

– Или массовый гипноз.

– Гм-гм.

– Или я схожу с ума.

Гасан Гасанович огляделся, не подслушивает ли их кто, и поманил соседа пальцем. Тот склонился над столом, и бизнесмен сказал громким шепотом:

– Вот что я тебе скажу: главное – продержаться до полуночи, а потом шайтан отстанет от нас и уберется к себе в преисподнюю.

– Ты тоже его видел, Гасан бек?

– Конечно, – сказал Гасан Гасанович и как бы между прочим подумал, что неплохо бы соседу сменить одеколон.

Они покачали головами, обдумали каждый свое и снова заговорщически склонились друг к другу.

– Что ему нужно от нас? – проговорил Улубейли.

– Откуда мне знать, может, крепость нашей веры проверяет, хочет увести нас с пути истинного.

– Как думаешь, о какой такой прошлой жизни он говорил?

– Глупости это все, ерунда! Какая еще прошлая жизнь! – выпалил Гасан Гасанович. – Как ты можешь верить в это!

– Что ты, что ты! – Депутат замахал руками. – Конечно, не верю! Представь, какие слухи обо мне станут распространяться, если кто-нибудь услышит. Скажут, что Агабек Улубейли связался с сектантами. Никто не вспомнит, что я даже дочке не разрешил на йогу ходить. Пусть ходит на тренажеры, как все нормальные люди, а то йога... Кто знает, чем они там занимаются на их йоге, чем нашей молодежи головы забивают.

– Вот-вот, какая еще может быть прошлая жизнь. У всех у нас одна жизнь. Родился, умер – и все. Зачем нужно много жизней? Всевышний и по одной жизни может

вынести человеку приговор. Мы с тобой не безбожники, мы с тобой знаем, что мертвые восстанут только в Судный день.

– Да-да, ты прав, сосед, во всем прав, – неохотно согласился Улубейли. Было видно, что такой вывод его не очень устраивает. – И все-таки, Гасан бек, со всеми сегодня что-то происходит. И с тобой тоже. Я же вижу.

Гасан Гасанович похолодел.

– Ч-что ты видишь?

– Ты на себя не похож.

– На кого же я... п-похож?

– На какого-то другого человека. И я на себя не похож. Никто не похож на себя.

Даже моя жена с утра ни с кем ни разу не поругалась. А мой телохранитель? Человек-гора ведет себя, как овца! Я уже не говорю о других соседях и об испорченных телефонах. Ты видел так называемого короля? Этот проходимец ведет себя так нагло, как будто действительно это его ханство, ходит по домам, какие-то налоги собирает! Я хотел уехать, сбежать, а машина не завелась. Она специально не завелась, точно тебе говорю, сосед. Страшные дела творятся, Гасан бек.

Гасан Гасанович притих. Разговор принимал опасный для него поворот, потому что его женской сущности так и хотелось крикнуть: «А что я знаю!»

– Со мной самим сегодня случилась страшная история, – продолжал тем временем доверительно Улубейли. – Я вдруг начал петь на улице, в толпе. Я ничего не мог поделать, не мог остановиться! Хорошо, твой сосед, охранник с дачи Талята, увел меня оттуда. Тот, кто сегодня заменил меня, был уличным певцом. Я точно это знаю. В прошлой жизни я был уличным певцом! И столько людей это видели... Теперь в соцсетях напишут, что Агабек Улубейли – наркоман и пьяница. Представь, что это значит для моей карьеры! Я же не буду объяснять каждому, что это прошлая жизнь, что сейчас я серьезный человек. Никто мне не поверит! На смех поднимут!

– Как я понимаю тебя, сосед. Я...

Гасан Гасанович плотно сжал челюсти, чтобы не начать рассказывать свою историю. Ему тоже хотелось облегчить душу кому-нибудь. Он даже позавидовал депутату. Для мужчины оказаться женщиной гораздо унижительнее, чем уличным певцом, считал он. В конце концов, человек может зарабатывать на жизнь по-всякому, в том числе распевая песни на улице.

– Не знаю, что тебе сказать, – быстро пробормотал бизнесмен, отведя глаза, – не знаю, сосед. Я в этих вопросах совсем не разбираюсь. Ты бы лучше у кого-нибудь другого спросил. Например, у того самого охранника. Он парень неглупый. – Гасану Гасановичу вдруг пришла в голову трепетная идея. Он чуть не запрыгал от радости. – Хочешь, пойдем прямо сейчас и спросим?..

21

Они подошли к воротам крепости Талята Мамедовича и постучали.

– Что опять случилось? – увидев их, простонал Алик Магеррамов.

Гасан Гасанович посмотрел через его плечо и недовольно поджал губы, потому что эта девица все еще была здесь.

– Мы пришли посоветоваться, – сказал Улубейли.

– Со мной? – удивился парень. – О чем?

– О прошлой жизни. Ты, говорят, хорошо в этом разбираешься.

– Кто говорит?

– Это я порекомендовал, – покашляв, сообщил Гасан Гасанович.

– Но вы же не верите?

– Я – нет, а он...

– Нет-нет, – поспешил оправдаться депутат, – я тоже ни во что такое не верю.

Алик усмехнулся и посторонился, пропуская гостей во двор.

Усадив соседей на диван в беседке, он прислонился к перилам напротив и сложил руки на груди. Нармина не отходила от него ни на шаг.

Гости молчали и переглядывались.

– Чем все это кончится? – спросил, наконец, Улубейли.

– Не знаю, – честно сказал Алик. – Но ничего страшного в этом нет. Это только на один день.

– Так-то так, – вздохнул сосед, – но за этот день я успел испортить свою карьеру и стать посмешищем для всего поселка. А когда видео появится в соцсетях – и для всей страны.

– А, может, и не нужна вам эта карьера? Может, это к лучшему?

– Ну как же... – Улубейли засопел. – Как же не нужна?.. Это дело моей жизни, мое призвание...

– Сбирать зрителей было вашим призванием в прошлой жизни, а в этой, возможно, вы могли бы проявить себя в чем-то другом. Это вы сами должны решить. Простите, что поучаю вас, но вы сами спросили.

– Давай я чай принесу, – предложила Нармина.

Ее не волновали излишества депутата. Ей больше хотелось проверить свою догадку насчет влюбленного бизнесмена, поэтому она пошла на кухню и стала ждать появления «соперницы». Очень скоро в дверях появился бизнесмен.

– Вам что-то нужно, дядя? – невинно спросила она.

Гасан Гасанович солидно покашлял и подошел к ней.

– Ты подруга Алика?

– Да, а что?

– А где твои родители? Они знают, что ты здесь?

«Ого!», – подумала Нармина и взялась за чайник. Такого поворота она не ожидала.

– Простите, но это не ваше дело, дядя.

– Ты такая молодая, а живешь с молодым человеком на чужой даче. Нехорошо, неприлично. И это все на глазах наших жен и детей. Какой пример вы подаете своим поведением? – Гасан Гасанович покачал головой. – Мне бы очень не понравилось, если бы моя дочь так себя вела. Где твои родители? Я хочу поговорить с твоим отцом. И с Аликом мне придется серьезно поговорить.

Нара хотела плеснуть в мужчину кипятком, но это было бы слишком легким мщением. Ударить нужно ниже пояса.

Чай был разлит, и девушка сказала тоном, не предвещающим опасности:

– Вы мне не поможете?

Гасан Гасанович не успел ответить, как в его руках оказались два дымящихся стакана.

– А с кем мне поговорить о том, что вы пристааете к моему парню?

Мужчина крупно вздрогнул и изогнулся, чтобы не выронить стаканы.

– Так вот, – прошипела Нармина, – я знаю про эксперимент и про вас. Я вам сочувствую, но вы, кажется, вошли в роль. Держите себя в руках, тетя. Если будете меня оскорблять, я все расскажу Алику!

«Откуда она знает?» – думал бизнесмен, подходя к беседке на дрожащих ногах. Он лихорадочно вспоминал, не рассказывал ли кому-нибудь о том, что с ним происходит, но не сумел вспомнить.

Алик удивленно взглянул на трясущегося соседа, потом на кусающую губы Нармину. Что это с ними?

Улубейли хотел продолжить прерванную появлением чая речь, но тут за неприступными стенами послышался шум, нарастающий, как раскаты приближающегося грома.

– Что это? – испугался депутат.

– Революция, – сказал Алик. Вспомнил угрозы короля и добавил: – Или война.

22

Это была не война и не революция. Это была Шафига ханым. Соседка кричала и изрыгала проклятия, которые должны были пасть на головы президента, министра внутренних дел, служащих пляжа и растлителей Запада. Одной рукой женщина тащила за собой понурившуюся девочку в красной кепке с Микки-Маусом, а другой подталкивала в спину слабо возмущающегося мужа. За ними следовала толпа. В толпе медленно двигалась полицейская машина, похожая на всплывающую из волн подводную лодку. Люди тоже кричали. Многие были в пляжных костюмах, с полотенцами на головах. Впереди шли те самые рабочие, и даже продавец кукурузы был здесь со своим ведром.

– Что ты делаешь! – кричали в толпе. – Как тебе не стыдно? У твоей внучки дар! Она святая! Дай ей поговорить с людьми. Побойся Бога! Люди, она хочет, чтобы мы платили ей деньги за разговор с ее внучкой. Эй, сколько ты хочешь, старая карга? Шафига обернулась и погрозила толпе кулаком.

– Пусть ваши дети будут клоунами! А я буду жаловаться! Я до президента дойду! Я в Управление мусульман сообщу! И в горотдел – тоже!

– Да что ты несешь, глупая женщина! Дай девочке сказать! Она все знает! Пусть девочка скажет! Ты не имеешь права закрывать ей рот!

Вопросы сыпались градом.

А девочка Гюля смотрела на пыльную дорогу, и тень от козырька кепки накрывала ее лицо. Она словно не слышала шума и криков, все это не касалось ее. Она находилась в своем мире, окруженная его тишиной.

Наконец Гюлечка подняла голову.

– Тихо! Тихо! – зашикали в толпе. – Она хочет что-то сказать!

Наступила относительная тишина.

– Временное проявление счастья и несчастья и их исчезновение в должный срок подобны приходу и уходу зимы и лета, – произнесла Гюля. – Достоин освобождения тот, кто не выводит из равновесия счастье и страдание и кто сохраняет спокойствие и твердость в обоих случаях. Тот, кто идет по этому пути, не знает потерь. – Тишина стала гробовой. – Как человек надевает новые одежды, сбросив старые, так и душа принимает новое тело, оставив старое и бесполезное. Тот, кто родился, обязательно умрет и после смерти обязательно вновь родится.

Девочка закрыла рот и больше не открывала его, сколько ее ни просили. Даже когда бабушка принялась нещадно лупить ее посреди улицы, она не произнесла ни звука.

– Слышали, что она сказала? – заметил Алик. – Между прочим, этому в школе не учат.

– Безобразие, – вздохнул Гасан Гасанович, – какое безобразие...

– Безобразие, что она избивает ребенка, а никто не вмешивается, – сказала Нармина. – Остановите ее кто-нибудь!

Улубейли выдвинулся из ворот.

– Подожди, я умею разговаривать с людьми. Эй, старая ведьма, оставь девочку в покое!

– Правильно! – поддержали люди, и депутат воодушевленно расправил грудь. Шафига поискала глазами кричавшего.

– Аааа, это ты, горлопан? Ты лучше о своих делах позаботься, избранник народа. Я вижу, у тебя в семье демократия. Вон твоя жена, распутница, сбежала с телохранителем. Я их сама видела, с вещами. К магистралу они бежали. Ха-ха-ха!

Улубейли схватился за сердце и стал заваливаться на спину. Алик и Гасан Гасанович подхватили его и втащили во двор. Нармина тем временем схватила девочку Гюлю в охапку, перепрыгнула через порог и захлопнула за собой дверь, в которую тут же забарабанили.

– Ты что? – вскрикнул Алик. – Ее бабка дом подожжет!

– А так она ребенка покалечит. Ты видел ее лицо?

– Ладно, ладно, – проворчал Алик и с опаской поглядел на вздрагивающие ворота.

Улубейли лежал на диване с валидоллом под языком, тихо постанывал и ругался. Гасан Гасанович обмахивал его газетой.

– Я убью ее, я ее убью... – говорил Улубейли – Я должен бежать за ними, догнать, наказать! Опозорила меня, стерва, опозорила перед людьми!

– Не надо никуда бежать, лежите спокойно, – сказал Алик. – Они никуда не уедут сегодня. Вот увидите, они вернуться.

– Пусть вернуться, я им покажу, что значит позорить мое имя. А Мехти-то, щенок неблагодарный! Я его человеком сделал, из грязи вытащил, я его... Крутил роман с моей женой в моем доме... Подлец!

– Спокойно, Мехти тут ни при чем. Это не Мехти, это.... Жак.

– Кто-кто?

– Она сбежала с Жаком, а не с Мехти.

– Моя жена сбежала с иностранцем?! О, я несчастный!

– Послушай, какой такой Жак-Мак? – тихо проговорил Гасан Гасанович. – Зачем ты это придумал? Ему и так плохо.

Бизнесмен наклонился к нему так близко, что Алика передернуло. Он встал и отошел к перилам.

– Я не придумал. В прошлой жизни Мехти был Жаком, и они с вашей женой любили друг друга, но их разлучили. Понятно? Она сама мне рассказала. Из-за эксперимента они узнали друг друга и... Поставьте себя на их место. Гм-гм... В этой жизни они чужие люди, хоть судьба и поселила их рядом. Не стоит ничего предпринимать, потому что завтра они снова станут самими собой. Если вы вмешаетесь, только осложните дело. Не надо поднимать шума. Завтра все снова станут самими собой, и вы, и я, и он. Это же так просто понять!

– А я не понимаю! – приподнявшись, вскричал Улубейли. – Почему она рассказала не мне, а тебе? Я ее муж, я должен знать про ее прошлое, а не какой-то мальчишка!

Нармина взяла Гюлю за руку и повела на кухню. Не стоило ребенку все это слушать.

– Откуда я знаю, почему она рассказала мне. – Алик пожал плечами. – Вот вы тоже ведь ко мне пришли. А я вас приглашал? Наверное, вам она не может довериться, а в такие моменты человеку всегда нужно с кем-то поделиться. У нее на лице написано, как она несчастна, и дело, я думаю, не только в Жаке, но и в вас. Ее душа помнит о большой любви, которой ей очень не хватает в этой жизни. Если бы вы... Нет, об этом не надо. Так вот, скажите, вы бы ей поверили, если бы она рассказала, что любила бедного парня, за которого ее не отдали, а потом ее похитил богатый негодяй, а любимый побоялся ее защитить, и она потеряла его на триста лет? Поверили бы?

Депутат мотнул головой, решительно встал с дивана и направился к воротам.

– Глупости все это, смешные оправдания. Ничего, я покажу ей... тоже триста лет помнить будет!

Он ушел.

– Послушай, а если завтра она не забудет этого... француза, что тогда? – озбоченно произнес Гасан Гасанович.

– Завтра будет видно.

– Сумасшедший дом, – заключил бизнесмен и промокнул лицо платком.
– Да, психушка, – согласился Алик Магеррамов. – Который там час? Семь?
«Еще целых пять часов. Еще много чего может случиться», – подумал Алик, но вслух этого не произнес.

23

Нармина кормила Гюлю бутербродами. Девочка ела молча и покорно, ни от чего не отказывалась и ни к чему не притрагивалась, пока Нармина сама не подкладывала ей что-нибудь вкусненькое на тарелку. Гюлечка была очень напряжена, потому что сюда доносились крики и брань Шафиги ханым.

– Бабушка часто тебя бьет? – спросила Нармина.

– Нет, она никогда меня не бьет. Она только кричит. Я привыкла.

– Хочешь пойти к бабушке? Я пойду с тобой, если боишься.

– Не боюсь.

– А все эти люди, что шли за вами, они кто?

– Они просто увидели, что мы разговариваем, и подошли. Я ничего плохого не делала. Люди спрашивали, а я отвечала. Разве это плохо? Бабушка напрасно так сердится. Она не понимает.

– О чем спрашивают у тебя люди, если не секрет?

– О разном. У людей много вопросов. Они так всего боятся. Они все время чего-то хотят и все время чего-то боятся. Но больше всего они боятся самих себя.

Вошел Алик, выхватил из холодильника бутылку минеральной и снова вышел.

– А чего боишься ты? – неожиданно спросила девочка.

Нара аж вздрогнула. Она заглянула в глубокие глаза девочки и слабо улыбнулась:

– Я боюсь потерять то, что мне еще не принадлежит.

– На свете нет ничего, что принадлежит нам.

– Тогда почему мы так боимся потерь?

– Потому что не ведаем о том, что ничем не владеем.

Нармине стало немного не по себе. Вместо восьмилетнего ребенка она видела перед собой древнего старца. Этот образ всплыл перед глазами, заслоняя круглое детское личико с разбитой губой и растрепанными косичками.

Она зажмурилась и потрясла головой. Старец исчез.

– Ты кто? – спросила Нара и глотнула воды.

– Я тот, кто отвечает на вопросы, – серьезно сказала Гюля. – У тебя есть вопросы?

– Много, но я хочу сама найти ответы.

Девочка прикрыла глаза и посидела так минуты две, после чего удовлетворенно кивнула и снова принялась за еду.

24

– Это я, Нифталиев!

Алик не хотел открывать. Соседи разошлись, девочку отвели к бабушке с дедушкой, и они с Нарминой, наконец, остались одни. Он никого не хотел видеть, и меньше всего Нифталиева. Его мучили тревожные предчувствия, угрозы старика никак не выходили из головы.

Но он все-таки открыл.

– Чего тебе?

– У Имановых свадьба, – затравленно произнес блогер, – музыкантов из ресторана пригласили.

– Ну и что?

– Вот. – Нифталиев протянул ему конверт и стал быстро уходить, оглядываясь, словно в конверте была бомба.

Но там было всего лишь приглашение на свадьбу. Он показал открытку Нармине. Девушка побледнела.

– Ты ведь не пойдешь туда? Они что-то задумали. Это совершенно ясно.

– Задумали, – кивнул Алик. – Почему они прислали этого болвана?

– Какая разница! Посмотри – десятый час. Совсем мало осталось.

– Да, конечно.

– И не открывай больше никому.

– Не открою. Давай поедим?

– Давай! – обрадовалась Нара.

Вкусная еда, как правило, отвлекает от тревожных мыслей, и они болтали о том, о сем, пока Алик не спросил:

– Как ты думаешь, почему нельзя было, чтобы эксперимент закончился хорошо? Зачем он вообще был нужен? Чтобы показать людям, что они – неисправимые уроды без мозгов?

Нармина помрачнела. Она поняла, что все ее усилия бесполезны, и украдкой посмотрела на часы.

– Я не понимаю, – продолжал Алик, – почему все так паршиво. Ведь могло же так быть, чтобы мы бросились друг другу в объятия, побратались. Или не могло?

– Могло, – сказала Нармина.

– Почему же не стало?

– Не знаю. Наверное, оттого, что мы все, как говорит маленькая Гюля, все время чего-то хотим и все время чего-то боимся. Нам некогда думать.

– Хм...

– Сегодня все получили возможность подумать. Именно поэтому, я уверена, вас предупредили об эксперименте. Ведь подопытных мышей не предупреждают об опыте. А этот эксперимент – совсем другое дело. Некто хочет проверить не рефлексы, а способность к сознательной деятельности. Посмотри, тут даже особенно напрягаться не нужно, по каждому случаю все совершенно ясно.

– Так-так, интересно, что же тебе ясно? По каждому случаю, пожалуйста.

Нармина улыбнулась.

– Я могу говорить только о твоих соседях, а в поселке несколько сот жителей.

– И это немало.

– Итак, по поводу тебя я уже все сказала. С депутатом тоже все ясно. Страсть к произношению речей на площадях при отсутствии политического таланта идет из прошлого. С его женой и телохранителем тоже нет вопросов. Та-а-ак... Насчет Гасановича у меня вообще не осталось никаких сомнений. Признаюсь, мы с ним тут на кухне поцапались из-за тебя. Он хотел убрать меня с дороги. Да-да, правда-правда. Он применил запрещенный прием, и я в долгу не осталась. А потом ругала себя за то, что не сдержалась. Это же маразм, если посмотреть со стороны. Я думаю, голубые – это те, кто в прошлом были женщинами, но не до конца расстались со своим прошлым.

– Ну, ты даешь, – сказал Алик.

– Девочка Гюля – дело другое. Она еще маленькая, у нее все впереди. Если в ней воплотился мудрец и учитель, то за нее я не беспокоилась бы. С королем тоже ясно. Ты сам видишь, что это за король, неудивительно, что в этой жизни он жалкий побирушка. Нам остается только радоваться, что у него все в прошлом. Страшный человек. Насчет его свиты ничего сказать не могу, но каждый из них, видимо, наследил в прошлом. А об утопленнике даже не стоит говорить. Пока он сам не почувствует себя человеком, никто не будет видеть в нем человека. И еще одно наблюдение.

– Какое же?
– Ты заметил, что некоторые либо отключились совсем, либо не включились вообще?
– Само собой.
– Это оттого, что их дела совсем плохи. Эти индивидуумы завтра ничего не вспомнят об эксперименте. Им еще рано исправляться. Придется прожить ни одну жизнь, чтобы начались изменения. Это как закрытый гороскоп.
– Это еще что?
– Это – гороскоп человека с закрытой судьбой, из которой нет никакого выхода. Он бьется изо всех сил, чтобы добиться чего-то, но ничего не выходит. Это страшно, но так бывает. Мне один знакомый астролог рассказывал. Он говорит, что за много лет ему только дважды попадались люди с пожизненным сроком, и оба раза он болел после работы с ними.
– Черт возьми... – Алик прищурился и побарабанил пальцами по столу, внимательно разглядывая сидящую напротив девушку. – Какая же ты умная.
– Это плохо? – просто спросила Нара.
– Не знаю. Я с умными девушками как-то не имел дел.
– Ну что ж, когда-нибудь надо начинать.
– Надо. Можно прямо сейчас.
– Хорошая идея, – сказала девушка.
– Ты правда не против?
– Не против чего?
– Ну... – Алик смешался, – ну...
Нармина засмеялась.
В это время в ворота снова постучали.
Это был Улубейли. Он тяжело дышал, волосы стояли дыбом.
– Сынок, помоги... – прохрипел сосед.
Алик похлодел.
– Они собираются казнить Севду за измену! Я сам виноват, поднял шум, народ собрал, хотел наказать негодницу... Зря я тебя не послушал, сынок, зря... Я же не знал, чем это кончится! Их нашли на стройке. Они там прятались. Мехти, щенок, сбегал, бросил ее, трус паршивый. Я пришел за ней с милиционером, а нас избили и выгнали. Участковому голову проломили, машине его покрышки прокололи. – Улубейли неожиданно грохнулся на колени. – Помоги! Умоляю, сынок, придумай что-нибудь! В этом сумасшедшем доме мне не к кому больше обратиться!
Алик молча захлопнул ворота.
Нармина стояла у него за спиной, белая, как мел.
– Я тебя не пущу.
– Если я не пойду, то завтра всё забуду, как Иманов, и завтра ничего для меня не изменится. А я так не хочу. Я хочу, чтобы моя жизнь изменилась. Ты сама все понимаешь...
– Я тебя не отпущу!

25

Улубейли все еще был за дверью.
– Где участковый? – спросил Алик.
Сосед посторонился, и Алик увидел Самандарова с перевязанной женским платком головой. На ткани проступало кровавое пятно. Усы стояли торчком. Атакиши Мехралиевич топтался на месте и мял в руках фуражку.
– Начальник, вы должны поклясться, что бы я ни сделал, мне за это ничего не будет.

Самандаров захлопал круглыми глазами и ткнул в Алика пальцем.

– Да ты у меня в изоляторе сидел!

– Не важно. Вы слышали, что я сказал?

– А что ты собираешься сделать?

– Не знаю. Пока не знаю. Но что бы я ни сделал, вы будете делать вид, что ничего не видели и не слышали. Даете слово?

– Да, да! – вмешался Улубейли. – Он дает слово! Дает!

– Хорошо.

Алик быстро сбегал в дом и вернулся, прихватив куртку.

На этот раз он запер ворота по всем правилам, на все замки, потому что не знал, когда вернется и вернется ли вообще. Нармину он все-таки взял с собой. Оставлять ее в доме Таята было опасно. Мало ли что.

– Может, оставить девушку у соседей? – предложил участковый.

Но Алик не мог оставить свою девушку у посторонних людей. После полуночи все изменится, и ей будет трудно объяснить тому же бизнесмену, что она делает в его доме. Если его, Алика, не окажется рядом, ей грозят большие неприятности. Лучше поручить Нару полицейскому, не попавшему под эксперимент. Так будет надежнее. Они оба могут покинуть этот сумасшедший дом хоть сейчас. Да, правильно, участковый проводит ее к тетушкам.

– Скорее, умоляю! – взмолился депутат.

26

Улица была непривычно темна.

Обычно над воротами дач горели фонари, а некоторые виллы вообще утопали в иллюминации. Но сейчас поселок притих и потушил огни, будто объявили воздушную тревогу.

Было тихо. В душной темноте трещали сверчки, изредка со стороны магистрали доносилось шуршание автомобилей.

Они прошли до поворота и свернули к супермаркету. Магазин тоже был закрыт, хотя обычно работал до поздней ночи. Они шли молча, плечом к плечу: Алик, Самандаров и Улубейли. Нармина держалась за Алика обеими руками и испуганно оглядывалась.

Дача Иманова была ярко освещена. Со двора доносились музыка и крики. Вкусно пахло шашлыком. Неподалеку стояла, накренившись на правый бок, полицейская машина. При виде ее у Самандарова вырвался стон.

Иманов стоял в дверях неподвижно, как страж. Его римский нос шевелился, словно академик принохивался к чему-то.

Алик протянул приглашение.

– Нас пригласили.

– Приглашение только на одного, – пробасил академик.

Алик вошел один. Ему не было страшно. Страшно бывает сделать первый шаг, а дальше дорога уже не кажется такой уж непреодолимой. В общем-то он был готов. Это – его испытание. Он хотел пройти его и не пожалеть, как в прошлый раз. Тогда, если повезет выжить, завтра все будет по-другому.

Двор заливала иллюминация, на двух мангалах жарили шашлыки из мяса и овощей, жир с шипением стекал на угли. За длинным столом сидели многочисленные гости. Расположившиеся на веранде музыканты старательно отработывали полученные деньги, но выглядели очень напуганными. Тамада, он же певец, тоже шутил через силу. Наверное, чувствовал неестественность происходящего. Слишком уж красива была невеста и слишком уж старый жених походил на известного в округе бродягу.

Король сразу заметил его и широким жестом пригласил сесть рядом. Алик сел. Напротив виновато улыбался Нифталиев. Алик уничтожающе взглянул на него и отвернулся, сразу встретившись взглядом с Зарой. Невеста послала ему обворожительную улыбку, от которой ему стало жарко.

Среди приглашенных он обнаружил Шафигу с мужем. Эти двое активно жевали, придвигая к себе блюда с угощениями и громко обсуждая какую-то прошлогоднюю свадьбу. Неподалеку сидел и Гасан Гасанович.

«Какого черта бизнесмен тут делает?» – подумал Алик. Да, они с Имановым, вроде, приятели, но не сегодня же...

Гасан Гасанович аккуратно кушал, держа куриную ножку двумя пальцами, и, отставив мизинец, откусывал от нее по маленькому кусочку. сосед помахал ему ручкой, и Алика передернуло.

Остальных гостей он не знал или же просто пару раз видел на пляже.

– Я знал, что ты примешь мое приглашение, – сказал старик. – Где же твое войско? Ты пришел без войска?

– Я сам свое войско, – выдал Алик.

Перед ним поставили тарелку с горой шашлыка и завернутым в лаваш люля-кебабом. От запаха жареного мяса закружилась голова. «Еще целый час», – подумал Алик и сглотнул слюну.

– Зачем ты пришел? – спросил король и сам же ответил. – Я знаю, зачем ты здесь. Ты пришел восстанавливать справедливость. Это всегда происходит одинаково глупо и предсказуемо. Сколько веков живу на свете, все время одно и то же. И когда это, наконец, закончится? Когда этот мир поуменеет?

Алик сидел, не шевелясь. «Веков?.. Каких веков?»

А старик тем временем продолжал, медленно жуя:

– Я всегда заранее знаю, что произойдет. Я только увидел тебя, а уже знал, что ты придешь ко мне, глупыш. Очень трудно иметь дело с людьми, когда так хорошо в них разбираешься. Ты ведь ждешь завтрашнего дня? Не так ли? Ты лезешь из кожи и рискуешь ради этого завтра. А завтра не будет. Не жди. Не бывает вчера, сегодня или завтра. Время – это один непрерывный поток, река, из которой не выплыть на берег. Она будет нести тебя, сколько бы ты ни трепыхался. Ты есть то, что ты есть, и не надейся это изменить. Люди таковы, какова их сущность, которая не зависит ни от прошлого, ни от будущего. Все останется, как было, малыш, поэтому ешь свое мясо и не думай о печальном.

Подошел Иманов и сообщил, что музыканты собираются уходить. Им оплачено до одиннадцати часов вечера, и они не хотят играть бесплатно.

– Пусть играют, если не хотят, чтобы им отрубили руки, – сказал король.

Иманов отошел.

– Так ты... ты понимаешь, что ты не король? – Алик был потрясен. – Ты знаешь, что все это не на самом деле?

– Это все на самом деле, – холодно отрезал старик. – Посмотри вокруг себя. Люди едят настоящее мясо, и музыка настоящая, и коньяк. Только ты тут не на самом деле. Только у тебя ничего не останется от сегодняшнего дня. Они все наедятся, и приятная тяжесть в желудке будет с ними до завтра. А у тебя не останется даже этого. Ты слишком много беспокоишься о прошлом. Лучше бы задумался о настоящем.

– Так ты знаешь об эксперименте и сознательно делаешь все эти ужасные вещи?! Ну, знаешь... Ты еще хуже, чем я думал.

Король невозмутимо кивнул.

– Кто знает, что прошлое, а что настоящее? Надо пользоваться тем, что дается в данный момент времени. В данный момент времени все знают, что я – король. Я всегда им был, им и останусь, просто эта чернь позабудет об этом. Я хочу изменить

это правило раз и навсегда. Как думаешь, у меня получится? Я хочу, чтобы с завтрашнего дня все было по-другому, хотя бы у этих людей. Я хочу привязать их к настоящему «я».

– Да, трудная у тебя жизнь, дядя, – сказал Алик с усмешкой. – Трудно быть королем, когда все вокруг видят в тебе бродягу. Как же ты это выносишь?

– Это все не столь важно. Я знаю, кто я, вот что главное. И они знают. Посмотри на их лица. Видишь? Разве такое может появиться вдруг и потом исчезнуть? Это в них живет, и оно останется с ними. Они не смогут теперь этого забыть. А что касается бродяги... – Король ухмыльнулся. – Я стар, мне не так уж много осталось существовать в этом теле. Хоть тебе и кажется, что я живу, как свинья, но на самом деле это не так. Просто в этой жизни я выбрал свободу, мой мальчик. Иногда необходимо немного отдохнуть от великих дел.

Алик рассмеялся.

– Какая чушь! Ты что же, дядя, хочешь сказать, что сам выбрал свою судьбу? Видно, не богатый у тебя был выбор. Ты мог бы отдохнуть от великих дел в собственном дворце где-нибудь на островах среди пальм и попугаев. Нет у человека никакого выбора. Куда его поместят, там он и будет тянуть лямку.

– Ты думаешь? – Старик сощурился. – Ты просто все забыл.

– Что я забыл?

– Хотя нет, ты не забыл, ты просто не знал. А теперь знаешь. И постарайся не забыть. Когда будешь умирать, думай об этом и направляй себя. Если, конечно, хочешь выбраться из болота. Лучше начинай думать прямо сейчас. Да, ты, конечно, молод, но кто знает, кто знает... Никогда не рано начинать думать о смерти. Жизнь может окончиться в самый неожиданный момент, и можно не успеть выбрать нужную дорогу.

– Ага, я вижу по тебе – ты очень правильно ее выбрал, дядя.

– Я не сказал «правильную», я сказал «нужную». – Старик тонко улыбнулся. – Я прожил бурную жизнь, я видел смерть своих врагов. В моих ушах до сих пор звучат их предсмертные вопли. Эти звуки оживляют мою память. Я прожил много жизней, и я все помню.

– Не морочь мне голову, – огрызнулся Алик, – человек не может помнить свои прежние жизни.

– Это не многим дано. Согласен. Это дано только избранным и могучим... Тебе смешно? Что ж, можешь смеяться. Ты смеешься, потому что ничего не знаешь. Видишь этих людей? Думаешь, они сумасшедшие? Нет. Просто они помнят меня, потому что помнят свой страх. Они всегда вспоминают меня, поэтому и следуют за мной, из жизни в жизнь. Я не позволяю себя забывать. Теперь и ты не сможешь меня забыть... мой мальчик.

Король похлопал его по щеке, и Алика снова прошиб холодный пот.

– Нет, дядя, ты ошибаешься. Я очень хорошо все знаю, поэтому скажу тебе без философии, самыми простыми словами: через час... нет, через сорок пять минут тебя отсюда погонят мокрым веником. Вон тем, который стоит у забора. Понял?

Лицо старика окаменело. Двигались только губы.

– Значит, у меня еще есть сорок пять минут? Что ж...

Король поискал кого-то глазами и подозвал пальцем толстого пытящего мужчину. Без лишних слов он указал на прыщеватого юнца, с которым кокетничала невеста, пользующаяся тем, что жених занят с гостем. Через мгновение парня вытащили из-за стола и потащили в гараж. Из темноты послышались глухие вопли.

Алик дернулся было со своего места, но король ухватил его за запястье.

– Не беспокойся, с ним ничего страшного не случится. Подумай лучше о себе. И покушай, а то остывает все...

Нара, участковый и Улубейли ждали Алика в полицейской машине. На улице было слишком много комаров.

– Что он собирается сделать? – задумчиво произнес Самандаров. – Надеюсь, он никого не убьет?

– Если убьет – правильно сделает, – прокашлял Улубейли.

– Вот шли бы и сами убивали, – рявкнула на него Нармина. – Это ваша жена. С какой стати Алик должен рисковать, а потом еще в тюрьму садиться? – Улубейли недоволено покосился на нее. Но девушка была беспощадна. – Вы все – трусы, – сказала она. – Взрослые здоровые мужчины пустили вперед хромого парня, чтобы он решал ваши проблемы!

– Молчи, девчонка, – разозлился Улубейли и грозно развернулся. – Как ты смеешь нам...

– Смею! Что вы тут расселись? Делайте что-нибудь, шевелитесь, трусы! Вашу жену собираются казнить, а вы тут сидите и рассуждаете. Тоже мне, мужчина!

– Прикуси язык! Сама-то ты кто такая? Что тут делаешь на ночь глядя? Порядочные девушки давно дома сидят и телевизор смотрят. Так что лучше помолчи, а то заявлю, куда следует...

– Хватит, девушка права, – оборвал участковый и стал рассуждать: – Парень хромым, он даже убежать не сумеет, если что. Только я ума не приложу, что нам делать. Если бы нас пропустили внутрь, я бы что-нибудь придумал, а так что я могу сделать? Их там много, а нас только двое. Ты не подумай, что я трус. Никто не может назвать Самандарова трусом. И это неправда, что я занимаюсь не своим делом. Неправда!... Гм-гм. Нет, я не трус, я просто рассуждаю. Вызвать подмогу не могу – связи нет, оружия при мне тоже нет, машина испорчена. Можно пойти пешком до магистрала и поймать какую-нибудь машину, но тогда я не успею до полуночи и...

Самандаров замолк. Он не хотел, чтобы кто-то подумал, будто он, представитель закона, верит во все эти сказки про эксперимент.

Они посидели молча. Снаружи продолжала греметь музыка, и Нара вдруг услышала, что Улубейли тихонько мурлычет что-то себе под нос и постукивает в такт песне ладонью по колену. Вроде ерунда, но ей стало страшно.

– Что с вами? – спросила она.

– А? Ничего. Я просто пою.

– Нашел время петь, – проворчал Самандаров. – Думать надо, а не петь.

Улубейли сильно сглотнул, держась за горло, повернул к ним лицо и прохрипел:

– Это не я, это он!

Не выдержав, он распахнул дверцу, выбрался из машины и запел во весь голос.

– Началось, – сказала Нармина.

– Что началось?

– В прошлой жизни он был уличным певцом.

– Ы? – произнес Атакиши Мехралиевич и уставился на поющего Улубейли.

– Потом я вам все объясню. А сейчас я пойду помогать Алику. А вы как хотите.

– Подожди, не торопись. Я ведь не трус, честно говорю, я на самом деле не знаю, что делать.

– Зато я знаю.

Нармина резко распахнула дверцу и вышла из машины. Атакиши Мехралиевич неохотно последовал за ней.

Улубейли бродил по темной улице взад-вперед, размахивал руками и закидывал голову в творческом экстазе. Он разошелся вовсю, фальшиво распевая популярную песню.

Из окон и дверей соседних дач начали выглядывать люди. Кто-то засмеялся. Кто-то бросил на асфальт монету, и певец картинно поклонился.

– Вай-вай, смотри, что творится с человеком... – Участковый шумно вздохнул. – И зачем я сегодня поехал на базар? Надо было подождать до завтра.

– Мы перелезем через забор с задней стороны дома, – решительно сказала Нара, не обращая внимания на его вздохи. – Мы с вами не попали под эксперимент, поэтому можем действовать.

Самандаров поправил повязку на голове и болезненно поморщился.

– Да? Какой сегодня плохой день – с утра выслушиваю женские советы. То пи-галица поучает, то...

28

Забор был довольно высоким и без малейшего изъяна. Некуда было упереться ногой, чтобы начать подъем. Самандаров пыхтел, ощупывая отштукатуренную кладку распятыми ладонями. В темноте приходилось действовать на ощупь.

– Стойте, – шепнула Нармина. – Я знаю, что делать.

Атакиши Мехралиевич весь превратился в слух. Он уже смирился с тем, что командует операцией не он.

– Вы поможете мне подняться, и я сама перелезу.

– Одна? Туда?

– Вы туда не подниметесь, дядя. И от вас слишком много шума.

Самандаров вздохнул и подставил сцепленные руки. Нара взлетела до самого неба и схватилась за край забора, ободрав при этом ладони.

По ту сторону забора царил полумрак. Свет падал только из окон дома, высвечивая сухой виноградник и гору стройматериалов. Под стеной валялась масса барахла: какие-то железки, гнилые доски, сломанные качели, и Нармине пришлось проползти дальше, чтобы спрыгнуть вниз. Она приземлилась на мешок с цементом. Это было ужасно, но все же лучше, чем на битый кирпич или моток колючей проволоки.

В первую очередь Нармина осмотрела местность и выбрала путь для отступления. Отлично. Старая газовая плита была тут очень кстати. Теперь нужно чем-нибудь вооружиться – и порядок.

Она подобрала ржавую кочергу, отряхнулась и осторожно приблизилась к освещенному окну. От волнения кочерга плясала в ее руке.

Окно было затянуто сеткой от комаров, сквозь которую Нармина разглядела жену политика, привязанную к стулу посреди комнаты. Женщина сидела неподвижно и бессмысленным взглядом смотрела в стену. Казалось, она находилась где-то далеко отсюда, и Нара догадывалась, где именно. Она сама была женщиной и прекрасно ее понимала. Что есть опасность и смерть по сравнению с предательством любимого, которого, к тому же, ждала триста лет...

Кроме жены Улубейли, в комнате никого не было.

Нара решила начать с освобождения Севды. Если она будет свободна, это облегчит Алику задачу. Останется только как-то дать ему знать, что проблема решена, и тогда он придумает, как уйти оттуда.

Она осторожно подергала раму и приоткрыла окно. Жена политика медленно повернула голову. В ее взгляде мелькнул страх.

– Севда ханым, не бойтесь, – тихо сказала Нара, отдирая от гвоздей сетку, – я сейчас вас освобожу. Только тихо, не шумите.

Нармина содрала сетку полностью и перелезла через подоконник.

– Кто ты, девочка? – почти шепотом промолвила Севда. – Я тебя не знаю.

– Я подруга Алика, охранника с 9-й дачи.

Нара отложила кочергу и принялась за веревки. Жена политика апатично наблюдала за ней.

– Зачем ты это делаешь? Я не хочу жить...

– Я знаю, но сейчас лучше уйти.

– Ничего ты не знаешь.

– Знаю. Я знаю, что он опять вас предал и сбежал, бросив в беде. Но это в данном случае не трагедия. Наоборот, очень хорошо, что так получилось.

Севда немного ожила.

– Почему?

– Потому что теперь вы в нем окончательно разочаруетесь и не будете его ждать еще триста лет.

– Что?..

– Все ваши проблемы из-за него, а теперь ваша судьба изменится. Вот увидите. Хорошо, что вы с ним снова встретились и он вновь показал свое истинное лицо. Теперь у вас есть возможность подумать. Вы должны решить этот вопрос для себя раз и навсегда. Подумайте о своей жизни. Выкиньте из головы этого не достойного вас труса и обратите внимание на своего мужа... например. Он, конечно, не идеал, но он сражался за вас, даже синяк получил. И сейчас он там, ждет вас, просто с ним небольшая неприятность... Подсознательно вы ненавидите его, помня о том, что случилось триста лет назад, но это не он разлучил вас с любимым. Это сделал совсем другой человек, который был вашим мужем в прошлой жизни. А вот ваш любимый как был подлецом, так им и остался. У него тоже был шанс, но он его упустил. Пусть сам разбирается. Думаю, не стоит страдать о нем до следующей жизни.

– О чем ты говоришь? – пролепетала женщина. – Я ничего не понимаю...

– Прекрасно понимаете. Ну все, готово, можете вставать.

Севда не шевелилась. Она смотрела на незнакомую девушку, губы ее дрожали.

– Да как ты можешь... у меня дочь – твоя ровесница...

– До полуночи это не имеет значения. Вставайте, пока сюда кто-нибудь не вошел!

Жена политика еще несколько секунд неподвижно смотрела на нее, а потом вскочила и рванулась к окну.

Они перебрались через подоконник, и Нармина трясущимися руками прикрыла ставни.

– Сейчас мы с вами будем лезть на стену. На той стороне нас ждут участковый инспектор и ваш муж. – Нара подвела оторопевшую женщину к старой плите. – Вот смотрите, поднимаетесь на плиту, опираетесь на качели и – на те кирпичи, а там...

– Постой! – сказала Севда, задыхаясь от волнения. – Я не смогу этого сделать!

– Сможете!

– Да нет, я не сумею... Кирпичи... Ой, нет, ты иди вперед, а я посмотрю, как надо.

– Некогда спорить! Лезьте! Мне еще Алика выручать.

– Алика? А что с ним?

– Надеюсь, пока ничего. Он здесь, пришел вас спасать. Ваш муж и участковый не смогли ничего сделать и попросили его помощи. Теперь Алик в опасности, а вы тут время теряете на разговоры! Лезьте же!..

Жена депутата оказалась очень неуклюжей, но с помощью Нармины она все же оседлала стену и заохала, хватаясь за ветку дерева.

– Как высоко! Ой, какой позор – я в юбке, а внизу мужчина!

– Прыгайте! Прыгайте скорее! Полицейский вас поймает!

– Я не могу! Нет, нет, я не могу!

Нармина зарычала от злости и толкнула женщину обеими руками. Та, не удержав равновесия, с визгом полетела в объятия полицейского.

Поставив жену Улубейли на ноги, Самандаров помог спуститься Нармине и молча потряс ее руку, выражая свое восхищение.

– Нужно увести ее отсюда, – сказала Нара. – Лучше обойти дом с другой стороны.

– Точно, – глубокомысленно произнес полицейский.

Они так и сделали. Благополучно добравшись до поворота к супермаркету, они остановились.

– Пойдите, приведите ее мужа, – попросила Нармина.

Самандаров отдал честь и заторопился к даче академика. Через минуту он вернулся, ведя под руку продолжающего петь Улубейли.

Увидев жену, политик замолк и перестал моргать.

– Давай отойдем, – шепнул Самандаров.

– А если он ее убьет? – заупрямилась Нармина.

– Он ее муж, пусть сами разбираются.

Нара решила подчиниться. Ладно, они муж и жена, рано или поздно им нужно поговорить и во всем разобраться. Они отошли, но не очень далеко, чтобы успеть прийти на помощь, если таковая понадобится какой-нибудь из сторон.

Севда и Улубейли не двигались. Женщина не показывала своего волнения, стояла с высоко поднятой головой. А мужчина словно оробел, даже стал казаться ниже ростом. Немая сцена затянулась, и Самандаров собрался вмешаться, но мужчина вдруг опустился перед женщиной на колени. Атакиши Мехралиевич аж ахнул.

Улубейли встал на колени и обнял ноги жены.

– Прости меня, – произнес он отчетливо, – прости. Это я во всем виноват. Это я сделал из тебя ведьму. Ты же не была такой, ты была другой...

Улубейли говорил долго, захлебываясь слезами, и сердце Севды, в конце концов, дрогнуло. Губы ее задрожали, и она несмело положила руки на голову мужа. Он сразу затих и прижался к мокрой от его слез юбке жены. Ненадолго вновь воцарилось молчание. А потом муж и жена обнялись и, утирая друг другу слезы, пошли к своему дому, даже не оглянувшись на нездешнюю девушку и участкового.

Самандаров стащил с головы повязку и провел ею по взмокшему лицу.

– Ничего не понимаю.

Нара сказала:

– Теперь все счастливы, кроме меня. Так нечестно.

– Ты туда не пойдешь, – строго предупредил полицейский. – И не спорь.

– Надо предупредить Алика, что казнь отменяется, пока он не начал действовать. У него сегодня трудный день, он очень рискует. Я должна...

– Нет, дочка, теперь моя очередь. – Самандаров покрутил ус и сказал, словно спорил с кем-то: – Это все неправда. Я занимаюсь своим делом. Я докажу, что это мое дело. Докажу!

29

Академик все так же стоял в воротах. Самандаров решительно пошел на него и хотел обойти, но Иманов сделал шаг в сторону и снова оказался перед ним.

– Нельзя, – пробасил хозяин.

– Мне нужно поговорить с одним из гостей, – прорычал участковый, – если нельзя войти, позви его сюда.

– Нельзя.

Самандаров сцепил зубы и отошел на несколько шагов, а потом вдруг развернулся и влетел в грудь Иманова головой. Академика отнесло за ворота. Он повалился и покатился по газону, а участковый с победоносным воплем понесся к месту торжества. Нармина видела это и мысленно поаплодировала полицейскому.

Иманов поднялся с земли и, держась за поясницу, заковылял от ворот. Воспользовавшись этим, Нара юркнула за дверь и спряталась за стволом тутовника.

Тем временем Самандаров подбежал к столу, решительно отпихнул кого-то из гостей, перелез через скамью и плюхнулся рядом с Аликом. Тот онемел от неожиданности.

От волнения пересохло в горле, и Самандаров схватил чей-то бокал и опрокинул его в себя.

– Все, – тихо сообщил он, утирая губы.

– Что «все»? – выдавил Алик.

– Все хорошо, операция отменяется. Она уже дома. Все.

Алик сразу догадался, о чем речь.

– Это вы сделали?

– Нет, это твоя девушка сделала. Просто молодчина.

– Что?! Как вы...

– Потом все узнаешь. Вставай, пошли.

Молчавший до сих пор его величество распорядился принести новому гостю тарелку.

– Хотя ты и не был приглашен, что ж, мы гостям всегда рады, – произнес он елевым голосом, не предвещающим ничего хорошего, и зло посмотрел на бледного от страха Иманова.

– Молчи, авара, с тобой я потом разберусь, – сердито сказал Самандаров.

– Тихо, – шепнул Алик, – спокойно. Мы не сможем сейчас уйти. Давайте просто тянуть время. Мало осталось!

– О чем это вы там шепчетесь? – спросил король.

– Не твое дело, авара!

– Начальник не знает, с чего начать, с курицы или баранины, – объяснил Алик.

– Пусть уж начинает с чего-нибудь, а то не успеет закончить, – рассеянно сказал старик, глядя в сторону.

Алик тоже повернул голову. Все гости, один за другим, стали поворачиваться в сторону дома. На веранде стояла бледная, как мел, жена академика, находившаяся в крайней растерянности. Она разводила руками и что-то мычала.

Король приподнял брови, отвернулся от нее и снова вернулся к еде.

– Как вы это сделали? – спросил он пугающе спокойно.

– Что? – Алик изобразил удивление.

– Так вот почему ты пришел сюда. Ты отвлекал мое внимание, а эти, – он показал вилкой на участкового, – похитили преступницу.

– Да о чем ты говоришь?

– Ты думаешь, это что-то изменит? – продолжал старик. – Все будет так, как задумано. Задумано мной. Никто не может менять моих планов. Здесь достаточно овец, заслуживающих того, чтобы быть принесенными в жертву. Бери любого. Сегодня мой день, и я хочу закончить его по-своему, так, как нужно мне. Я должен оставить свой след в ваших мозгах, а лучшая память – это страх. Твою жертву они завтра даже не вспомнят, а меня будут помнить. Люди забывают добро, но свой страх они не забывают никогда. Они несут его из жизни в жизнь, как бесценное сокровище. – Старик наклонился ближе. – И ты боишься. Я знаю, знаю. Ты боишься смерти, потому что чувствуешь ее дыхание. Она ждет тебя.

– Только попробуй тронуть кого-нибудь, – угрожающе произнес Алик.

Король поморщился.

– Ты не успеешь! – крикнул Алик. На него тут же навалились со спины. Он не смог даже повернуть голову, чтобы взглянуть, кто это.

То же произошло с Самандаровым. Участковый побагровел и замычал.

Старик улыбнулся:

– Ты правда считаешь, что все будет, как в сказке? Пробьет полночь – и волшебство исчезнет? Какой же ты дурачок. Нет, мой мальчик, они могут вообще не проснуться. Именно для этого мне и нужен наглядный пример. И на этот раз ты мне не помешаешь. Но не бойся, это не будешь ты. У тебя другая роль. Я хочу, чтобы ты дожил до утра и увидел все своими глазами. Это будет... – Он приложил палец к губам и сделал вид, что задумался. – Это будет... да хотя бы вот он.

Алик знал, что этим закончится. Вот почему Нифталиеву было позволено сидеть за столом рядом с королем. Несчастный...

Иманов подошел к блогеру и положил тяжелую ладонь ему на плечо. Нифталиев вздрогнул. Кусок мяса выпал у него изо рта.

– Пора, – произнес академик бесстрастно.

Гости начали с тревогой поглядывать в их сторону.

– Пора, – повторил палач. – Время.

Нифталиев медленно поднялся. «Ну же, писатель, сделай что-нибудь, – с отчаянием подумал Алик. – Мало осталось, не успеешь! Давай же, меняй свою жизнь!»

Нифталиев поднял глаза и посмотрел на него. Алик сглотнул. Во взгляде человека было больше недоумения, чем страха. «Почему я?» – спрашивали его глаза.

«Давай же! Торопись! Осталось несколько минут!»

Иманов сделал повелительный жест. Нифталиев покорно отодвинул стул и вышел из-за стола. И тут случилось невероятное. Жалкий человек вдруг выпрямился и со всего маху въехал кулаком в скулу палача. Это был замечательный момент. Столь замечательный, что хотелось прокрутить его назад и просмотреть еще раз, только медленнее, чтобы ничего не упустить.

– Молодец! – завопил Алик.

– Ы? – произнес Самандаров.

Гости перестали есть. Музыка оборвалась.

Со своего места, утирая губы салфеткой, поднялся Гасан Гасанович.

– Господа... – начал он.

– Молчать! – прорычал король. Наступила тишина. – Свадьба окончена, – объявил старик. Седые щетки бровей грозно зашевелились. Он прищурился. – Но никто не расходится, пока я не прикажу. Всем сидеть!

Гости испуганно хлопали глазами.

Алик покосился на часы Самандарова и похолодел. Стрелки показывали две минуты первого! Неужели старик был прав? – мелькнуло в голове. Эксперимент уже две минуты, как окончен, а никто не просыпается. Надо срочно что-то предпринять, пока этого болвана и вправду не казнили. Ведь может же такое случиться? Может! Две минуты назад он еще в этом сомневался, но теперь сомнения улетучились. Он не знал, почему люди не стали самими собой, но одно он понял: эксперимент не закончится в полночь. Эксперимент не закончится, пока не будут исчерпаны все возможности. А, может, он не закончится никогда.

Гости сидели, как парализованные.

Улучив момент, Алик рванулся из объятий наседавшего на него человека и вскочил на стол. Из-за больной ноги получилось не очень ловко, но все-таки получилось.

– Вы что, ничего не вспомнили? – крикнул он. – Это же попрошайка и жулик! Ну, вспомните же эту рожу! Вспомните, это же он ворует еду на пляже и подглядывает в женские раздевалки!

Толстый мужчина хотел было схватить его, но споткнулся и упал лицом в объедки. Алик отскочил и поскользнулся, заехав ногой в салат. Тарелка полетела в невесту. Зара завизжала, когда по ее прекрасному лицу потекли ручьи помидорного сока. Неловко развернувшись, Алик толкнул блюдо с пловом, и оно перевернулось на праздничное платье Шафиги ханым. Ее мужа рис обсыпал с ног до головы.

И началось. Визг, крики, ругань, звон бьющейся посуды. Тарелки с едой летели в гостей и обратно, в ход пошли вилки и шампура. Одни вроде бы ловили хулигана, другие вроде бы пытались им помешать. Но в образовавшейся свалке трудно было что-либо разобрать, и люди дубасили друг друга.

– Я не понимаю! Я ничего не понимаю! – причитал Гасан Гасанович, держась кончиками пальцев за виски и отскакивая от пролетающих в опасной близости помидоров и тарелок. – Что происходит? Что здесь происходит?

Король вначале старался сохранять спокойствие и величественность. Но, в конце концов, не выдержал и он.

– Поймите его и приведите ко мне, – ворчливо приказал старик, грубо дернул за руку невесту и пошел с ней в дом.

Едва он исчез за дверью, музыканты и тамада кинулись со двора, побросав инструменты. Они убегали очень быстро, опасаясь, что их догонят и вернут обратно. Однако сейчас было не до них.

Через несколько минут двор академика было не узнать. Перевернутая мебель, растоптанные клумбы, сломанные розовые кусты, размазанная повсюду еда, хруст битого стекла и фарфора под ногами.

– Держите его! – зычно басил Иманов. – Хватайте!

30

Еще через некоторое время побоище начало стихать. Люди продолжали кидаться табуретками, но на их лицах уже обозначался ужас. Они просыпались и чувствовали то, что должен ощущать человек, очнувшийся в людном месте голым. Они были напуганы, им было невыносимо стыдно. Они возвращали на место стулья, не поднимая глаз, аккуратно ставили на стол посуду, которой собирались запустить в соседа, с отвращением оглядывали свою порванную и выпачканную одежду и развондрили руками.

Гасан Гасанович бродил по аллее с разинутым ртом.

– Ай, Вагиф, брат! – воскликнул он, увидев ковыляющего к крану Иманова. Седые волосы академика стояли дыбом. – Что здесь случилось, сосед? Что мы все тут делаем в такое время, и почему мы в таком виде?

– Не знаю, сосед, ничего не знаю, – промычал Иманов. – Если бы я знал... – Он наклонился над водой и стал умываться.

Из дома послышался жуткий визг. Это кричала Зара.

– Мама! Мамочка! Здесь воры! К нам залезли воры!

– Ваги-и-иф! – завопила жена академика, выбежав из двери. – Скорее, в дом кто-то залез!

Иманов заковылял к веранде, Гасан Гасанович и еще двое мужчин побежали за ним.

Приходя в себя, люди начали расходиться, все еще стараясь не глядеть в глаза друг другу.

Алик и Самандаров, помятые, но довольные, сидели на бордюре клумбы.

– Закончился твой эксперимент? – спросил участковый.

– Угу.

– И они правда ничего не помнят?

– Не-а.

– Не верю, что такое можно забыть, – сказал Самандаров и потрогал шишку на лбу.

– Можно.

– И ты тоже все забыл?

– Нет, я не забыл.

– Как же так получается? Одни забыли, другие – нет.

– Не знаю.

Полицейский покачал головой.

– Сколько лет на службе, а никогда еще такого не видел... И зачем это вообще было нужно, эксперимент этот? Помучили людей, чуть на тот свет не отправили. Эксперимент-е-ент... Эти ученые всегда не тем занимаются, чем надо. Вот ты умный, современный, институт, наверное, кончал. Объясни мне, зачем это было нужно?

Алик пожал плечами. Он так устал за этот день, словно прожил за сутки целую жизнь.

– Ну что, если нет убитых и раненых, то я пошел, – сказал участковый, поднимаясь.

Они вышли со двора.

– Ну, молодой человек, не попадай больше ко мне в изолятор. Веди себя хорошо.

Самандаров дружески похлопал Алика по плечу. Они молча пожали друг другу руки и разошлись.

31

Нармины нигде не было. Алик поискал ее на близлежащих улицах, но девушка исчезла.

Тогда он побрел к даче Тялята, надеясь, что она дожидается его там.

Ее не оказалось и у ворот. Алик постоял немного, оглядываясь. Нара была лучшим из того, что с ним случилось вчера. Она поддерживала его весь этот трудный день, вселяла уверенность и веру в себя. Возможно, благодаря ей он стал тем, кем стал. Где же она?! Он почувствовал, что сейчас разрыдается. Может, ее вообще не было? Может, она была просто частью эксперимента? Пришлица, привидение, материализация его мечты о тепле. Или он тоже что-то забыл? Да, наверное, забыл, ведь так не бывает, чтобы все проснулись, кроме него... Нет, он ничего не забыл. Девушка была. Самандаров тоже говорил о ней. Он ведь помнит Самандарова? Тогда где она? Вдруг с ней что-то случилось на темной улице, пока он решал чужие проблемы?

Алик торопливо пошел обратно к даче академика. Поиски нужно начинать отсюда. Вероятно, она залезла в полицейскую машину, пока его ждала, и заснула. Да, это вариант. Как же он не догадался посмотреть в машине?..

В машине никого не было. Алик взвыл и ударил по капоту кулаками.

Он услышал шорох и обернулся. За высохшим деревом, в темном закутке кто-то стоял.

– Кто там?

Из темноты выдвинулась тень. Тень всхлипывала и вздрагивала. Это была Нара. Алик бросился к девушке и остановился в нерешительности.

– Я думал, что с тобой что-то случилось, – сказал он. – Почему ты не дождалась меня?

– Я испугалась.

– Чего? Этой драки? Не бери в голову, все уже закончилось. Так было нужно. Пришлось, понимаешь?

– Нет, я не испугалась драки. Я побоялась, что ты меня не узнаешь, когда эксперимент закончится, поэтому решила уйти.

– Дурочка, – выдохнул Алик Магеррамов. – Сама меня убеждала, доводы приводила, философствовала...

– Это я для тебя старалась, чтобы поддержать, а сама я боялась ужасно. Если бы ты не узнал меня, я бы сошла с ума.

Нармина тихо заплакала и ткнула носом в его плечо.

- Ну, ладно... – пробормотал Алик, – не надо плакать. Все замечательно. Эксперимент закончился, я жив... Идем к морю, а? Хочешь к морю?
- Я никогда не была у моря ночью, – всхлипнула Нара.
- Вот и отлично.

32

К середине ночи поднялся ветер. Волны с грохотом накатывались на берег, становясь все выше, звездное небо заволочло туманом.

Алик накинул куртку на плечи Нармины и привлек девушку к себе.

- Тебе не холодно?
- Теперь не холодно.
- Хочешь, вернемся домой?
- Нет, давай еще посидим.

Грохот волнующегося моря заполнил весь мир. В лицо летели холодные брызги. Они сидели на перевернутой лодке спасателей, прижавшись друг к другу.

– У тебя будут неприятности? – сказал Алик.

– Да, скорее всего. Я совсем завралась. Родители думают, что я на даче, а тетки – что в городе. Ничего, завтра разберусь как-нибудь. Не убьют же они меня, в конце концов.

– Они тебя любят?

– Конечно.

– Что они сделают, если узнают обо мне?

– Не знаю. Перестанут мне доверять, наверное.

– А если я поеду завтра с тобой и сам поговорю с твоими родителями?

– О чем ты собираешься с ними говорить? Об эксперименте? Они тебя не поймут и не поверят. Только хуже будет.

– Я собираюсь попросить у них твоей руки.

Нармина отпрянула и испуганно расширила глаза.

– Ты не согласна? – нахмурился Алик.

– Я...

– Думаешь, я шучу?

– Я не знаю... А ты меня любишь?

– Да, я тебя люблю. Сам удивляюсь, как быстро все случилось, но я тебя правда люблю.

Нармина думала долго.

– А где мы будем жить? На даче Талята Мамедовича? – спросила она, наконец.

– Зачем? Мы будем жить с моими родителями. Пока.

– А работа? Родители, сам понимаешь, спросят об этом в первую очередь.

– Это – самое сложное, но что-нибудь придумаю. Попрошу Талята помочь. Он дядька не вредный и мой дальний родственник, не откажет. У меня, между прочим, высшее техническое образование.

– Скажи мне еще такую вещь... Извини, что спрашиваю. Ты не хочешь показаться врачам? Не может быть, чтобы с твоей ногой ничего нельзя было сделать.

– Если ты хочешь – покажусь.

– Ну, что ж... тогда я согласна.

– Спасибо.

– Ты не обиделся, что я сначала задала столько вопросов?

– Нет.

– И еще кое-что... Я хочу сказать, что тоже тебя люблю. Очень.

Сердце Алика Магеррамова взлетело под ползущее с севера на юг мрачное небо, пронеслось над ревушим морем и вернулось обратно в грудную клетку.

– Могу я поцеловать свою невесту?

– Можешь...

33

Над воротами телятовской дачи горел яркий фонарь, освещающий двери и часть стены кирпичного цвета.

Алик стал отпирать замки.

– Как хочется спать, – сказала Нара и прижалась к нему. – Я тебя люблю.

Внезапно темноту прорвал ослепительный свет фар, и совсем рядом заскрежетали тормоза.

– Отойди от двери. Быстро! – прорычал Рафик.

Алик сделал шаг в сторону и прикрыл собой Нармину.

– Мамочка.... – прошептала девушка.

Двоюродный брат выглядел как-то странно. Лицо было красным, глаза горели, одежда посерела, будто Рафика вывалили в пыли. Он вышел из машины и, чуть прихрамывая, подошел к ним. Алик заметил, что на этот раз с ним не его приятели, а какие-то незнакомые накачанные парни.

– Знаешь, сколько ты теперь мне должен? – выдавил Рафик. – До конца дней не расплатишься!

– Что случилось? – мрачно произнес Алик, хотя все и так было ясно. – Подписал бумажку?... Ну, извини.

– Извини? Из-за тебя Интигам унизил меня на глазах у всех, опустил, как последнюю... За все эти унижения тебе никогда не расплатиться, братец. Никогда!

Алик молчал и лихорадочно соображал, что двоюродный брат намерен предпринять. Он понимал, что на этот раз проблем не удастся избежать. На этот раз прольется кровь. Вот только чья?

– Сейчас же садитесь в машину оба. И ты, и твоя сучка. Быстро!

– Зачем?

– Поедем к Интигаму. Я обещал, что привезу тебя, живого или мертвого, а Интигам не любит, когда нарушают слово. Ты подвел его, создал ему проблемы. Мало ли, что ты брат его жены. Ему плевать на тебя, и твоей сестре плевать на тебя. Она не дура, понимает, что теряет. Она сама так сказала. Шевелитесь! И ничего не хочу слышать ни про какой эксперимент. Уже скоро три часа ночи, все эксперименты давно закончились.

Рафик подался вперед и вдруг увидел, что в лицо ему смотрит дуло пистолета.

Нара вскрикнула. Накачанные парни вывалились из «Хаммера» и уставились на оружие, открыв рты.

– Т-ты чего?.. – пролепетал родственник, пятясь к машине.

– Ничего. Пошли вон отсюда!

– Тихо, тихо... не надо волноваться...

– Катитесь отсюда, я сказал. Нечего меня пугать. – Алик крепко держал пистолет на вытянутых руках. Он был готов выстрелить в любого, кто приблизится к сжавшейся у него за спиной девушке. – Завтра я сам приеду в город. А теперь – вон отсюда.

– Нет, так не пойдет. Ты так и будешь оставлять меня в дураках? Нет, так не пойдет... А знаешь, что я сделаю? Я подожгу эту дачу. Пусть все сгорит к чертям. Или нет, лучше я подкараулю твою сучку, прослежу за ней и побеседую без тебя. Я не шучу.

– Я тоже не шучу. Я выстрелю, если ты сделаешь хотя бы шаг в ее сторону.

Рафик облизал пересохшие губы.

– Хорошо, мы уйдем. Только ведь этим все не закончится. Ты же понимаешь,

что платить все равно придется. Не сегодня, так завтра. Но придется, братец, Интигам обиды не забывает. Я не уеду отсюда без тебя. Я буду караулить столько, сколько надо, хоть год. Рано или поздно вы отсюда вылезете. Подумай хотя бы о своей красоте. Неужели ты хочешь превратить ее жизнь в ад?

Алик понимал, что двоюродный брат прав.

– Хорошо, – сказал он, – я поеду, только сначала открою дверь.

Он быстро отпер последние замки, втолкнул внутрь упирающуюся Нармину и сунул ей в руку пистолет и связку ключей.

– Держи это при себе, и если кто-то сунется, стреляй, – я возьму все на себя.

Утром уезжай отсюда, лучше прямо в город.

– Я тебя не пущу! – Нармина повисла на нем. – Нет, нет! Не ходи с ними!

– Придется. – Алик поцеловал плачущую девушку. – С прошлым я разобрался, теперь надо разобраться с настоящим. Не плачь, может, все еще закончится хорошо. Ворота с грохотом захлопнулись.

34

Накачанные парни сели с обеих сторон и стиснули его широкими плечами, будто в машине было мало места.

– Зачем ты этим занимаешься? – спросил Алик, стараясь сохранять спокойствие. Но на самом деле у него зуб на зуб не попадал от страха. – У Интигама мало шестерок?

– Зачем я этим занимаюсь? Затем, что я, идиот, ручался за тебя. Хотел помочь тебе, дураку, заработать денег на первый взнос. Я ведь думал, что ты нормальный, а теперь сам влип, – сказал двоюродный брат с обидой в голосе.

«Хаммер» вырулил на дорогу, ведущую к морю, и заскакал по щебенке.

– Выходи, – приказал Рафик.

– А Интигам?

– Успеется. Сначала я сам рассчитаюсь с тобой, а что останется – достанется Интигаму.

«Вот и все», – подумал Алик Магеррамов и сглотнул ком. Надо же – и эта жизнь заканчивается в воде. М-да... В следующий раз надо будет поселиться в пустыне. Как говорил король? Надо выбирать то, что нужно, а не то, что правильно? Ну ничего, в следующий раз он будет умнее и не доведет до этого. Если он снова родится, то не повторит своей ошибки, а будет жить, как все, и умрет своей смертью в преклонном возрасте... Если бы не эксперимент, так бы оно и было. Возможно...

Он почувствовал, как на глазах наворачиваются слезы, и зажмурился.

Его выволокли из машины и стянули запястья скотчем. Море грохотало, заглушая все остальные звуки мира, мелкие ракушки и песок больно впивались в руки и лицо. Фары автомобиля высвечивали клонящийся к земле запретительный знак. В последние минуты жизни Алика Магеррамова природа была неприветлива.

35

Автоматические замки ворот Таята Мамедовича отпирались очень непросто. Нармина потратила уйму времени, прежде чем разобралась в них. Руки тряслись, слезы заливали лицо. Наконец, она выбралась из дома и сразу бросилась к соседней даче.

Она стучала по железной двери кулаками, каблуками, долбила рукояткой пистолета, совершенно забыв, что держит в руках оружие.

– Откройте! Вы должны ему помочь! – кричала Нармина. – Он же помогал вам! Откройте! Его убьют! Помогите!

Во дворах лаяли собаки, на нее кричали, грозили милицией, но Нармина упорно стучала во все двери. Пару раз ей открыли, но только для того, чтобы оскорбить или оттолкнуть.

«Что случилось? – недовольно спросил домофон одной из дач. – Что за безобразия! Три часа ночи!»

Нара узнала голос бизнесмена.

– Помогите! Алика убивают!

«Какого такого Алика? Что тебе нужно?»

– Алика Магеррамова! Вашего соседа!

«Не знаю я никакого Магеррамова. Вызовите полицию, если что-то случилось, и дайте людям спать!»

– Нет, постойте, послушайте! Это охранник с 9-й дачи. Вспомнили?

«Ну и что? При чем тут я?»

– Ну как же... Ему нужна помощь, его хотят убить! Помогите, прошу вас! Вы не можете отказать, он ведь не был вам безразличен!

Домофон отключился. Нармина сползла на землю и горько зарыдала.

А Гасан Гасанович зевнул и с ворчанием направился обратно в спальню. Развелось хулиганья, подумал он и почесал волосатую грудь. И за что только они платят участковому?

Он остановился возле окна. Помочь... Легко сказать. Как же он поможет? Пусть телохранитель Улубейли показывает силу, а у него больная печень. Жаль, конечно, парня, но влезать в чужие разборки ему нет резона. Откуда он знает, что там произошло. Может – за дело. Если случится что, кто будет растить его пятерых детей? Хромой парень сомнительного поведения?

Бизнесмен опустил жалюзи. Нет, надо поступать согласно разуму, а не чувствам. Мужчина должен прежде думать, а потом делать шаг, на то ему и дана голова. Это у женщин эмоции, а у мужчин – мозги...

Головокружение настигло его на самом пороге спальни. Он схватился за косяк, чтобы не упасть. И вдруг нахлынуло, нашло, будто голову окутало туманом. Он почувствовал, что раздваивается. Одна часть его была разумным стареющим мужчиной и хотела забраться побыстрее в постель, а другая – с отчаянной смелостью влюбленной женщины рвалась вон из дома на помощь любимому. Он боролся с раздвоенностью изо всех сил, стараясь впахнуть свое тело в комнату, рычал, хватался за мебель. Но влюбленная женщина уже мчалась к дверям, круша все преграды.

Девушка сидела на земле у ворот и дрожала.

– Это ты стучала?

Девушка подняла опухшие от слез глаза. Гасан Гасанович ахнул, увидев в ее руках пистолет.

– Что это у тебя? Давай это мне, я спрячу. Это опасно.

– Нет, я хочу их убить!

– Только не этим. Мы найдем что-нибудь другое.

Он забрал у девушки пистолет, быстро сбегал в дом, положил оружие в сейф. Затем оделся, порылся в кладовой среди садовых инструментов и выбрал грабли с длинными зубцами. Завершив приготовления, Гасан Гасанович вывел машину из гаража и распахнул ворота.

– Садись!

Нара медлила.

– Садись же скорее! Мы не дадим в обиду нашего Алика. Правильно?

Нармина сглотнула. Она узнала ту самую женщину, с которой поцапалась из-за Алика на кухне. Она вернулась. Но на этот раз Нармина была рада ее возвращению. Они были союзницами. Они вдвоем все сделают и спасут ее... их Алика.

– Правильно...

Рафик потирал кулаки и морщился. Он выместил всю свою злобу и обиду на унизившего его Интигама на двоюродном брате, и теперь ему хотелось уехать отсюда как можно скорее. В нем больше не осталось злости, только усталость и разочарование. Он был разочарован, потому что не получил удовлетворения от акта справедливой мести. Наоборот, на душе стало слякотно, будто он сделал что-то очень и очень нехорошее. Такое с ним было впервые. Помощники бродили вдоль берега, согнувшись, шарили по дну, будто что-то искали.

Рафик почувствовал холодок в животе. Что-то не так, подумал он.

– Эй, что вы там делаете? – окликнул он своих помощников, перекрикивая шторм. – Хватит, тащите его в машину, уезжаем!

Из воды, подталкиваемый волнами, вылез один из накачанных парней.

– Мы его потеряли! – крикнул он.

– Что?.. Как потеряли? – Рафика качнуло. – Как это потеряли?! Вы с ума сошли?!

– Пришла большая волна и... как-то получилось, что я его выпустил, а теперь найти не можем. Темно, ничего не видно!

– Да ты... Немедленно найдите его! Найдите, идиоты! У него же руки связаны, он утонет!

– А разве мы... – неуверенно начал помощник и замолк.

– Нет! Мы не собирались никого убивать! Не собирались!

Помощник виновато пожал плечами и стал пятиться от него.

– Извини, шеф, но я... Я тут ни при чем!

Парень развернулся и побежал в темноту. Увидев это, второй помощник тоже выполз на берег.

– Стойте, уроды! – закричал Рафик, грозя им вслед кулаками. Его душили слезы. – Стойте! Вернитесь! Мы должны его найти!

Он промокнул глаза рукавом майки, но слезы все текли и текли по щекам.

Он беспомощно забегал вдоль берега, звал, кричал, забрался в воду по пояс, но не смог сопротивляться волнам и вернулся. Замерзнув, он влез в машину и заблокировал двери. Нужно было уезжать. Его била дрожь. Руки так тряслись, что он никак не мог вставить ключ. В голове проносились самые жуткие мысли. В какой-то момент он даже подумал, что нужно поднять тревогу, бежать за полицией и спасателями. В конце концов, он может сказать, что они с другом решили искупаться, и тот потерялся. Кто докажет обратное? Сам Алик, если останется жив, не станет ничего рассказывать. Рафик знал двоюродного брата и не сомневался, что тот захочет приберечь месть для себя, а там... Стоп. У него же связаны руки! Как он объяснит полиции, почему у его друга, с которым они приехали искупаться, связаны руки?

Рафик застонал и несколько раз ударился лбом о руль. Один удар пришелся по сигналу, и «Хаммер» загудел, как раненый слон. Одновременно по автомобилю застучали. Рафик вскинул голову и увидел, что один из его помощников бежит вокруг машины и размахивает руками. Его бледное лицо было перекошено.

Рафика охватил неопиcуемый ужас. Он снова вцепился в ключ зажигания, и тут из темноты вылетел автомобиль и затормозил прямо перед его «Хаммером». Но это было не все. Со стороны стоянки, прыгая по барханам, неслась еще одна машина. Ее фары хищно шарили в темноте, и Рафик знал, кого они выискивают. Его!

Он запаниковал и совсем растерялся. Вместо того, чтобы дать газ, он распахнул дверцу и выпрыгнул из машины, намереваясь бежать. Не успел. На него налетел грузный мужчина, схватил за шиворот и пригнул к капоту. Но самым страшным было появление девчонки, подружки двоюродного брата. Она, как сумасшедшая, вцепилась ему в волосы, ее ногти вонзились ему в шею. Рафик заорал не своим голосом.

– Где Алик?! – завопила девчонка. – Где он?! Куда вы его подевали?!
Если бы Рафик знал ответ, непременно бы ответил. Но он не знал, поэтому заплакал.

– Где он?! Где?!

Рафик показал рукой в сторону моря. Девушка отцепилась от него, сделала несколько нетвердых шагов к воде и осела на землю.

– Вы его убили? – злобно спросил мужчина.

– Нет, мы не хотели... так получилось... но, может, он не утонул... мы не нашли... мы не хотели...

В это время подъехала вторая машина. Оттуда вышли двое мужчин и женщина. В одном из мужчин Рафик узнал «певца».

– Это правда? – спросил «певец». – Я слышал, соседа нашего убивают?

– Правда, – кивнул толстяк, – вот этот говорит, что парень в море, но не знает, утонул он или нет.

– Мы тут еще одного видели на дороге, – сказала женщина.

– Девушка говорит, их трое было. Сбежали, черт с ними, – отмахнулся толстяк.

– Надо бы вызвать спасателей. Но где их найдешь среди ночи?

– Надо ехать на платный пляж, – предложила женщина, – там круглосуточное дежурство! Вон, смотрите, в отеле окна горят, и дискотека работает. Слышите?

– Правильно, – сказал «певец». – Мехти, бери машину и езжай. Не говори про убийство, скажи, что человек пошел купаться и не вернулся.

Соседи стали совещаться. Рафик стоял у своего «Хаммера» и ждал. Он сам не знал, чего ждет. О нем позабыли, он мог заскочить в машину и сбежать, но что-то мешало ему это сделать. Ноги словно приросли к земле.

– Ладно, начнем искать сами, – сказал «певец» и начал расстегивать брюки. – Пока они приедут, поздно будет.

37

А в это время Алик Магеррамов выполз на берег и огляделся. Метрах в десяти от него стояли три автомобиля. Их фары ярко освещали большой участок бурлящей воды, в которой двигались люди. До него доносились обрывки фраз, но Алик пока плохо слышал, да и голова пока не соображала, поэтому он пополз к перевернутой лодке спасателей, чтобы укрыться за ней на всякий случай. Разлепившийся от воды скотч болтался на одной руке.

Он заполз за лодку, где ветер не хлестал так больно, и лег на сырой песок. Алик был счастлив. Может, это и показалось бы кому-то странным, но он действительно переживал именно это чувство. Море отпустило его, оставив себе сомнения и боль и не тронув его душу. Наверное, так чувствует себя младенец, только появившийся на свет. Подумав об этом, Алик засмеялся. М-да, не представлял, что быть живым так здорово. Потрясающе! Даже воспоминания о Рафике и его дружках не могли нарушить его счастья. Наверняка, братец сейчас бегаёт по берегу и заламывает руки. Ведь он не хотел его убивать. Конечно, не хотел, просто так получилось. Случайно. На самом деле он хороший. Все очень хорошие. Господи, какие же все хорошие, и как он всех сейчас любит...

Эти мысли Алика немного напугали. Он вдруг подумал, что на самом деле умер, и эти ангельские излияния принадлежат его душе, освобожденной от суеты земной. Как в кино. Он сильно ущипнул себя, дернул за ухо. Больно. Значит, все нормально. Жив.

Он содрал с руки скотч, и ветер унес скрюченную ленту. Все, теперь все будет по-другому, подумал он. Жизнь прекрасна, хотя... Да, надо признать, что очень холодно. И голова что-то кружится. Как бы не потерять сознание... Нет, только не это.

Надо подняться и ползти в поселок. Кто-нибудь да подберет. А может, позвать на помощь тех людей?

Алик снова встал на четвереньки и увидел Нармину. Она сидела на перевернутой лодке к нему спиной, кутаясь в его куртку. Плечи ее вздрагивали, голова была опущена.

Алик не хотел ее пугать, но у него вырвалось:

– Я жив!

Девушка резко обернулась и застыла в этой позе.

– Я жив.

Нармина не двигалась.

– Скотч расклеился, – сказал он и улыбнулся, чтобы как-то вывести ее из ступора. – Представляешь?

Девушка качнулась и схватилась одной рукой за голову.

Алик подтянулся и сел рядом с ней. Она привалилась к его плечу.

– Тебе плохо? – спросил он. – Прости, если напугал. Я не хотел.

Нармина молчала и смотрела на него широко открытыми глазами. Она все еще не оправилась от шока.

– Я думал, что мне конец, – сказал Алик.

Нармина дотронулась рукой до его разбитой губы.

– Пойдем? – предложил он. – Я замерз.

– П-пойдем, – согласилась девушка, – т-только сначала остальным скажем...

– Каким остальным?

– Твоим с-соседям... они т-там тебя сп-пасают...

«Меня?» – удивился Алик. Вот бы никогда не подумал, что кто-то может беспокоиться о нем. Ну, вызвали бы полицию, на крайний случай, а чтобы сами...

Он снова посмотрел в сторону автомобилей, на этот раз внимательнее. Да это «Хаммер» двоюродного брата! – удивился он. А где сам Рафик? Да вот же он, сидит на берегу в страдальческой позе. Ничего себе...

Людей стало больше. Кто-то подкатил на велосипеде. На волнах прыгал быстходный катер. Люди кричали, что-то обсуждали, ныряли. Из воды вышел мужчина в белых трусах. Дожидавшаяся на берегу женщина укутала его полотенцем и поцеловала в лысину. Алик узнал депутата и его жену. Левее от них, тыча в дно ручья гребель, бродил по пояс в воде Гасан Гасанович. Волны толкали бизнесмена, но он упорно продолжал двигаться вдоль берега, будто сапер с миноискателем. Даже Нифталиев был здесь. Он беспрерывно подтягивал длинные трусы и пугливо пробовал воду ногой.

С воплем подкатила «скорая помощь». Появилась и полицейская машина, от туда выскочил Самандаров и сразу стал отдавать распоряжения.

Алик был потрясен и взволнован. Хотелось вскочить и закричать этим людям, что он здесь, что он жив и всех их любит.

– Смотри, – сказала Нармина немного встревоженно. – Посмотри, там кто-то есть.

«Неужели еще не все?» – подумал Алик. Под ложечкой заныло. Он обернулся.

У другого конца перевернутой лодки стояла еле различимая во мраке фигура. Было очень темно, но Алик узнал человека.

Ветер развевал седые лохмы. В руках была растрепанная сумка с пустыми бутылками. Сам старик походил на мумию, но глаза его горели живым огнем. Они были устремлены вдаль, к скрытому во мраке горизонту, где трепетали на ветру паруса ушедших кораблей...

ОЛЕГ НАМАЗОВ

Метафизика денег

Кроме всех игр, есть в мире людей важная игра под названием «их величество Деньги». Сила, магия денег делает одних – послушными рабами, других – тиранами-извергами, преступниками, третьих – азартными накопителями... Неужто не бывает справедливого их распределения даже и в мечтах, даже и в теории... Неужели слова из Св. Писания «Легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное» останутся безжизненным тезисом, отпугивающим от жажды наживы только горсточку набожных христиан и отбрасываемым подавляющим большинством людей, как недостижимый и потому недостойный внимания идеал...

Сказано – «трудно», но не невозможно. Есть еще слова, обращенные именно к богатым, которым проповедано не поголовную раздачу богатства нищим, но то, как правильно и грамотно использовать это богатство соизмеримо с Высшей Справедливостью. Если вспомнить притчу о талантах – это уже не совсем игра.

Деньги – это видимый символ универсальной силы, которая необходима для полноты внешней жизни. По своему происхождению и в истинном своем действии она принадлежит Божественному и, ниспосланная сюда, может быть захвачена невежеством низшей Природы людей, их ложным эго, силами Зла, если хотите, которые пользуются этой силой для собственных нужд, и искажают ее в соответствии со своими целями... Это одна из трех игр, трех сил: власть, богатство, секс, что обладают наибольшей привлекательностью для человеческого эго и для Дьявола.

Когда этими силами-играми злоупотребляют, неверно обращаются, они теряют божественные качества.

Каждый день сплошь и рядом мы видим, что те, кто стремится к богатству или обладает им, – гораздо чаще его рабы, чем владельцы, и трудно поверить, что кому-то удастся полностью избежать негативного влияния, присущего богатству. Фигуры мнят себя игроками.

Как раз по этой причине большинство духовных учений настаивает на полном самоконтроле и необходимости отринуть всякую зависимость от богатства. Некоторые даже устанавливают запрет на деньги и на богатство и провозглашают бедность и нищету единственным условием духовной жизни... Но это ошибка!

Также, стоит ли поддаваться ролевым играм по финансовому росту?

Таким образом, эта сила – богатство – остается во власти сил враждебных. Отвоевать ее для Божественного, которому она принадлежит, и распоряжаться ею должным образом для благородной жизни – вот путь, достойный человека.

И не следует отворачиваться с аскетической брезгливостью от власти денег, от средств, которые она предоставляет, от вещей, которые она приносит с собой. Но и не привязываться к ним и не лелеять в себе дух рабского потакания жажде обладания ими.

Все богатство принадлежит Божественному, и те, кто обладает им, – это доверенные лица, попечители, но не владельцы. Сегодня оно у них, а завтра может оказаться в другом месте. Все зависит от того, как они выполняют свой долг попечителей, имея богатство в своем распоряжении, в каком духе, с каким сознанием и для каких целей они употребляют его. Быть низкочастотным или высокочастотным участником Вселенской Игры – выбор за вами.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Повторная жизнь

Реальная нереальная история

Если б мы точно знали, в кого вселяются души умерших родственников, то каждый из нас кинулся бы искать своих.

Не знаю, откуда в моей голове возникла эта неподтвержденная пока теория... но ведь считают же, будто усопшие наблюдают за нами откуда-то с высоты птичьего полета, или сопровождают нас какое-то время в виде облаков, или воплощаются в кого-то одушевленного, чтобы предостеречь от каких-то ошибок...

Или просто находят нас и идут, сопровождая...

Бред какой-то.

...Маленькая серенькая трясогузка все время забегала вперед, чуть ли не падая мне под ноги, и посматривала блестящими глазками-бусинками. Я нагибалась, протягивала к ней ладонь, но птаха всякий раз отскакивала, словно говоря: нет-нет, вы меня не так поняли! Я всего лишь рада вас видеть и хочу пообщаться, но без рук... Так продолжалось до тех пор, пока я не перешагнула порог кафе.

Общаться... Последнее время это давалось мне непросто. И не только с маленькими и миленькими пичужками. Я стала своеобразным переростком многого – жизненных событий, не важно, своих или чужих, чувств, обид, всевозможных желаний, состраданий к себе и к миру... поэтому с друзьями и подругами у меня тоже была «напряженка». Особенно с теми, кто пытался заглянуть в мою личную жизнь. Пусть даже на уровне «как дела?»

Мало того, что я пережила Третью Мировую. Я пережила еще и отмену правосудия. Не такого, когда тебя судят за кражу миллиардов, а другого, когда судят за то, что ты действуешь другим на нервы своим нищесбродством, не пытаюсь с ним как-то бороться. Этого общество стерпеть ну никак не могло. Никто не имеет права быть бедным в совершенном обществе! Таким просто впрыскивался яд замедленного действия, и они со всем соглашались. Но и у таких имелись свои взгляды на жизнь, своя вера, своя духовная сущность.

В мой организм яд так и не проник, ни с вакциной, ни со страхом перед новыми пандемиями, ни со страхом перед грядущей войной, уже ядерной (помню, как всех заставляли выходить на улицу в противогазах и покупать в аптеках таблетки с йодом). Но ядерной войны так и не случилось. Не сказать, что этот факт как-то облегчил мое существование; так иной раз бывает, когда чего-то долго ждешь, ждешь, пребывая в постоянном напряжении, а этого так и не случается. Хотя в этом есть и свои плюсы – постоянно ожидая чего-то ужасного, люди меняются, становясь добрее и терпимее друг к другу. И чаще улыбаются, несмотря на внутреннее смятение.

Я пережила даже самый сумасбродный, на мой взгляд, закон о «повторной жизни» – официальное признание того или иного человека реинкарнацией другого человека, хоть знаменитого, хоть какого, на выбор.

...Я помню – задолго до всего этого, когда мы сидели за столиком в кафе и ты дожевал сэндвич с рыбой, от которого я великодушно отказалась в твою пользу, и вымолвил:

– Ты никогда не постареешь.

– Я уже старею, – вздохнула я. – Видишь эти пигментные пятна, – я вытянула вперед правую руку. – Еще недавно мои руки были белее лебединого крыла...

– Ты никогда не состаришься, – повторил ты.

– А-а, ты имеешь в виду мою инфантильность, да? Но мы с тобой оба способны на легкомысленные поступки. Ты скажи еще, что я никогда не умру.

– Возможно, что и не умрешь.

– А вот это уже нонсенс. Если б человек не умирал, то и не рождался бы вновь. И ничего бы не рождалось в этом мире, не имея своего конца.

– Скажите пожалуйста! Ты рассуждаешь как философ.

– Вовсе нет, – запротестовала я так, будто слово «философ» было оскорблением. – Ведь все на свете закольцовано, так? Даже Вселенная, которая нам кажется бесконечной, на самом деле смотана в клубок. Мы его просто не можем найти, кончик этой нити...

– В спираль, – поправил ты, ведь ты ж не можешь без того, чтобы не поправлять меня.

– Постой, – спохватилась я, отхлебнула кислый и бледный, цвета обсосанного леденца, апельсиновый сок. – Постой, а что у нас со временем? В таком случае, оно у нас – петля, и каждый вновь рожденный заново повторяет свою жизнь! Это печально, что ни говори. Выходит, если кто-то был в прошлом алканавтом, то и быть ему таким же в своих следующих жизнях. Так, что ли?

– Возможно, ты и права. Спорить не берусь.

– А почему ты вдруг не споришь? – удивилась я. – Ты же всегда со мной споришь! Ты вообще великий спорщик.

– Устал, наверное, – просто ответил ты. – Могу же я хоть раз в жизни устать...

– Можешь, конечно. А от чего ты устал? От меня?

– Не страдай манией величия, – поморщился ты.

Ты и вправду выглядел уставшим, и глаза у тебя были покрасневшие – не то от возни со своими химическими реактивами на работе днем, не то от ночных бдений в Интернете.

– И на кого ты там все время смотришь?

– Ну, китаец сидит, по-китайски говорит, – ответила я. – Может, я хочу китайский язык выучить.

– Сначала французский доучи, – подковырнул ты незамедлительно.

– Манией величия пока что страдаешь ты, – в сердцах сказала я. – Доедай свой бутер и пошли.

– А ты свой сок уже допила?

Обычная пустая болтовня. В тот день нам совершенно некуда было спешить, да и незачем...

Официант в черной майке с логотипом кафе, с густо татуированными руками, улыбнулся мне:

– Вам, как всегда, Эппл пай и капучино в большой чашке?

– Как всегда, – я тоже улыбнулась.

Кажется, моя улыбка вышла еще более неискренней, чем у него, особенно если учесть, что симпатичный официант был, скорее всего, андроидом. В мире, где полно роботов-уборщиков, роботов-ремонтников, роботов-кулинаров, роботов-таксистов и прочих, практически не отличимых от человека, поневоле разучишься быть искренне приветливой. Неожиданно на мой столик опустилась трясогузка. Официант смахнул ее салфеткой:

– Кыш. Совсем обнаглели.

– Я не против, – запоздало возразила я. – Пусть сидела бы.

– Если надо, она вернется. Недавно закупили целую партию.

– Что вы говорите? – вздрогнула я. – Так это не случайно?..

– Нет, не случайно, – безэмоционально сказал парень.

Листья искусственных пальм шелестели под напором вентиляторов. Было всего лишь утро конца ноября; стояла до неприличия теплая погода; несмотря на это, некоторые почему-то облачились в старомодные худы. Чайки топтались на набережной, ожидая подачи. В дальнем углу за столиком веселилась молодежь: два парня и три девушки. Эти были прикинуты по последней моде: в одноразового употребления комбинезоны из металлизированной ткани на голое тело – отголосок последней войны. Поглядывая в нашу сторону, компания о чем-то вполголоса переговаривалась, поминутно хихикая.

– Откуда-то чадит, вы не находите? – заметила я как бы между прочим.

Уходящий было официант приостановился.

– На противоположной стороне ребята барбекю затеяли, – объяснил он.

– Я бы сейчас от чего-нибудь подобного не отказалась.

– Нет проблем, – парень вытянул вперед руку, сделал какое-то движение пальцами, и в воздухе передо мной повисло голографическое меню с перечнем горячих мясных блюд и их изображениями; от некоторых вилась почти натуральный дымок и шел настоящий запах.

– Нет-нет, не сейчас, – поспешно сказала я.

Официант вновь пошевелил пальцами, и меню исчезло.

– Скажите, а вы действительно андро? – я решила завязать разговор с официантом (а то с кем же тут еще?).

– Последняя модель, – он щелкнул себя пальцем по щеке.

– С иностранцами общаться умеете?

– Моя программа предусматривает владение пятьюдесятью языками, включая суахили и кечуа (мне почудилось в его голосе некоторое даже хвастовство).

– О-ля-ля! – я перешла на французский. – Если я приду вечером, у вас найдется для меня свободный столик?

Последние сто лет я как могла коротала свободное время, в том числе и изучала иностранные языки. Но после пятого поняла, что на большее меня не хватит. Проживи я хоть тыщу лет, по-прежнему останусь человеком со среднестатистическими способностями.

– Несомненно, – на чистом французском ответил официант. – А вы всегда приходите одна?

Если б не эlegantность французского языка, вопрос прозвучал бы довольно бестактно.

– *La vida es así*, – ввернула я уже на испанском, пожав плечами (что в переводе означало «Такова жизнь»). – А можно и мне задать несколько некорректный вопрос? – я перешла на итальянский.

– Вы хотите, наверное, узнать насчет сексуальных услуг?

– О, нет-нет, – поспешно сказала я, испугавшись сама не зная чего. – Я просто хотела спросить насчет зарплаты для роботов и... спите ли вы по ночам?

– Стоим в подсобке в «режиме сна», – бесстрастно ответил он, и иди пойми, пошутил или нет.

Я совершенно не разбираюсь в тонкостях рロボпсихологии; надо бы почитать хоть что-нибудь на эту тему.

– А насчет денежных выплат – мы получаем сущий мизер, без вычетов за битую посуду, – продолжал он. – Каждый из нас хочет приобрести и встроить в себя какую-нибудь модную техническую новинку. Но не всегда это удастся. Что-нибудь еще хотите спросить?

Я заметила, что он избегает обращаться ко мне «дама», «госпожа», «леди», «синьорита» и прочее в том же духе; видимо, существуют какие-то правила, чтобы

невзначай не обидеть клиента неверным обращением. Пойди угадай, кто перед тобой: – натуралка, транс, небинар, гермафродит или еще кто; такое, видно, и искусственному интеллекту не под силу.

Хотелось спросить, какие именно модные технические новинки в ходу у андро, но тут от дальнего столика, где сидела молодежь в комбинезонах из металлизированной ткани, донеслось: «Эй, плазма, кати сюда, сколько можно трепаться?»

– Извините, – сказал официант и, выпрямившись, покотил на пятках в их сторону. Похоже, у него были ролики в каблуках.

Ну вот, а я как раз хотела осмелиться спросить насчет сексуальных услуг... Как они его называли? «Плазма»? Первый раз слышу... Из чего же их делают, этих андроидов? Краем уха я слышала, что они такие же белковые, как и мы, их наращивают на искусственные скелеты и нервы на каких-то комбинатах, массовое производство...

И тут произошло нечто совершенно невероятное. Официант, подкатив к дальнему столику, схватил парня, крикнувшего «Плазма!», за шиворот и легко вздернул его на воздух.

– Антон, Антон, ты что?! – заверещал парень. – Я же просто пошутил!

На шум из кафе выбежали еще два официанта и девица в брючном костюме. Один из официантов на бегу выбросил вперед руку с пультом, нажал на кнопку и громко крикнул: «Стоп!» Мой официант отпустил воротник парня, медленно повернулся кругом и так же медленно покотил в сторону кафе. Второй официант из выбежавших устремился к молодежи, на ходу им что-то говоря. Девица приблизилась ко мне.

– С вами все в порядке? – спросила она участливо.

– Со мной-то да, – ответила я, оправившись от изумления. – А вот что с вашим... э-э-э... Антоном? Бунт машин?

Мы оба посмотрели вслед Антону.

– А-а, понимаю вас... У парня особый вид психического расстройства – он считает себя андро.

– Да ну?! Он хвастал, что знает полсотни языков.

– Он и вправду их знает. Чертовски одаренный парень. Кстати, первое место в республике по трехмерному брейк-дансу.

– А его мания работе не мешает?

– Нисколько. Некоторым клиентам даже нравится. Правда, его лучше не сердить. Не обзывать и не фамильярничать. Тогда все оки-доки.

«Он еще и красив чертовски», – сказала я самой себе. Ах, какая жалость!..

– У вас будут какие-нибудь претензии? – спросила девица.

– Если не считать только, что свой кофе я так и не получила...

– Все будет сделано в лучшем виде и со скидкой, – заверила девица.

– Скажите, а вот эти двое, что с вами выскочили... Они?

– Нет, что вы, это люди. У нас в кафе только один андро – я.

...Ты мне как-то сказал: «Жди. И я тебя найду. В каком бы виде я ни предстал перед тобой – это буду я».

А дело было так.

... Я ворвалась в твою лабораторию в полдень, когда на улице было плюс сорок в тени, и с ходу опрокинула в себя воду из графина. Как мне показалось, это была обыкновенная минералка, перелитая в графин из бутылки. Это ты любил – переливать и разливать.

У тебя вытянулось лицо и отвисла челюсть. Несколько секунд ты смотрел на меня, я на тебя. Потом ты захлопнул рот и негромко сказал:

– Ну все, мать. Теперь ты точно меня переживешь...

- Не поняла.
- Сейчас объясню...

Оказалось, что в графине была не минералка. А только что полученный тобою эликсир омоложения и долголетия. Причем предназначенный для нас обоих. А я с маху выпила все то, что следовало поделить пополам. Над получением этого эликсира с очень сложной формулой ты работал несколько десятилетий, чуть ли не со студенческой скамьи. Его надо было очень, очень долго настаивать. Следующая порция омолаживателя, если приготовить его сегодня, будет готова лет через сорок.

Но что сделано – то сделано.

Эффект от принятого снадобья сказался очень скоро и превзошел все ожидания. Сначала исчезли все раздражавшие меня пигментные пятна. Потом я заметила, что седые волосы стали темнеть от корней, что вызвало у меня желание постричься наголо. Новая жизнь – новые волосы, решила я и направилась к своей мастерице.

Веруша, моя парикмахерша, отличалась великодушием и болтливостью. А с головой моей вытворяла порой такое, что я сидела в кресле перед зеркалом зажмурившись, боясь открыть глаза. Но в итоге на голове моей чудесным образом выходило что-то путное. Всякий раз, затягивая на моем горле тесемки обширной простыни, где на сером фоне красовались в полный рост два боксирующих негра, Веруша заводила разговоры о своих многочисленных ухажерах. Она буквально светилась от осознания того, что выглядит **на все сто**. А я думала о том, что в ближайшие десятилетия выглядеть **на все сто** предстоит мне...

Покончив с обсуждением мужиков, мы переходили к домашним животным.

– Тебе обязательно надо завести какого-нибудь кота или кошку, – советовала мне Веруша. – Только настоящих. Тварюшка скрасит твоё одиночество, прибавит тебе забот, да и вообще...

В ответ я лишь кивала с кислой улыбкой.

– А ты, я вижу, хочешь сменить имидж. Запасной аэродром себе завела? – подмигнула мне Веруша в ответ на просьбу постричь налысо. Если б знала моя мастерица, что все мои предполагаемые «запасные аэродромы» уже почили в бозе!..

Да и где теперь она сама, моя Веруша?..

...Я пережила не только тебя. Я пережила наших с тобой общих друзей. Своих подруг. Слава Богу, не присутствуя на их похоронах, так как они к тому времени стали уже бывшими подругами. Я пережила не только свою двоюродную сестру, которую качала на руках, но и ее сына...

Я пережила твою первую (о, Господи!) жену. И вашего с ней сына. И его детей.

Разумеется, пережила я и всех своих котов, попугаев и аквариумных рыбок. К чужим смертям я так и не смогла привыкнуть, поэтому решила больше никого не заводить – ни подруг, ни любовников, ни мужей. Я просто вычеркивала из своей жизни всех подряд, грубо, безжалостно, нисколько не заботясь о последствиях одиночества. Да и одиночества для меня не существовало как такового. В том мире, до которого я дожила, одинок был фактически каждый, причем не осознавая этого. Виртуальная жизнь, свободное перемещение по планете, частая смена партнеров и полов привели к тому, что каждый был сам по себе. И никаких котов, твердо решила я. Хватит без конца погребать четвероногих и хвостатых.

Я пережила и ту, бойкую, которая вечно хвастала своими особенно уж экзотическими турпоездками и вечно чуть ли не тыкала мне в лицо стереоснимки особенно уж экзотических блюд, подаваемых в тамошних ресторанах... Иногда я представляю себе (безо всякой издевки), как она смиренно лежит прахом в урне и никуда больше не ездит...

Я не испытываю при этом никакого злорадства, как не испытываю, в общем-то, и жалости. И не только потому, что от чувств давно уже ничего не осталось.

Отныне по свету путешествовала я сама. Много, легкомысленно, безрассудно и порой бесцельно. Почти всегда в гордом одиночестве. Не известно для чего (и для кого) фиксируя все увиденное, услышанное, съеденное и выпитое на своих гаджетах. Заразиться чем-либо экзотическим я несколько не боялась: эликсир обеспечивал моему организму еще и непрошибаемый иммунитет. Думаю, даже повышенная радиация после атомной войны не причинила бы мне никакого вреда...

Но куда бы меня ни заносило, время от времени я возвращалась в **наше с тобой** кафе. Ведь ты сказал тогда, чтобы я ждала тебя именно там...

В нашем с тобой кафе.

Регулярно меняя паспорта и дату своего рождения, я в итоге сбилась со счета, сколько мне лет на самом деле. Но запомнилась лишь одна дата: семьдесят девять лет. Именно в этом возрасте я без труда произвела на свет двоих очаровательных мальюток, близнецов, которые к своему совершеннолетию покинули меня и стали жить самостоятельной жизнью. Постепенно следы их затерялись совсем. Я о них ничего не знала да и не хотела знать. Меня преследовал страх пережить своих детей. Если кто-то осуждает меня – может, и правильно.

Как мне удавалось менять свои паспорта? Очень просто: я прикидывалась Искусственным Интеллектом, гиноидом, предъявляла техпаспорт, кем-то однажды состряпанный, и изъявляла желание иметь еще и человеческий, поскольку гиноиды давно уже пользовались правами личности. Перед моим обаянием не мог устоять ни один паспортист-человек. Мне галантно выдавали документ на любую фамилию и с указанной мною датой рождения. Я иногда думала: узнай правду кто-нибудь из Всемирного Исследовательского Геронтологического Центра – пришли бы в изумление, а потом вживили бы мне чип и взяли под постоянное наблюдение с регулярными обследованиями. Покоя бы не дали. Конечно, они там у себя имеют дело с разными долгожителями, но не с такими же «рекордсменами», как я.

Приходилось менять и место жительства, чтобы не шокировать неуклонно стареющих соседей. Было бы весело и вместе с тем грустно, услышь я однажды в свой адрес: «Эй, видишь вон ту телку? Говорят, ее муж умер сто лет назад!»

...На сей раз это была не трясогузка, а павлин. Он важно вышагивал впереди меня, волоча по земле хвост, нежно поглядывая на меня время от времени. Когда мы вошли в кафе, павлин вспорхнул на специальную, для него предназначенную жердочку и уселся там.

Подошла официантка, явная андро.

– Новый сопровождающий? – я кивнула на павлина.

– Подарок одного посетителя, – официантка улыбнулась краешками губ.

– А где Антон? – поинтересовалась я как бы невзначай.

– На переработке, – официантка издала нечто, похожее на хихиканье.

– ?

– Он там, где ему полагается бывать время от времени.

– В психушке, что ли? – спросила я с плохо скрытой досадой.

Официантка не ответила. Она застыла в ожидании заказа. Расспрашивать ее далее было, по-моему, бесполезно. Андроиды крайне неохотно отвечали на вопросы, связанные с кем-либо из людей. Я слышала где-то, что андроиды испытывают нечто вроде зависти к людям, но так это или нет – утверждать не берусь.

Я вздохнула и попросила меню.

...Ты как-то сказал мне: «Кто бы ни приземлился за твой столик в кафе, – знай, это буду я».

– Извините, мадам... Вы позволите?

Я подняла взор и поневоле вздрогнула. Передо мной стоял полицейский в форме. Нижняя часть его лица была скрыта медицинской маской, глаза – очками с дымчатыми стеклами. Этого мне еще не хватало. Я вжалась в плетеное кресло. Но сварливо уточнила:

– Между прочим, мадемуазель.

– Прошу прощения. Учту. Я займу у вас не более минуты. Для выяснения одного факта.

– Садитесь... Какого еще факта? Я вроде бы ничего не нарушала.

– Да, но вы звали полицию в шесть часов одиннадцать минут утра. Это вызов зафиксирован.

– Да?.. Вероятно, у меня с вечера заложило горло, и во время утренней пробежки я решила таким образом проверить голосовые связки.

На видимых участках лица полицейского не дрогнул ни один мускул.

Я протянула руку, как бы переставляя салфетницу, и словно невзначай коснулась его рук, сцепленных в «замок». Его руки показались мне ледяными. Он разомкнул пальцы и протянул ко мне правое запястьем с массивным браслетом.

– Приложите сюда ваш кюар-код, – велел полицейский.

– Но мне не вживляли кюар-код, – нервно сказа я. – Мне разрешили... Обычное удостоверение личности вас устроит?

Полицейский молча кивнул.

Нет, это не мог быть ты. Это явно андро, выполняющий задание и прицепившийся ко мне по ошибке.

Я достала из сумочки пластиково-металлический треугольник и приложила его к браслету. Полицейский наклонил к нему голову. По браслету забегали светящиеся змейки, цифирьки, символы.

– У вас отсутствует одна графа, – объявил полицейский.

– Какая? – похолодела я.

– «Повторная жизнь», которая подтвердила бы, что вы – человек. Иначе получается, что вы живете уже век без передышки.

– Я живу уже почти два века, – слабо улыбнулась я.

Ну вот ты и попалась, голубушка. Чего уж там отпираться... Не надо было воровать с клумб ромашки, чтобы поставить их в баночку с водой на подоконнике, чтобы хоть что-то живое колыхалось в доме... Сегодня в шесть утра мимо меня, обчищающей парковую клумбу, проходила какая-то законопослушная и добропорядочная стерва, такое двуполое создание, и пригрозило мне полицией за порчу имущества... Грозить? Мне? Прошедшей семь кругов ада? В ответ я, всплыв, сама послала вызов в полицию... Неудачно пошутила.

– Слушайте, – я решила не сдаваться. – А может, в прошлой жизни я была кошкой?

Номер не прошел.

– Не порите чушь, мадемуазель, – отрубил полицейский. – Кошки рождаются только кошками. А что касается вас – то вы в свое время приняли **«агасферин»** или, как его еще называют, сыворотку долголетия. Ведь так?

– Допустим. Хотя **«агасферин»** считается мифическим препаратом, никогда в природе не существовавшим.

– По некоторым сведениям, препарат все-таки существовал. И ваше долголетие – прямое тому доказательство.

– Для полицейского вы слишком хорошо осведомлены, – зло сказала я. – И откуда вам все это известно?

Полицейский стянул с лица маску и снял очки.

И я увидела **ТВОИ** глаза и **ТВОЕ** лицо.

...Господи, я схожу с ума... Вижу во сне каких-то полицейских, которые оказываются **тобой**... Или наоборот – **тебя** в каких-то немыслимых образах, в виде рыб, птиц, роботов... Один раз я разглядела твой лик даже в кофейной гуще.

...Войдя в лифт, обнаружила, что я там не одна. В полумраке светильников я разглядела матерчатую переноску неизвестно кем оставленную. Переноска шевелилась. Заключение в ней бедное животное пыталось выбраться на свободу; судя по гортанным «мммяууу!!!», это был кот или кошка. Странно – в секторе, где я живу, все старые жильцы съехали, новые пока что не вселились; кто мог так жестоко пошутить над животным? Я заглянула внутрь через торцевую сетку. Так и есть – кот (я почему-то сразу поняла, что это кот), золотисто-коричневого окраса. Он уставился на меня круглыми глазами и зашипел. Было время, когда я не просто изучала языки, но и выгуливала чужих собак. И даже соглашалась приютить у себя какого-нибудь породистого котика, но только временно. И на меня никто из котов не шипел. А тут не просто шипели – когда я, втащив переноску в квартиру, расстегнула молнию, мне вцепились в руку. Кот британской породы выскользнул из заточения, еще раз зашипел, свернув язык трубочкой, обкорябал мою протянутую руку и молниеносно исчез в спальне. Под кровать, скорее всего, забился. Так тебе и надо, мысленно сказала я себе, чего ты еще ожидала от неизвестно откуда свалившейся на тебя животины? Ладно, приставать к тебе не буду, мысленно сказала я коту, осваивайся сам, а потом решим, кому тебя сбаврить. Держать у себя царапающегося монстра – извините!

В конце дня я не выдержала и полезла под кровать с шваброй в руке.

– А ну, вылезай, скотина! – рявкнула я. – С голоду сдохнуть собрался на моей территории?! Не выйдет! Щас выволоку тебя и отправлю за порог! Ищи себе другого хозяина или хозяйку!

Кот не ответил. Он и не мог ответить, ибо я обращалась к глубоко задвинутой под кровать коробке с модельными мокасинами сорок шестого размера, с которыми я уже второй век не хотела расставаться по себе самой непонятной причине.

– Мяу-у-у, – раздалось где-то позади меня. Я развернулась. Желтые в крапинку глаза-плошки смотрели на меня насмешливо из-под антикварного платяного шкафа. Я уселась на полу.

...Итак, у меня есть кот. Есть ли? Он держит меня на расстоянии. Днем скрывается в недоступном месте, а по ночам выбирается и жрет все, что я насыпаю ему в миску, и лакает воду. Но стоит мне включить свет и попытаться почесать его за ухом или погладить по спине – он с шипеньем оставляет на моей коже отметины своих когтей или зубов и устремляется в укрытие.

У меня есть кот – и в то же время нету. А что, разве у других не так? У кого-то есть муж, но нет секса. У кого-то есть подруга или двоюродная сестра, но она не звонит, не пишет и не приходит. А у меня поселился кот – либо мы друг друга понять не в состоянии, либо я ему до такой степени противна...

Вместе с тем кот боялся терять меня из виду. Он всегда следил за мной. Даже когда я сидела, пардон, на толчке и задумчиво разглядывала мутный плафон под потолком, до которого не могла дотянуться, чтобы протереть, а вызывать для этого робота-уборщика было неловко.

Первым делом я заказала по Интернету большой крытый лоток – чтобы кот мог делать свои дела, не стесняясь. Еще – два мячика: желтый и зеленый в красную полосу.

И еще: я приобрела мягкую, почти бархатную шлейку, надеюсь, что когда-нибудь мой питомец все-таки снизойдет до такой степени, что мы вместе пойдем в кафе.

Мой британец обнюхал шлейку. Покатал по полу мячики. Затем запрыгнул на письменный столик рядом с тахтой, на которой я разлеглась с планшетом в обнимку.

«Мяуууу!!!» – разнеслось по квартире. И я прочитала в кошачьих глазах укоризненный вопрос: «Кто такой Антон, кто он тебе, что ты собралась выцарапывать его из психушки? У тебя есть я и только я!»

На следующий день, отлучившись всего на пару часов, я по возвращении никак не могла попасть в замок карточкой-ключом. Мне мешал доносящийся из глубин квартиры кошачий ор. «Иду, иду, мой малыш, не пугай меня», твердила я, управляясь с ключом. Наконец, удалось отпереть дверь, и я услышала, помимо кошачьего ора, еще и человеческие голоса. Кто-то яростно спорил о полном запрете андроидов в сфере обслуживания, предлагая задействовать на этих работах исключительно людей, а ему столь же яростно возражали, что большинство людей вообще не желают работать, обходясь обязательным пособием, и места так и останутся вакантными...

Я что – не выключила телевизор? Да я его не включала вот уже лет десять как! И пульт валялся черт-те где. Не иначе, как кот нашел пульт и случайно включил телевизор. Хороший котик, продвинутый, ничего не скажешь. Интересно, на чьей стороне он в этом споре, что так истошно орет?..

...Улыбнись, кислятина, выше нос! – сказала я себе, глядя в зеркало, в которое давно уже не смотрелась. – Все хорошо. Жизнь на Земле меняется к лучшему. Похоже, все возвращается на круги своя.

– Пойдем? – я показала шлейку коту. – Хватит тебе куковать в одиночестве. Только будь паинькой.

Кот подошел и послушно подставил шею. Как же мне тебя величать все-таки? Велюр? Или Вельвет? Пожалуй, лучше Велюр. Можно коротко – Велли.

– Согласен?

Кот коротко мяукнул, в смысле – не очень-то... Но если ты так хочешь...

На этот раз напротив моего столика приземлилась странноватая парочка – он большой, грузный, в старомодной сорочке и еще более старомодных драных джинсах. Она – худенькая, маленькая, в переливающимся платице, вся голова в стразах, что-то лепетала по-португальски. Он отвечал ей почему-то на иврите. Пытаясь разобрать, о чем они говорят, я невольно залюбовалась ими, вспоминая нас с тобой...

Велли, сидящий в кресле рядом, тут же издал гортанный мяв, словно протестуя. Зрачки его расширились. «Смотри только на меня!» – как бы приказывал он.

Я просмотрела меню и сделала заказ. Официантка-гиноид вежливо осведомилась:

– Вашему питомцу что-нибудь принести?

– Да, пожалуй. Паштет из тунца и большую чашку с водой. Мой котик – жуткий водохлеб.

– Ясно, – официантка улыбнулась совсем по-человечески и, протянув руку, аккуратно погладила кота по загривку узкой ладонью.

Велли зажмурился и заурчал на все пространство.

– Ах ты, злодей, – не выдержала я. – Ах ты, предатель! Мне ты еще ни разу не позволял такого!

Кот издал короткое «Мрррррр», означавшее: **«То ли еще будет, лапуля... То ли еще будет...»**

(Баку, июнь 2024)

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Феномен

Необычное рядом с нами

Перспектива командировки в Москву совместно с Мишей была не очень радужной не только потому, что Миша был занудой. Он был, что называется «добрый малый» и именно поэтому, как мне казалось, не подходил для этой трудной командировки. Вид у него всегда был какой-то заспанный, наверно, из-за воспаленности век глаз, которые всегда были усталыми и потому в морщинах.

Они резко контрастировали с молодым юношеским лицом. Однако он уже был женат и имел двух детей. Выполнив основную задачу командировки, у нас оставалось немало времени на культурно-развлекательную программу. Миша с удовольствием расслабился и принимал любое мое предложение. Ранее, бывая в Москве, он все свободное время проводил в гостинице. Сейчас он имел массу впечатлений. В последние дни командировки я предложил закрепить наше знакомство посещением какого-нибудь кафе на проспекте Калинина.

Миша обрадовался и, поковырявшись в вещах, вытащил на свет помятый галстук. Затем он правильно застегнул все пуговицы на рубашке и пиджаке и приобрел весьма приличный вид.

Конечно, перед кафе бурлила толпа желающих проникнуть вовнутрь, но я имел усы и носил очки и нутриевую шапку, чего не имели рядовые москвичи, а Миша был при галстук.

И вот мы в кафе мирно ведем беседу. За соседним столиком сидела пара девчат, явно моложе нас. Мы бы не обратили внимания на них, если б не моя любознательность к окружающему миру. Я заметил, что на их столе красуются только два пустых бокала.

Моя еврейская, всем сочувствующая натура, не могла с этим мириться, и я сделал обычный жест благовоспитанного и интеллигентного человека. Я попросил официанта поставить им бутылку сухого вина.

Девчата не ожидали такого подарка и были приятно удивлены. Вскоре они уже сидели за нашим столом. Одна из них, назовем ее Олей, была очень симпатична и эмоциональна. Другая, назовем ее Леной, была ей противоположностью, как и водится при двух подругах.

Миша с восхищением одобрил мой жест доброй воли и заметно воодушевился, когда девочки пересели за наш столик.

Он начал увеличивать дозу вина в своем бокале, что привело его к некоторому оцепенению. Миша затих, и его прямой взгляд был обращен только на Олю. Она же, словно не замечая этого, продолжала что-то энергично утверждать. Я забеспокоился.

В воздухе запружило. Я взглянул на Мишу. Оля тоже вдруг замолчала. Я ждал продолжения, и Миша его принес. Нет, он не хамил, не выражался и даже не икал. Он серьезно посмотрел на Олю и еле слышно, ужасно краснея, интимно спросил ее:

– Правда ли, что она употребляет такое-то лекарство?

Все удивленно уставились на Мишу. Больше всех, конечно, была ошарашена Оля, ибо она-то знала, против чего употреблялось это лекарство. Оля как-то сразу сникла и побледнела. Это только раздражило Мишу, и он загадочно заявил, что он знает, против чего оно применяется. Оля механически спросила: «От чего?»

Миша, непринужденно отпив глоток вина, объявил, что оно от шизофрении. Меня как бы оглушило. Я мельком предположил, что лекарство от мигрени или, в крайнем случае, что-то по-женски. Оля сидела притихшая и подавленная его осведомленностью.

«Так значит Миша – гипнотизер», – первое, что подумал я, заключая в слове «гипнотизер» все тогдашние предубежденные понятия о психологии. Миша тем временем добрался до истоков Олиного детства и ее наследственности. Оля слушала все это в состоянии действительно какого-то гипноза и смотрела на Мишу, как кролик на удава. Затем она вдруг пригласила его на танец, и Миша, с упоением навалившись на нее, насколько позволяла длина его рук, обхватил ее за талию. Мне же пришлось пригласить танцевать Лену, чтобы контролировать действия Миши. Он же, по мере увлечения Олей, все более становился неуправляемым. Он пообещал излечить ее от недуга своим особым методом, и она не отходила от него ни на шаг.

Я не мог понять, то ли Миша ее загипнотизировал, то ли она вела свою, какую-то игру. Вскоре она уже оправилась от шока, повеселела и вернулась к своему образу обворожительной девушки. Вечер обещал быть непредсказуемым. Миша продолжал извергать подробности Олиной биографии, как если бы он был её родной отец, и та, уже не смущаясь, с восторгом подтверждала эти факты.

Я поймал взгляд девицы: она смотрела на него с нескрываемым желанием, а он стремительно мчался ей навстречу. Они оба были в трансе и могли исчезнуть в любую минуту, даже не поставив нас в известность. А это влекло за собой целый воз последствий.

Поскольку я затеял этот поход, то и ответственность за моральное поведение Миши будет на мне. Если я возвращусь в Баку без Миши, то как я посмотрю в бесхитростные глаза его жены, и что я объясню двум маленьким мишинятам. Проклятье этой семьи ляжет на мою честную репутацию. Кто знает, что на уме у этой бесовки. Возможно, она хочет заманить его, чтобы использовать Мишин талант гипнотизера в криминальных целях. Это же Москва! А с другой стороны, может, это последняя любовь Миши или единственный шанс гульнуть.

И мое вмешательство повлечет на меня теперь уже его проклятье. Взвесив оба проклятья, я выбрал наименее опасное – Мишино. Я надеялся, что к Мише вернется его еврейский инстинкт самосохранения, всегда помогавший нам выходить из наиболее трудных ситуаций. В этом и состоит парадокс еврея: «Сначала загнать себя в тупик, а затем искать из него выход».

Первое – мы рассчитались с официантом. Второе – надо было разлучить парочку, и немедленно. Я тут же сделал «комплимент» Оле, что у нее растрепалась прическа и какие-то блики на лице.

Расчет оказался верен – она тут же, подхватив Лену, умчалась в туалет.

– Мы тоже туда, – успел я крикнуть ей вслед.

Теперь наступал третий акт – разумное отступление. Я подхватил его под руку и повел к выходу. Я понимал, что отнял у него игрушку, которую завтра, в отличие от дитя, он уже не получит.

На другое утро Миша проснулся прежним «добродушным Мишей». Он с благодарностью посмотрел на меня своими усталыми «старческими» глазами. Теперь я знал, почему они такие.

И тут у меня появилась идея выяснить у Миши относительно видения моего будущего. Это всегда было интересно для советских граждан. Он внимательно посмотрел на меня и сказал следующее:

– Марк, мы с тобой друзья, и я не хотел бы узнавать все твои проблемы, слабости и пороки, которые у тебя наверняка есть, как и у всех людей. Ты сам знаешь их, но зачем тебе выносить сор из своей оболочки и вываливать его на меня. Когда ты узнаешь, что я тоже в курсе твоей сути, то ты перестанешь узнавать и даже бу-

дешь избегать меня. Такова натура человека. Узнав свое будущее, ты будешь бояться сделать что-то не так и не то. Жизнь будет теперь протекать в колебаниях и сомнениях. Ответь мне: ты хочешь этого?

И я честно и мужественно ответил:

– Я не хочу не узнавать тебя. И я не хочу сегодня знать правду о будущем, т.к. это противоестественно. То, что начертано мне судьбой, я не в состоянии изменить.

– Правильно мыслишь, – одобрил Миша, с облегчением вздохнув.

Пришло время возвращаться в Баку. Домодедово встретило нас многочисленными, отложенными из-за нелетной погоды, рейсами.

Шла регистрация первого позавчерашнего пропущенного рейса. Я безнадежно пробрался к милой операторше с, уже надоевшей ей от всех, просьбой зарегистрировать нас. Она устало посмотрела на меня и отмахнулась: «Не мешайте работать».

Вот тут-то меня и осенило. Я кинулся к Мише. «Думай, Миша, и решайся», – осторожно направлял я свою мысль. Он начал понимать, к чему я его склоняю. К своим уговорам я подключил факт ожидания прилета своего папы его малолетних детей. «Ведь они ждут подарки от отца!» Это был, конечно, не честный ход, но это было решение возникшей ситуации. Миша, наконец, проникся идеей и, сказав: «Я попробую», перешел к делу.

Через пять минут я случайно встретился взглядом с красавицей-регистраторшей. Отыскав меня в толпе безнадежных пассажиров, она незаметно кивнула мне. Я покрутил головой, посчитав, что этот жест не ко мне. Но она повторила его, глядя прямо на меня. Я посмотрел на Мишу, и он смущенно опустил глаза. Мы ринулись к стойке. Заканчивалась регистрация, и оказалось, что осталось всего два свободных кресла. Только сейчас я понял, почему всемогущий КГБ очень «просил» Мишу о совместной работе, и почему, при его отказе, Комитет так жестоко наказал его, за претив практику и конфисковав его книги и картотеку.

Но Миша сделал наше общее дело, и наградой ему была встреча в аэропорту, когда к нему бросилась миловидная супруга и немедленно на нем повисли двое резвых мишинят. Мы встретились с Мишей глазами и незаметно понимающе перемигнулись.

Его влажные зрачки благодарили меня, и этого было достаточно, чтобы я понял – мой выбор в ресторанной ситуации был правильным.

Я благодарен Богу, который снизошел на меня в нужное время, чтобы вытащить одного еврея, заведшего себя в тупик.

Мистика

Вопрос, вообще-то, не праздный, ибо, как мне кажется, одна половина человечества якобы не верит в мистику, но вот другая, прекрасная половина, в основе своей стойко доверяет магической силе. Поскольку я принадлежу к первому сословию, то я тоже не спешил верить такому необъяснимому понятию, как Мистика.

Но все до поры, до того времени, пока субъект сам не столкнется с таинственными явлениями, не имеющими разумного объяснения.

В Рим мы прибыли поздно ночью и, разумеется, едва дождались утра, чтобы встретиться с Вечным городом. Проснулись мы от какого-то знакомого звука, идущего из глубин памяти моего детства. Выскочив на балкон нашего номера в отеле, я обнаружил предмет моего беспокойства.

Это был всего-навсего древний, времен 50-х годов, трамвай.

Он точно так же громыхал по рельсам бульжной мостовой и издавал треньканье, как и полвека назад, проезжая мимо нашего дома, окна которого выходили на улицу Басина.

Я решил, что трамвай – одна из оригинальных находок рекламы городской старины, но оказалось, что это обычный вид транспорта, на котором мы чуть позже начали нашу экскурсию. Остановка находилась на месте самой древней арки города, останки которой демонстрировались туристам. Но вот подошел трамвай, модели 2000-го года, и мы, воспользовавшись самым прозаичным способом передвижения, отправились на осмотр Колизея.

Эту, любимую римлянами «бойню», в начале первого тысячелетия новой эры сотворили императоры, отец и сын – Веспасиан и Тит Флавии. Так что ни Цезарь, ни Антоний, ни Август никогда не услаждали себя зрелищами кровопролития гладиаторских боев на арене Колизея.

Величие его простиралось до самого упадка Рима, после чего он превратился в грандиозный каменный карьер, откуда жители растаскивали каменные блоки на строительство своих усадеб.

Я обратил внимание, что в кладке наружной стены имеются круглые углубления, похожие на отверстия от пуль. Гид пояснила, что это следы от вытащенных бронзовых втулок, служивших для крепления камней в стене, добросовестно извлеченных жителями, только для им известного употребления.

Мой фотоаппарат в разных позах благополучно зафиксировал меня и мою супругу на фоне древнего сооружения, после чего мы обнаружили, что наша группа уже вступила на проспект Императорских форумов. Пошли названия, от которых кружилась голова, ранее напечатанные сведениями о древнеримском периоде.

В задачу данного очерка не входит описание этих исторических периодов, хотя меня очень уж подмывает этим заняться.

Форумы Цезаря, Августа, Веспасиана, Нервы, Траяна сохранили в себе колонны со статуями. Коллонады храмов Марса Мстителя, Сатурна, Весты, а также Кастора и Поллукса сменились арками Тита и Септимия Севера. Между ними вставляли руины Капитолия, Палантина и много других известных строений. Но всех их объединяло то, что они сегодня олицетворяли остатки древних ценностей. Эти развалины практически отличались друг от друга только степенью распада на мраморные и гранитные осколки.

И, тем не менее, я метался между этими элитными ценностями, надеясь найти то, что являлось одной из важнейших причин моего вояжа в Рим. Однако реликвия не обнаруживалась. Были исследованы все пояснения и надписи, но искомого не появлялось. Казалось немыслимым отсутствие даже упоминания этого известного архитектурного ансамбля. Супруга с недоумением и тревогой поглядывала на меня, надеясь, что я как-то объясню свою нервозность. Но за неимением времени я упрямо, в который уже раз, начинал обход проспекта Императорских форумов. Давно уже потеряв нашу туристическую группу, я, наконец, смирившись с поражением своих поисках, решил отступить, и вместе с радостно принявшей это известие супругой мы направились к лестничному выходу.

Уже почти на выходе, глянув с лестницы вниз, я обнаружил «новые», не исследованные мной, развалины.

– Подожди минутку, – бросил я жене и стремглав, не по годам, помчался вниз, дабы удостовериться в очередном разочаровании.

Табличка гласила о ничего не значившем «Ареа Сакра», а дальше шло пояснение, что именно эти останки и являются бывшим «Театром Помпея».

«Эврика! А ведь у входа в театр и стояла статуя Помпея! Того самого... – у меня аж перехватило дыхание, – да... да, того самого Помпея, у подножия которого истек кровью от 23 ран мой незабвенный герой ...Юлий Цезарь».

Очевидно, догадливый читатель понял, что именно этот фрагмент Древнего Рима и интересовал меня.

Все факты выстроились в стройную гипотезу.

Не все знают, что в одном из залов огромного и красивейшего по архитектуре и внутреннему убранству Театре Помпея (55-52 г. до н.э.), располагался тот самый Сенат, где принимались важнейшие законотворческие решения, повлиявшие на исторические события Великого Рима.

И вот тут-то я и вспомнил о мистике.

«Неужели все это когда-то существовало?!

Неужели всё здесь кипело и бурлило страстями интриг, зависти и честолюбия!

Вот оно, то место, где был предательски зарезан своими «сторонниками» философ и полководец Гай Юлий Цезарь, оставивший классический пример мистического в своей смерти».

Напомню известные события:

Утро 15 марта 44 г. до н.э. Цезарь колеблется, идти ли ему в сенат или остаться дома, но его уговорил один из «друзей», вовлеченный в заговор против возможного претендента на императорский трон.

Именно за эти попытки заговорщики, сторонники республики, и составили заговор с целью убийства Цезаря.

Накануне супруга Цезаря Кальпурия, увидев дурной сон о смерти супруга, отчаянно умоляла Цезаря не посещать сенат. По дороге один из наставников, грек, подал диктатору, которого несли на носилках, записку, прося прочитать ее немедленно. В ней сообщались подробности заговора и предостережение от посещения в этот день Сената.

Но сопровождающие лица своими разговорами отвлекли внимание Цезаря от этой записки. Заседание назначено было в зале Театра Помпея. Здесь один из заговорщиков начал просить диктатора за своего изгнанного брата и, получив отказ Цезаря, схватил его за тогу.

То был условный знак.

Сенатор Каска первый нанес удар. Цезарь схватился за меч и воскликнул: «Злодей Каска, что ты делаешь?»

В эту минуту все сенаторы-заговорщики, обнажив кинжалы, бросились на полководца. Он хотел было защищаться, но, увидев своего приемного сына Юния Брута в числе нападающих, воскликнул, теперь уже ставшей классической фразой: «И ты, Брут?!», завернулся в тогу и упал к подножию статуи Помпея.

Таково описанное многочисленными свидетелями убийство Гая Юлия Цезаря. Как оказалось, смертельным был второй удар кинжалом. Многие удары были касательными, поскольку трусливые сенаторы хотели просто подчеркнуть своё участие в кровавом заговоре в надежде получения будущих дивидендов.

И здесь история подсказывает ещё один из элементов мистики: все, принимавшие участие в заговоре сенаторы, в течение трёх лет погибли, а некоторые покончили жизньсамоубийством с помощью тех самых кинжалов, заколовших Цезаря.

И тут мне в голову пришла идея, которую я, многократно каюсь, немедленно воплотил в жизнь. Я совершил ничто иное, как воровство: из груды развала театра я украдкой подобрал небольшой осколок гранита.

Вы же понимаете, что я обязан был это сделать во имя памяти о Риме и смерти моего кумира.

Воображение подсказывало, что на осколке остались следы крови самого Цезаря. Конечно, это утверждение абсурдно, но как приятно было осознать величие этого момента.

Последствия этого неблагоприятного проступка не замедлили сказаться: мой фотоаппарат сразу же заклинило, и, к моей неопишуемой злости, я не смог больше сделать снимков этого уникального места.

К тому же весь туристический день был вычеркнут из программных фото-съемок по Риму. Только к ночи, придя в отель, я сумел наладить этот, впервые в моей практике, забастовавший аппарат.

Моя супруга, большой знаток магии и волшебства (как и все женщины!), сразу же определила причину моих затруднений:

«Это все от злосчастливого камня с развалин», – вывела она диагноз и стала настаивать на его избавлении и даже пыталась спрятать его от меня. Но вы же понимаете, что я просто не мог уже себе этого позволить.

Так мы и вернулись домой (в Америку) с таинственным талисманом.

А вскоре у меня в организме начались необычные изменения. По вечерам наблюдался подъем температуры, появились слабость и апатия. Промучившись около месяца, я обратился к врачам.

Те, в свою очередь, немедленно уложили меня на обследование в госпиталь. Через пару дней, в результате многочисленных тестов, мой лечащий врач радостно ободрил меня сообщением, что причина моего редкого случая нездоровья найдена - обнаружен микроб на задней стороне клапана сердца. Установив курс лечения в один месяц, медики попытались решить задачу: как мог вирус проникнуть внутрь организма?

Все, начиная от практикантов до докторов отделения, принялись миллиметр за миллиметром исследовать мою кожную поверхность в надежде обнаружить хоть какую-то царапину, послужившую входом для незваного гостя. Но тело, «как назло», не раскрывало секрета проникновения врага.

Процесс убийства микроба предусматривал месячную продолжительность влияния в кровь пенициллина. Все это время я находился под наблюдением врачей в госпитале. И, только выписавшись здоровым, я получил исчерпывающую информацию, конечно, от моей супруги, что причиной моего недомогания являлся все тот же злополучный осколок с развалин Рима.

Я вспомнил многочисленные отрицательные явления, описанные при раскопках древних гробниц и вскрытии саркофагов.

Все совпадало: множество людей, принимавших участие в раскопках, через некоторое время погибали странным образом.

Теперь, уже следуя совету супруги, мы осторожно, в перчатках, взяли вирусосносный гранит и принесли его в парк, где и закопали под буйно разросшимся кустом.

Через несколько лет, видимо, под воздействием духа Древнего Рима кусты эти зачахли.

Я уверен, что каждый из нас может припомнить не одну подобную историю в своей жизни, что подтверждает наличие в мире не изученного ни наукой, ни философией явления ... Мистика!

А задумывались ли вы, дорогие читатели, что само наше рождение и есть Мистика!

А любовь..?

ЛАЧИН

Размышления о...

Это был век культурного и духовного оскудения, распада державы, полунасильственной (пока – полу-) христианизации, сожжения библиотек и картин, разбития мозаик и статуй, разрушения храмов, потери умения читать и писать, вырождения философии в догословие, обращения женщин в служанок, запрета лицезреть человеческое тело и женские волосы (результат – появление порнографии, пока ещё в виде рисунков), окончательного торжества монархии («божьи помазанники», «нет власти не от бога»). К тому же монархия стала наследственной. «Каждый должен следовать своей судьбе» (Кодекс Юстиниана). «Век беспросветный», «чёрный век», «чёрное», помимо эмоциональной окраски, имеет и прямой смысл – новоявленные монахи и послушники ходили в чёрном. В 620-х гг. эстафету перенял ислам, поднявший чёрный флаг, и христианство стало играть двойственную роль. Но вначале чёрным было именно оно.

Справедливости ради отметим, что кое-что из античности христиане сохранили – рабство, гладиаторов и проституцию. Рабства стало даже больше, поскольку крестьян обратили в колонов, крепостных (конституция Константина 322 г.), также полурабами стали и все «свободные» женщины. От гладиаторов отказались лет через сто после введения христианства: иссяк поток военнопленных. Распинали на крестах (своих же христиан) – несколько веков. Кровь проливать стали реже – чаще стали сжигать заживо, удушать, морить голодом, варить живьём в кипятке и кипящем масле, ослеплять. Реже стали и мыться, на Западе перестали вообще, вплоть до девятнадцатого века распространяя вокруг тяжёлый душливый запах потного грязного тела. Стали материться (в латинском мата нет, есть слова сексуально-эмплицитные). Меньше стало секса (хотя мужеловства это не коснулось), больше – мастурбации. Спорт и физкультура исчезли так на полтора тысячелетия.

Стык двух восьмидесятилетних периодов – 313–395 гг. (от прихода к власти христианства до раскола империи на Западную и Восточную) и 395–476 гг., до гибели Западной империи можно обозначить как закат. Эти периоды сводятся в одну эпоху – заката античности, политеизма, и установления средневековья, монотеизма.

«Последними из мозикан» старой эпохи стали правители Юлиан, Евгений и Люциний, философы Макробий и Никомах Флавий, математики и астрономы Феон Александрийский и Ипатий, историки Марцеллин и Евнапий, поэты Паллад и Клавдиан, ритор

Ливаний. (Назовём также философа и музыковеда Бозция, начала VI в.) Триста восемьдесят с лишним членов Сената представляли последний оплот язычества (хотя к ним можно причислить и многих крестьян Италии и греческих островов, и узкий круг греческой интеллигенции Ближнего Востока). В сенаторском кругу, среди представителей древних патрицианских семейств, возникла настоящая языческая партия, во главе с «последними римлянами» Альбином, Вецием Протестатом и Квинтом Симмахом.

Описываемое время более актуально, чем кажется на первый взгляд. Ситуация, сложившаяся в IV–V вв., повторилась в середине двадцатого столетия, и если учесть быстроту перемен в современной жизни, то эти два века быдлолизации и шизофренизации вполне можно сказать, похожи как две капли воды (можно назвать аутентичными). Та же культурная деградация, то же забвение истории, классических традиций литературы и искусства, вульгаризация языка, падение воспитательного значения книги и театра. То же сокращение числа читающих, и вырождение интеллигенции в мещан. Та же эпидемия суеверия, в виде гремучей смеси всевозможных верований. Сходство с угасающей античностью особо заметно в постсоветском регионе. Снова вышли из подполья монотеисты, христиано-мусульманские попы, жиреющие на фоне нищающего населения, канонизирующие коронованных палачей (тогда Константина, ныне Николая II). Та же холодная война против собственного прошлого, ведомая власть имущими, глумление этих имущих над своими благодетелями (тогда: рабами и женщинами, из коих христианство и вышло, в 1990-х: ветеранами войны и труда), та же пропасть между поколениями, столь же идиотское смешение традиций: тогда крест сочетали с римским орлом, теперь ещё и с кремлёвскими звёздами. Стремительный рост армии чиновников и внутренних войск: раньше вооружались на страх соседям, теперь – против собственного народа. Наши современники каким-то странным образом умудряются сочетать портреты Ленина и Сталина с иконами, а мусульманские молитвы – с любовью к американскому кинематографу. Вновь появилась масса людей с раздвоенным сознанием, мечтающих сделать карьеру при капитализме, но чтоб всё было «как при Брежневле». Вновь явились борзописцы, восхваляющие новый режим так же рьяно, как раньше хвалили старый. Партийные функционеры, переквалифицировавшиеся в либералы из бывших знатоков марксизма-ленинизма, и пишущие старым своим языком, даже без смены интонации, схожи с бросавшимися перелгать Библию языком и размером Гомера.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Мысли и звезды

Он уходил по расшатанной лестнице,
С каждой ступенькой его мысли множились.
Он вспоминал про какую-то женщину,
Жизнь с которой, увы, не устроилась.

Он вспомнил детство. Щенка кудлатого,
С которым играл еще совсем маленьким,
Кота-задиру и рыбок в аквариуме...
Сердце сжалось. Лицо стало заплаканным...

Он вспомнил всю жизнь. В общем-то бестолковую.
Не сказать, что плохую, но и не очень веселую.
Но, дойдя до последней ступеньки, вдруг понял,
Что не променяет ее на новую.

И что перед порогом вечности
Эта жизнь – дурная, смешная, глупая,
Не очень честная и очень путаная
Все-таки лучше, чем Тьма Неизвестности.

Так думал он, прижимая стопы
К последней ступеньке расшатанной лестницы.
А где-то над крышей сияли звезды,
Лукаво мигая ему. Ах, прелестницы!..

ШИРИН МАНАФОВ

Я должен убить Чеснока

Рассказ

Это документальный рассказ о непростых отношениях высотки с хрущевкой. История настолько типичная, что стала основой дворовых конфликтов в трех районах Баку. Можно уверенно сказать, что эта история произошла в трех районах города почти одновременно и будет происходить вновь и вновь.

– Я должен его убить. Это мой долг. Дальше терпеть нельзя. Этот негодяй издевается над нами. Открыто и нагло. То, что он вытворяет на своем балконе, наши дети и жены не должны видеть. Между высоткой и хрущевкой всего 30 метров. Он все время на балконе, видна каждая дырочка на его майке. Тип заставляет наблюдать за ним и его паршивой жизнедеятельностью минимум 17 часов большую часть года. Бесило все, что вытворяет на своем балконе. То, как курит, ест вишню, грызет семечки, болтает по телефону, читает газету, делает зарядку, спорит с женой, играет с внуком, смотрит «Тик Ток» или что он там смотрит на своем айфоне, стрижет ногти, как смеется, как вешает свое белье, особенно бесили эти мерзкие майки.

– Я его разорву голыми руками... – по длинному коридору седьмого этажа высотки носится мужчина и яростно размахивает руками, репетируя скорую сцену «разорву на куски». Двери открываются, мужчины кивают, подбадривают, дети и женщины разглядывают его с любопытством. Зейнал носится по коридору, призывая соседей на смертный бой. Все в высотке знают, о чем речь. Высота всего в тридцати метрах от этой дряхлой, старой хрущевки, в которой на пятом этаже проживает тип лет шестидесяти, с вызывающей наглостью и бесцеремонностью ведущий себя на балконе. Хотя люди заселились в высотку всего три месяца назад, все этажи уже знают и типа в доме напротив, и мечту Зейнала.

Каждое утро высотки начинается со стресса. Зейнал в ярости наблюдает с женой Самирой, как тип напротив ест виноград или арбуз. Закончив, движением руки выбрасывает косточки с балкона. Под его окнами растет роскошное тутовое дерево, самое терпеливое в мире. Не допивает чай и широким и наглым движением руки швыряет в лицо высотки остатки чая. Так минимум раз пять за день. Все, что он делал, воспринималось как вызов. Даже то, как читал, вешал свое белье, поливал свои цветочки. И даже цветы воспринимались как вызов. В высотке 76 квартир, проживают менеджеры, владельцы бензоколонок, даже есть один владелец сети маркетов. И ни у кого нет имени. Все знали только Зейнала, и то благодаря его мечте: «Я убью типа из хрущевки напротив».

У мерзавца из хрущевки массивный лоб, широкое лицо, темные волосы, взгляд охотника, на лице выражение: «Я вас не вижу». У его жены крупные черты лица со следами яркой и даже броской недавно красоты, на лице боевая готовность круглосуточная. Такие женщины уходят от мужчин после первой же принятой ими банальной таблетки аспирина. После робкой попытки восстановить отношения, высказав пожелание купить пачку «Виагры». Женщина – спецназ. На нее высотка возлагала большие надежды, некоторые ее атаки на мужа были превосходны. Какое-то время высотка жила предвкушением инфаркта. Нормальный человек давно бы дал гипертонический криз, как минимум, приступ стенокардии, и в целях профилактики инфаркта задушил бы жену или просто бросился с балкона. В идеале все сразу. А этот...

– Как тебе идет ярость, – в восхищении сказал он жене. Женщина рассмеялась, квартира номер 17 заявила, что смеялась польщенно. Квартире 17 можно было верить, она первой приобрела аппарат для усиления речи «Супер Ухо 100» и снабжала Зейнала свежей информацией. Оказалось, что тип сам провоцировал атаки жены, цель которых – поддержание любовных отношений в спортивной форме.

Ест арбуз. Абсолютно невыносимое зрелище. Косточки за балкон, и так три раза за день. Внук все повторяет за ним, и никакого осуждения со стороны деда. Навероятно бесила физзарядка. Ноги на ширине плеч, приседания-разгибания. Каждое движение воспринималось как плевок, как брошенный в жильцов высотки окурок. Тип явно был намерен жить и досаждать долго. «Каждый мой день – плевок вам в лицо», – вот так воспринималось высоткой.

У окруженной сотней джипов восхищенной своей фигурой высотки внутреннее состояние – это гнев и тоска. Хрущевка всего в тридцати метрах нагло продолжала наслаждаться жизнью, что мешало обитателям высотки считать себя победителями. Высотка желала стереть хрущевку ластиком. С ее роскошным тутовым деревом и возомнившими о себе бомжами. Тогда как хрущевке – и это явно было видно – глубоко наплевать на тайные вожделения высотки. Любовь между ними была невозможна, а ненависть требовала питания, этот тип с пятого этажа им и стал. Бесило все, что делал на балконе: курил, завтракал – обедал, болтал по телефону, делал зарядку, пил чай, болтал с женой или играл с внуком. Более всего раздражало то, как любовался цветочками. Как будто дома напротив нет вообще, нет этой громадины, нависшей мощью своих 22 этажей над его жалким балконом. Такой человек не должен был жить рядом с высоткой. Он – вызов.

Неделю высотка обсуждала, как прозвать типа с пятого этажа. Боксер, боец, хам, бык, наглец, стервец, позер, собака, нищий, бросающий вызов нам, богатым... И вдруг жену Зейнала осенило – Сарымсаг. Противный, ехидный, въедливый, назойливый и неотвязный. Так и стали называть все – когда Сарымсаг, когда Чеснок. Мужчине лет 60, спортивного телосложения, на балконе делает зарядку, кушает фрукты, курит, любясь цветочками... – во всем высотка видит брошенную ей перчатку. Даже в том, как читал газеты. Каждое движение Чеснока раздражает и бесит всю высотку. Каждый день Зейнал требует, чтобы его дети и жена не подходили к окнам, когда Чеснок появлялся на балконе. Вот Сарымсаг вышел на балкон. Вешает белье, встает на табурет, стоит в одних трусах, мускулистые ноги, пенсионер долбаный, и таким государством еще выделяет пенсию. За что?

Вся высотка на балконах: кричат дети и вроде что-то детское, на самом деле кричали: смотрите, какие мы, вот наш папа делает кебаб, восхищайтесь нами и завидуйте, мы такие каждый день, от нашего дома всегда вкусно пахнет.

И так на каждом балконе. Чеснок ничего этого не слышит и не видит, он кушает хлеб, сыр и помидор. И вся высотка с ее криками и запахами замирает и наблюдает, как этот садист ест хлеб, сыр и помидор. Далее следовало самое ужасное и невыносимое. Этого зрелища не выдерживал никто – Чеснок и его жена пили кофе. Все 22 этажа полны визгов детей, запахов кебаба, лихорадочная музыка бьет по головам со всех балконов, а Чеснок и жена наслаждаются кофе. Каждый их жест говорит высотке: НЕ ВЕРЮ!

Ночью, в час ласковых слов любимым, Зейнал прошептал жене, что хочет купить снайперскую винтовку. Та внимательно посмотрела на мужа – лицо мечтательное, не врал.

– Это он нам в лицо швыряет остатки чая, – уверял соседей Зейнал. Соседи с ним солидарны, особенно Вусал, он сам готов молотком избить хама.

Чеснок завтракает, на столе бутылка пива, наливает и пьет из бокала. Ничего особенного, но с каким удовольствием он это делает, и высотка закипает. Или вывешивает ковер, через час начинает избивать прекрасный ковер толстой палкой. Ковер

кричит, стонет, умоляет, как живой человек, а Чеснок с нарастающим азартом избивает беднягу. В ушах Зейнала стон несчастного ковра.

– Ты слышала? Ты слышала, как он избивает ковер? – кричит Зейнал жене. – И ты не позволяешь мне купить снайперскую винтовку? – перелезает через балкон к соседу Вусалу и требует от испуганной жены соседа дать ему нож, у него дома ножи все тупые, а ему нужен острый, чтобы первым же ударом прекратить страдания ковра. Как? Ударом в сердце садиста, что избивает ковер. Жена Вусала странно смотрит на соседа, отвечает, мол, у них все ножи еще тупее, чем у Зейнала, она может дать вилку. Тот возвращается к себе, требует, чтобы жена закрыла дверь на балкон, он не может слышать, как взывает о помощи ковер.

– Тебе тоже надо вытряхнуть наши ковры, – сказала жена.

Зейнал мечется по балкону, неужели ей нравится Чеснок? Теперь у него еще больше оснований прикончить негодяя. Совсем немного, и вся высотка сочтет его просто трусом.

– Мы с тобой понимаем, что все дело глубже, – говорит Зейнал Вусалу. – Он нас не видит, мы для него пустое место. Обратил внимание, как он вытряхивал ковер? Видно было, как ему нравится избивать ковер, избивать вообще, избивать нас всех на глазах жены и соседей, слышать наши крики: «Хватит, хватит». Стоны ковра не дают мне спать. Четыре дня подряд он избивает ковры. А ты заметил – пыли нет. Он их избивает для нас. Причем, избивает те из них, кто кричит больше других.

Вусал тактично промолчал, он наблюдал из бинокля, ковров было четыре. Чеснок избивал четыре ковра четверо суток. Ковры плакали, рыдали, взывали о помощи, а самый маленький коврик тот вообще криком кричал что-то вроде: «За-режь-те Сарым-саг».

Чеснок не замечал ни Зейнала, ни других. Вот это и бесило в нем так сильно, что высотка вынесла смертный приговор старику, придумав ему красивую смерть. Надо сложиться и стереть с лица земли хрущевку напротив. В высотке жили пятеро настолько богатых, что снести хрущевку и разбить на ее месте спортплощадку было для них вполне реализуемой мечтой.

Друзья поднимаются на десятый этаж, там у них группа поддержки, три квартиры. Этажом выше еще пять сообщников. У каждого полевой бинокль, идут наблюдения. Чеснок завтракает, его собачка размером с носовой платок вскакивает на стол и пытается что-то стянуть с тарелки хозяина. Движением руки мизантроп сбрасывает собачку со стола, еще спасибо, что не сбросил с балкона. На визг носового платка прибегает жена Чеснока, берет на руки собачку, называет ее членом семьи. Чеснок пьет свое пиво как ни в чем не бывало. Мужчина высокий, плотного телосложения, таких уважают бульдоги и доберманы, а вся эта твякающая шваль должна спрятаться в спичечный коробок, как только он выходит на балкон. Независимо от того, член он семьи или не член.

Зейнал мечется по этажам, радостно врываясь в квартиры соседей: «Вы видели? Вы видели, что Чеснок сделал с несчастной собачкой? О, это что-то потрясающее. Не видели? Ничего я все заснял, вот смотрите». И пока не вырвет возмущение у соседей, не возвращается домой. Спит счастливым сном, он своего добился, весь его дом ненавидит Сарымсага. Все с ним согласны, Чесноку не место на земле. Лето, вечер. Зейнал оглядел свой дом, все балконы полны людьми. Мужчины курят, гроздь гнева дозревают в них, молчат жены их и дети, ждут. Ну же, Чеснок, сделай какую-нибудь пакость, ударь собачонку. Отличный момент дозревания, нельзя спугнуть удачу, ты должен что-то такое....Чтобы исчезли последние сомнения.

Самое паршивое то, что Чеснок не позирует, он так живет, не замечая высотку и минимум полсотни людей на балконах. И чихал он на их дозревающие гроздь гнева или чем они еще поддерживают интерес к жизни. Наконец-то Чеснок доел арбуз и зернышки бросает на самое многострадальное тутовое дерево в мире.

Жена из кухни кричит, мол, перестань швырять косточки на улицу, тип отвечает, что голуби и воробьи слетаются со всего квартала, они, мол, обожают арбузные зернышки. Они все ему благодарны. А дерево ему благодарно с детства, ежедневно в жару он поливает листья минимум пятью стаканами воды. Зейнал перегибается и смотрит на Вусала, тот нервно курит. Что тут поделаться, придется терпеть. В самую жару в одних трусах Чеснок поливает свои цветочки, будь они прокляты вместе со своим владельцем. Зейнал засыпает, только если видит сон, где он с крыши хрущевки поливает цветочки Чеснока из шланга марганцовкой, горячей водой, раствором серной кислоты. Цветочки на глазах превращаются в грязные комочки, вбегает Чеснок и кричит, как раненый зверь: «Зейна-а-ал, будь ты проклят, ты убил мою душу. Я приду за тобой».

Только увидев этот прекрасный сон, Зейнал в состоянии заснуть. Жена тревожно наблюдает за ним, муж стонет, стон нарастает, она берет подушку и прижимает ее к себе, так чуть спокойнее. Жена решает не спать. Утром она обсуждает с соседками один вопрос: что происходит с их мужьями, какой смысл они вкладывают в борьбу с Сарымсагом. В чем суть этой войны. Да, Чеснок – противный тип, но до такой степени его ненавидеть – это уже какая-то программа. Хотя и его поведение на балконе – тоже программа. Я хочу быть самим собой, и мне наплевать на высотку – вот примерно так. Конечно, не замечать менеджеров, владельцев супермаркетов... Маркс, Ленин что-то писали о классовой ненависти, но из-за этого убивать... Лучше дать денег и пусть продаст свою квартиру и уберется отсюда. И потом... Маркс и Ленин писали, что ненавидят низы, а тут верха, да еще настолько, что готовы нанять киллера.

Каждый день событие. Все, как в телевизоре. Каждый день по ящику стресс: пожары, взрывы, митинги, перевороты, вчера Трампа чуть не подстрелили ... Никакой связи с Чесноком, но что-то в этом есть. Наконец-то... Внук Чеснока напраказничал, так мерзавец Чеснок схватил мальчишку лет шести-семи за руку, внук визжит и разжал руку, выпал сорванный им лимон. Вбегает жена.

– Это для тебя лимон, а для меня друг, – рычит Чеснок на внука. – Ты убил моего друга.

Бедный ребенок ручкой защищает головку. Чеснок в ярости размахивает над ним своими сильными страшными мохнатыми ручищами.

– Какой еще друг, идиот? Простой лимон, обычный, – кричит на него жена. Высотка ее так обожала в этот момент, что ряд квартир готов был скинуться и послать ей букет цветов за эту фразу. – Подумаешь, сорвал с твоего куста кислый, незрелый лимон. Там еще семь штук. Чихал он на твои лимоны, на всех твоих друзей, понял? – обращается к внуку: – Скажи ему, да чихал я на твои лимоны. Бабушка купит мне двадцать лимонов.

– Я два года ждал, когда это растение даст плоды, – рычит Чеснок. – И тут появляется этот маленький ... – долго подбирает слово, высотка замерла, умоляя Чеснока назвать родного внука бараном, козленком, болваном, да хотя бы проходимцем, хотя и рановато. Чеснок как назло не произносит обидное слово и продолжает, – ... появляется этот твой малыш и убивает моего друга, первый плод за два года.

– Ну, и что ты сделаешь своему внуку? Не дашь мороженое? – издевается жена. – А я сама куплю.

Минимум в десяти квартирах мужчины вслед за Зейналом про себя произнесли: «Мальчик, если ты выдержишь эту пытку, завтра я подарю тебе фирменный велик или даже скутер. У сына моего такого нет».

– Я схвачу его за ногу и подвешу к перилам, а если будет дрыгаться, то упадет на тутовое дерево.

В ответ жена пообещала:

– А я тебе ночью ножницами отрежу уши, садист проклятый.

Зейнал хохотал от счастья, ну какой там букет цветов? Какая мелочь, эта женщина достойна настоящего подарка – я подарю ей ноутбук фирмы «Самсунг» и мобильник минимум за пятьсот манатов. А если она доведет Сарымсага до отличного обширного инфаркта – «Мерседес» или даже «Ламборджини». Скинемся, уверен, вся высотка даст деньги. Женщина, красавица 1990-х, доведи его до отличного инфаркта, после которого человек живет уже только одним – дотянуть до конца года, растянуть время до второго инфаркта. А уж второй его точно доконает.

Позвонили из квартиры номер 18 и очень сильно огорченным голосом сказали:

– Зейнал-гардаш, я наблюдаю из бинокля. Так вот, последнюю минуту спора с женой Чеснок улыбается. Краем губ, конечно, но, кажется, он и его жена так в крике и споре выражают любовь друг к другу. И внук спокоен, с машинкой играет. Мне очень жаль, Зейнал-гардаш, инфаркта не будет.

– Я тебе когда говорил, надо купить бинокль, – кричит Зейнал на жену. – А ты кофемолку, кофемолку, смеситель, смеситель... У всех уже есть, трое на верхних этажах подозрную трубу купили. Сегодня же в военном магазине куплю полевой бинокль. Посмей ты только заикнуться про новый айфон.

Пока он мчится на 10-й этаж выпросить на полчаса бинокль, скандал развивается, битва в разгаре. Чеснок ругает внука, жена хватает бутылку со стола....

– Осторожней, – в голосе Чеснока испуг. – Это тутовка, 50 градусов, я за бутылку 30 манатов отдал, за нее человека убить можно.

– А я сейчас вылью твою тутовку на твое паршивое лимонное дерево, и пусть оно сдохнет со всеми твоими друзьями-лимонами, – обещает жена Сарымсага и срывает аплодисменты жильцов высотки.

Женщину спас внук, умница, вовремя сказал: «Ненé, не надо убивать лимонное дерево. Баба, давай, посадим косточки лимона, и вырастет новое дерево».

– Твое счастье, что у тебя умный внук, – сказал Чеснок и потрепал внука по голове, и довольно ласково добавил. – Ты спас свою бабушку. – Обращается к жене. – Женщина, твое счастье, что я тебя когда-то очень любил, а то бы ты сейчас летела с пятого этажа.

– А сейчас не любишь? – с вызовом спрашивает жена.

Вздых разочарования прошел по балконам высотки, вместо того, чтобы довести Чеснока до инфаркта, она с ним кокетничает. Расстроенный Зейнал заходит к Вусалу: «Ты видел, как он издевался над ребенком, над пожилой женщиной? Из-за какого-то кислого лимона. Следующий раз – обязательно убью. Видеть такое больше нет сил. Так издеваться над нами всеми!»

Вусал кивает головой: он сам возмущен, кипит, задыхается. Зейнал и Вусал едут в антикварный салон, и Зейнал покупает подозрную трубу с сорокакратным увеличением. Теперь он был на балконе Чеснока, как у себя дома. После первых же суток наблюдений мечта убить негодяя стала гимном. Он с ним засыпал, с ним просыпался. После покупки подозрной трубы, Чеснок оказался в сантиметре от смерти.

Зейналу звонит квартира номер 27: «Будь проклят Сарымсаг. Мы всей семьей вчера наблюдали, как он издевался над внуком и до какого состояния довел несчастную женщину. Как я влип, заплатить за квартиру в этой высотке 147 тысяч и каждый день трепать себе нервы из-за садиста. Каждый вечер следить за психопатом в доме напротив, в какой-то вшивой хрущевке. И этот тип смеет нас не замечать. Гардаш, что бы ты с ним ни сделал, я и моя семья – мы с тобой».

Вечером группа поддержки Зейнала собирается в квартире номер 34. Открывает собрание хозяин, мужчина с толстыми губами и мясистыми ушами. Да плевать сейчас на его уши и губы, раздайте оружие и в бой, – говорят лица собравшихся. Перебрали семь вариантов, шесть из которых кончались смертью Чеснока. С большим сожалением все семь вариантов пришлось отвергнуть. Скинуться на киллера готовы почти все квартиры, но ни одна квартира не разрешила стрелять с их балкона.

Все в один голос: «Я бы с удовольствием разрешил, но у меня дети, не хочется сесть в тюрьму, через неделю свадьба дочери...». Остался только один вариант. На следующий день сантехник Яшар во главе делегации из трех жильцов высотки стучится в дверь Чеснока и сообщает очень интересное решение группы анонимных его друзей. Если он продаст квартиру и переедет в другой район города, то группа его искренних друзей подарит ему десять тысяч манатов. На покупку второго лимонного деревца.

Чеснок делегацию с деньгами спустил с лестницы, двое из трех делегатов получили легкие травмы и страстно поддержали Зейнала, когда тот предложил нанять киллера.

– Сколько можно терпеть, – возмущался он, одновременно разглядывая обстановку в квартирах соседей. – Сколько наши жены и дети должны наблюдать, как Чеснок гоняет голубей, не дает им ворковать на своем балконе. Как долго можно терпеть, как этот негодяй из прошлого века издевается над логикой, ценностями, традициями и культом богатства, который сделал нас свободными от таких, как Сарымсаг, людьми. Почему мы переехали в высотку? Чтобы не видеть больше таких, как Сарымсаг. Он сам себе подписал приговор. Предлагаю скинуться на киллера.

Соседи обещали подумать, расходились по квартирам и, только зайдя к себе, кричали женам: «Больше не пускать Зейнала. И сам сядет, и меня за собой потянет».

Тем не менее, тени продолжали сгущаться над Чесноком. Отказаться от десяти тысяч, спустить делегацию с лестницы... Да кто ты такой, прыщ из трухлявой хрущевки. Соседи про себя признавали правоту Зейнала. Чеснок держал в напряжении все 22 этажа высотки. Он должен был умереть. Он уничтожает саму идею XXI века как торжество высоток.

Проходит месяц. Зейнал мечется по этажам, пытаясь поднять и сплотить этажи в борьбе с опаснейшим негодяем Чесноком, а этажи затаились, молчат. Цель ясна и симпатична, но не устраивают методы. К тому же парень из квартиры номер 24 влюбился в девушку из квартиры номер 75, квартира номер 63 решила породниться с квартирой номер 89 и уже готовится к свадьбе. Зейнала за глаза прозвали Зануда. Но терпели, были благодарны, все-таки оживил, сблизил, даже можно сказать превратил высотку в подобие старого бакинского дворика. Вот только не могли определить, психопат Зейнал какой? Мятежный, метущийся, тревожный или издерганный... Он нас объединил. Все знают всех. А то в соседней высотке люди живут уже десять лет и не знают друг друга. И все-таки, то он сам один хотел убить, то теперь предлагает скинуться на киллера и сесть всем домом, – недоумевало младшее поколение. – Насколько искренен с нами Зейнал?

Вторая попытка купить Чеснока тоже провалилась.

Сантехник Яшар вернулся с вызывающе наглым ответом Чеснока: «Пока мы с женой не увидим, как половина высотки выбросилась с минимум 11-го этажа, я отсюда никуда не перееду».

Конечно, Яшар мог придумать такое сам. Проверить нельзя, с ним никто пойти не решился. Чеснок хитер и разнообразен, он мог придумать ответ и поинтереснее. Квартиры номер 17, 64 и 38 были в панике: напрасно мы раскрылись, теперь, если Сарымсаг сыграет в ящик, нас всех заметут. Тем более, среди нас наверняка найдется пара предателей.

Зейнал обошел паникеров и кое-как успокоил. Высотка жила, как бакинский дворик в 1970-х, двери для соседей нараспашку. Вся жизнь тоже, сплетни, заговоры, интриги – все с привлечением всех. Жена Зейнала стала приглядываться к дочке Вусала, очень хорошая партия для ее сына. Женщины извлекали из вражды, ненависти, неприязни к Чесноку гораздо больше, чем мужчины. Обмен рецептами, сплетнями, поиск приличных вариантов для своих детей, благодаря Чесноку вот-вот должны были возникнуть четыре молодые семьи.

Как только спала жара, к Чесноку пришли два товарища, толстяк и долговязый. Ужин на балконе. Обильное питье, – и настолько распоясались, что стали вести себя, как три студента, обмывающие диплом. Анекдоты про жен и любовниц, про политиков, своих и западных, обзор событий в СНГ. Обсуждали и хохмили остро, зло и громко. Ну, и так все было откровенно и интересно, что высотка в полном составе высыпала на балконы. Более всего Зейнала бесило, что самыми интересными тостами и анекдотами выделялся Чеснок, толстяк и долговязый больше слушали. Чеснок был центр, затравщик, триггер хулиганства. Куча интересных и издевательских комментариев по поводу Трампа, Байдена, Зеленского, Лукашенко, Путина, Макрона, Шольца.... Наговорили такого, что КГБ, ЦРУ и Моссад должны были выделить своих лучших киллеров и расстрелять участников застолья, не дав им закончить ужин.

– Я знаю, почему вдруг летом показали «17 мгновений весны», – заявил Чеснок. – Помощник шефа гестапо Мюллера, угодливый старикан, тоже носил фамилию Шольц. Явно дед премьера Германии.

Друзья выпили за бессмертных Штирлица, Мюллера и Шольца. Ну, и так это застолье понравилось высотке, что жена Зейнала робко попросила мужа не торопиться с киллером и все взвесить еще раз. Вот женим сына, дочь выдадим замуж, тогда он может покончить с Сарымсагом и сесть в тюрьму, а пока стоит подождать и собрать факты с помощью подзорной трубы. И она прощает мужу потерю тысячи манатов, потраченных на подзорную трубу.

Ужин на балконе продолжается, друзья увлечены и высыпавших на балконы жильцов высотки не замечают. Три приятеля радуются общению друг с другом, резвятся, хохмят, говорят анекдоты, появляется внук, дед сажает рядом с собой, и малыш получает порцию хвалебных тостов. Гости желают ему быть похожим на деда, внук обещает, затем, слопав тарелку с салатом, удаляется. Застолье продолжается, отличный концерт длился четыре часа, высотка была в восторге.

– Как теперь быть? – задаются вопросом квартиры номер 14, 34, 74 и 52.

Больше всех огорчен Зейнал. Далековато от традиционных ценностей, но явно, что мерзавец из хрущевки нравится высотке. Все меньше квартир поймет Зейнала, если тот набросится на Чеснока с ножом. А ведь еще два дня назад всем было ясно: Сарымсаг – вызов им всем. А теперь, после этого веселого застолья Зейнала не поймут, надо менять тактику. Зейнал затаился.

Сарымсаг вел себя, как всегда: поливает цветы, пьет пиво, болтает по телефону, все в трусах и майке. Его жена кричала из кухни, чтобы он вернул ей молодость, терпение ее лопнуло, при этом требовала, верни, мол, не только молодость, но и интерес к жизни, который из-за него утерян ею за тридцать лет брака. Тогда как он исправно изменял ей все 30 лет брака, и она знает, с кем. Текст повторялся часто, и на жену Чеснока уже перестали надеяться. Надежды на проказы внука и собачки тоже были мизерны. Собачка оказалась мелкой, трусливой дрянью и так ни разу больше не решилась вскочить на стол.

Интересная деталь: по вечерам Чеснок выкуривал одну сигарету, и тут была надежда. Но негодяй не бросал окурков на улицу, что было бы очень кстати. Так как градус ненависти начал спадать. Ни Зейнал, ни квартиры номер 12, 25 и 39, где наблюдения велись круглосуточно, не зафиксировали ни разу полет горящего окурка. Хотя на окурков возлагались большие надежды. Под балконом тутовое дерево, вокруг него сухая трава, вот летит окурков, вот сейчас повалит дым, затем мы услышим визги первого этажа, соседи взбегают на пятый этаж и топорами взламывают дверь Чеснока. Тот защищает жену и внука, но первый этаж все же проламывает ему башку топором. Ну, хотя бы сотрясение мозга. Чеснок просыпается в реанимации. Это уже совсем другой человек. Голова ясная, мысли чистые, глаза пугливые. Теперь думаешь только о том, как понравиться соседям по подъезду и обитателям высотке напротив. На лице круглые сутки блаженная улыбка затравленного человека. Чеснок

сломлен, он умоляет высотку разрешить ему в последний раз выкурить сигарету на своем балконе. Старое, доброе сотрясение мозга творит чудеса даже с гасконцами в пятом поколении.

Ничего этого не происходит. Чеснок почему-то не бросает окурки с балкона, явно не желает поджигать траву и пройти курс коррекции личности методом сотрясения мозга.

Зато явно желает держать в напряжении все двадцать этажей высотки. Он – Трамп, а жильцы высотки – коллективный Байден. Задача Трампа – довести беднягу до такого состояния, при котором сенат начинает бросаться помидорами, а конгрессмены мутузят друг друга, уже не разбирая партийной принадлежности.

В отчаянии Зейнал идет на явный подлог. Мечется по этажам, вбегая к самым активным из группы поддержки: «Вы видели? Три минуты назад Сарымсаг наглым жестом хватает жену и требует, чтобы она среди бела дня села ему на колени. Несчастливая отбивалась, как могла».

– Три часа дня, вряд ли такое возможно, – робко возражают Зейналу.

Настаивает и требует решиться и направить еще раз делегацию к Сарымсагу и, подняв скандал, пару раз по-тихому двинуть ему по наглой роже. Мол, мы пришли защитить честь несчастной жертвы домашнего насилия, но раз не понимаешь, получи, скотина. Затем оказать первую помощь, внести инфекцию, перебинтовав неоднократно использованным бинтом, и затем удалиться. Как-то так.

В квартире номер 77 Зейналу показали видеосъемку сегодняшнего дня. После завтрака Чеснок сидел минут десять на балконе, к жене не обращался, и она на балкон не выходила. Словом, Чеснок не приставал. Жена Зейнала готова была сгореть со стыда, ее мужа публично изобличили во лжи. Как он мог так опуститься. Ее подруги с пятого, восьмого и десятого этажей предлагали ей помощь, пытались как-то смягчить ситуацию, объяснить все жарой. Их мужья поговорят с Зейналом, в конце концов, мы все ему обязаны, благодаря Зейналу мы все перезнакомились и живем одной дружной семьей. Спасибо Зейналу и Чесноку, но и тебе, конечно, за долготерпение. Жена польщенно рассмеялась и пригласила подруг на довгу и кутабы. Высотка жила интенсивной, духовной жизнью бакинского двора 1970-х. Никто и предположить не мог, что в высотке можно жить, как в детстве. Так пролетел июль. Наметились четыре свадьбы.

Лето, многие на дачах. Зейнал так страстно, интенсивно, жадно питался наблюдениями за балконом Чеснока, что заставил семью вернуться с дачи уже через неделю. На даче ему тоска. Дети возвращаться в бакинское пекло не хотели. «Задыхаюсь!» – метался по даче Зейнал и был искренен настолько, что жена упростила детей. «Вы хотите, чтобы у него был инфаркт?» – спросила она, и семья вернулась.

Пять дней наблюдений ничего не дали. Зато на шестой день был праздник. Мерзавец сам себе подписал смертный приговор. Он делал побелку, стоя в полный рост на стуле, без брюк и майки, малевал потолок балкона. Остаток белил смешал с водой и вылил на улицу. Часть листьев тутового дерева окрасилась в белый цвет. Ладно, но белила пролились на крышу стоявшего рядом с деревом автомобиля черного цвета марки Kia. Хозяин – второй этаж, истеричный тип, и появилась надежда, взлетит на пятый этаж, и будет драка, и будет инфаркт. Высотка замерла в предвкушении скандала. Владелец авто, известный во дворе психопат, обязательно поднимется на пятый этаж, так как Зейнал и квартиры номер 16, 34 и 87 предоставили ему видео, и сомнений быть не могло, на такое среди бела дня способен только Чеснок.

Все с гордостью смотрят на Зейнала: конечно, общий наш успех. Чеснок на краю пропасти. Владелец изуродованного авто действительно поднялся на пятый этаж и долго кричал перед запертой дверью. Затем его впустили в квартиру, и дальше происходит невероятное. Высотка была в шоке, такое разочарование трудно перенести.

Видимо, на кухне Чеснок спойл психопата, они вдвоем появляются на балконе и из шланга поливают крышу автомобиля. Через три минуты на машине никаких следов. Хохочут, поливают из шланга рядом стоящие машины – и все кончено. Высотка потрясенно перезванивается и ругает последними словами владельца автомобиля, этого негодяя, продажную пьяницу со второго этажа. Всего за триста граммов водки – и упустить такой шанс, как минимум, врезать Чесноку пару раз по морде. Некоторые в высотке элементарно сломались.

Квартиры номер 14, 25 и 64 заявили, что они привыкли и готовы терпеть, Чеснок раздражает уже не так сильно. Благодаря Чесноку мы все познакомились и не чувствуем себя в высотке одиноко. И если до конца честно, женщины и молодежь в восторге: игры, дружба, контакты, отношения, ухаживания.

– Значит, он нас не замечает, он на нас плюет, ведет себя на балконе, как последний... Не могу подобрать слово, а мы будем терпеть? – пытался вновь разжечь костер Зейнал.

– Мы встретились с Чесноком в магазине. Он мне сказал, – робко произнес тип из 14-й квартиры, – что мы с ним не виноваты, что старая мэрия строила высотки на расстоянии вытянутой руки.

– Так значит, мы уже дружим с Чесноком, болтаем с ним в маркете на первом этаже, – изумился Зейнал. – Среди нас появились предатели. Уже и настучали про киллера наверх.

– Чеснок лучше нас знает, что в нашем доме происходит, – признался тип из 14-й. – Например, что 22-я квартира одолжила крупную сумму у 37-й, а парню из 67-й нравится девушка из 43-й, и дела продвигаются очень быстро. Чесноку нравится, что у нас уже четыре подзорные трубы нацелены на его балкон. Это к тому, что не я один стукач. Нас уже несколько. Короче, наша высотка стала похожа на бакинский дворик, где я родился. И если честно, хотел бы умереть. Этим мы обязаны Чесноку.

Зейнал вновь затаился, тут еще его сосед Вусал перестал вспоминать свою деревню, где Сарымсага подвесили бы за ноги на самой высокой чинаре, что стоит у входа в Дом культуры. Возвращаясь с работы и встречая соседей, Зейнал по инерции спрашивал:

– Что происходило днем? Что сегодня вытворял Сарымсаг?

– Ничего такого не замечали, голубей гоняет с перил, – отвечали соседи, пряча глаза. Солидарности как не бывало. Зейнала перестали приглашать квартиры номер 14, 35, 27 и 87. Черт с ними, а 94-я вообще перестала с ним здороваться, там шла совместно с квартирой номер 121 подготовка к свадьбе.

Но тут Чеснок подарил такой великолепный шанс себя зарезать, что не воспользоваться им было грех. Произошло это в субботу. Зейнал вел наблюдения и видел, как все началось. С балкона Чеснока упал мячик. Внуку было запрещено играть с мячом на балконе. Деда в тот момент не было рядом, мальчишка увлекся и мяч перелетел перила. Дед вбежал на балкон и потребовал, что бы внук спустился и принес мяч. Бабка подняла визг. «Идиот, маразматик, мяч посредине дороги, – кричит она, – полно машин, ребенку всего пять лет. Пусть сам спустится и принесет мяч». Чеснок настаивал: он может и маразматик, зато она делает из внука бабу. Должен сам спуститься, иначе не быть ему мужчиной и все такое.

Договорились до такого варианта: вместе спускаются, дед на глазах внука лавирует в потоке машин и возвращается с мячом. А может и не возвращается, так пусть щенок видит, к чему привело его непослушание. Дед настаивал на таком варианте, иначе он не спустится. Шанс не вернуться – велик, он плохо видит, машины несутся, и вообще, он хочет наказать внука. Наглец должен всю жизнь проклинать сегодняшней день и кричать по ночам что-то вроде: «Люди, верните моего дедушку. Баба, я тебя люблю. И никакой ты не Чеснок, ты – Персик, Абрикос, Кокос, Мандарин...» Жена согласилась, так как Чеснок был в отличной физической форме.

«Даже если ты ослеп на оба глаза,— заявила она, — мяч принесешь ты».

Дед надел костюм, в карман положил удостоверение личности. Все это на глазах внука. Взял его за руку, и они спустились. Дальше началось что-то ужасное. Мальчик остался на тротуаре и наблюдал – в этом урок, – как дед, лавируя в мощном и визгливом потоке, добирается до середины скоростной трассы, подбирает мяч и возвращается. Жена наблюдает с балкона. Трижды Чеснок должен был попасть под колеса, трижды жена не сомневалась, что быть ей вдовой. Мальчишка поднял крик, ручками размахивал, мечется по тротуару. Дед лавирует в потоке нагло, вызывающе, провокационно. Все делает так, как будто он у себя на балконе. Он никому не уступает, наглый, как танк, ни гибкости, ни страха. Но хитрый, умеет лавировать. Самодур, деспот в костюме с удостоверением, он возвращается с мячом в руке. Высотка наблюдала, замерев дыхание. Когда вернулся с мячом, 22-я квартира не выдержала и заплодировала. Дед вернулся, внук бросается ему навстречу, дед еле удержал в руке мячик, они входят в подъезд.

Зейнал был восхищен Чесноком, но это было неуместно и некстати. Обежал семь квартир, врывался с воплем:

– Вы это видели? И вы после этого будете терпеть этого негодяя? Сердце мое не может выдержать. Ребенок наверняка сошел с ума, пережить такой стресс.

Соседи признали, что Чеснок перешел все красные линии, он еще хуже, чем все политики, над которыми измывался вместе с приятелями, и даже электрический стул – слишком красивая смерть для такого негодяя. Квартиры номер 17, 36 и 23 отметили явное сходство стиля Чеснока с лидерами целого ряда стран, например, КНДР, РФ, США, Украины и Израиля. С такими надо кончать, нет больше сил терпеть, телевизор невозможно смотреть, на балкон нельзя выйти, мальчика жалко, а за убийство садиста придется посидеть, хотя это несправедливо. Больное время, планета слетела с катушек, самая паршивая эпоха за последние пятьсот лет. В мечтах высотки Чеснок должен выпасть с балкона в том самом костюме, в котором спускался за мячом. В полете повторять слова Миледи перед казнью, обращенные к четырем мушкетерам: «Но, господа, я не хочу умирать. Мне нравится жить». То есть, на протяжении всего полета абсолютное сходство с Миледи, презиравшей не только каких-то там мушкетеров, но и самого короля со всей его свитой, причем короля не меньше, чем Рошфора и кардинала Ришелье.

В квартире номер 39 Зейнал выхватывает из руки хозяина молоток – тот разыгрывал из себя перед женой мастера на все руки и пытался забить гвоздь, – и мчится к хрущевке. Летящий с молотком в руке Зейнал был монументальным выражением презрения и превосходства высотки к хрущевке и ее обитателям. Мы рождены, чтобы закрыть хрущевку и ее обитателей, как тему, – вот так воспринимался несущийся по двору с молотком Зейнал. Обитатели квартир номер 11, 25, 36, 74 издали боевой клич, но квартиры номер 24 и 55 кричали с балконов: «Зейнал-гардаш, вернись. Не губи себя. Есть другие способы».

Еще минимум пять квартир, также осознав эпичность момента, решились на самый смелый вариант: затаились. Их устраивали оба решения проблемы: Зейнал возвращается, не убив врага. Зейнал проламывает ему череп молотком, затем сбрасывает с балкона. Хотя зачем тогда проламывать?

Странно, но Зейналу открыли дверь. Несмотря на четыре подзорные трубы, никто не мог наблюдать, что происходило в квартире Чеснока, откуда слышны были вопли и истеричный визг его жены, но так как битва происходила вне балкона, никто не мог впоследствии дать свидетельские показания в полиции.

Жена Вусала подняла крик и визжала от души, можно даже сказать пламенно, искренне и страстно:

– Быстро за Зейналом, если он убьет старика, кровь Чеснока будет на твоей совести.

Никогда в жизни Вусал не одевался так медленно.

Он ненавидел происшествия, все необычное, но еще больше терпеть не мог принимать решения. Не знал, как себя вести, не знал, симпатичен ему Чеснок или он ненавидит его. Глядя на себя в зеркало, думал, а на чьей он стороне. Они оба творцы хаоса, из-за таких, как Чеснок и Зейнал, рушатся империи и от городов остаются развалины. Идеальный вариант, если они в упоении схватки, обнявшись, вылетят с балкона в свой последний полет.

Медленно натягивает брюки, надел кроссовки, подумал, снял и надел черные туфли, медленно подходит к двери. И вдруг жена с балкона:

– Быстро, ко мне.

Вбегают и выхватывают из ее рук бинокль.

На балконе за столом сидят Чеснок и Зейнал, рядом стоит довольный внук, прижимая к груди мячик. Зейнал разливает в высокие бокалы пиво.

Вусал пулей вылетает из квартиры, вбегают в маркет на первом этаже, хватая три бутылки пива и с воплем: «Зейнал, ты и есть предатель!», мчится на пятый этаж, в квартиру Чеснока. Заходит в тот момент, когда Зейнал поднимает тост за эффективные методы воспитания подрастающего поколения. Идея тоста такова: пока не перейдешь красные линии, молодежь слушаться не намерена. Осушив бокал, Зейнал обещает сегодня же выбросить с балкона мяч и спуститься за ним с сыном. Главное, чтобы его не опередили соседи.

Чеснок не удивлен появлению ни Зейнала, ни Вусала.

– Ты себе не представляешь, Сарымсаг, – обращается Зейнал к старику, – как мои соседи завидуют мне.

Вскакивает с бокалом в руке, чокается с Чесноком и Вусалом и медленно, наслаждаясь каждым глотком, выпивает до дна. Никогда раньше он не знал, что процесс осушения бокала банального пива на глазах соседней может восприниматься организмом, как дегустация какой-нибудь уважаемой марки коньяка.

Вечером герой дня со своим рассказом обошел семь квартир ведущих членов группы поддержки:

– Я успел вовремя, еще секунда, и Чеснок убил бы жену. Она вцепилась ему в горло, и если бы не я, или она его задушила бы, или он так ее ударил бы, что мог убить. Рядом их внук плачет: «Ненé, не души баба́, он не виноват, я сам захотел выйти на дорогу поднять мячик. Он не хотел, он не хотел», – кричал мальчик. Вдруг вижу, у Чеснока синеют губы, и даже в этот момент он остался Чесноком и хриплым голосом спрашивает у жены: «Любишь меня?» «Болван, какое там любишь, – кричит жена, – ребенок мог побежать за тобой на дорогу». И даже на пике любовной сцены я не мог оттащить женщину, так яростно вцепилась в него. Он размахивает руками, но ее не трогает, а глазами мне подмигивает, вот как надо добиваться любви женщин. «А ты помолодела, – хрипит Чеснок, оторвал ее руку от горла и сказал: – Давай вечером прошвырнемся по бульвару».

– Клянусь, если бы не эти слова, я убил бы его. За этим и бежал. Я буквально оторвал ее от Чеснока. Рубаху разорвала, на шее и груди у него царапины, кровь течет. Чеснок бледный, фиолетовые губы дрожат, схватил табурет, не подходи – ударю, а жена его кричит: «Твое счастье, что появился этот добрый человек и спас твою никому не нужную жизнь».

На самом деле было так: жена расцарапала шею и щеки Чеснока, наладившись видом крови мужа, как будто очнулась, вышла из комнаты и принесла полотенце, протерла им щеки. Светлое полотенце стало розоватого цвета. Не внук был в центре. Не для него только спускался за мячом и рисковал жизнью. Теперь Зейнал знал точно. Не для внука и не для высотки был этот спектакль. Зейнал был в восторге, что оказался на сцене рядом с великим актером. Вообще-то он навязался. Но теперь не важно, главное, он участник.

– Если бы я не появился вовремя, у Чеснока не было бы другого выхода, он должен был табуретом ударить жену по голове, – окруженный соседями, час спустя фантазировал Зейнал. – Она так вцепилась ему в горло, что он стал задыхаться. Она просто не оставила ему другого выхода. Он должен был ударить ее табуреткой, иначе она задушила бы его. Я ненавижу его больше всего на свете, и именно я спас Чеснока. Если бы не я, сейчас наш Чеснок или сыграл бы в ящик, или сидел бы в тюрьме.

– Мы его спасли, – поправила Зейнала жена. – Не ты, а мы все его спасли. А где молоток?

– Бросил, как только увидел, как она вцепилась в Чеснока. Никогда не видел таких искренних отношений, она реально хотела его убить, и именно в тот момент, когда больше всего любила. Все живы, и на свободе. Спасибо нашему дому.

За пять суток Зейнал побывал со своим рассказом практически во всех квартирах высотки и поймал себя на мысли, что благодаря Чесноку у многих соседей появились имена. Например, у него самого. Но двумя днями позже неожиданно квартира номер 38 предложила заново посмотреть съемку и вообще, мол, не все так уж бесподобно.

– Обратите внимание на слова Чеснока, – сказала квартира номер 38. – Он сказал жене: «Мальчик не побежал бы ни за что. Я ему сказал, что это не опасно, все машины останутся при виде старика. Вот если бы я сказал, что опасно, вот тогда он точно побежал бы за мячом. Он мой, поняла». И в этом месте Чеснок расхохотался – победа. Внук – его копия, как она ни стараясь.

И тогда квартиру номер 76 осенило:

– Я понял, к чему вы клоните. Плевать он хотел на нас с нашей высоткой. Чеснок дрессирует мальчишку, он делает из него себя.

– Интересная версия, – сухо сказала квартира номер 94. – Но все выходки Сарымсага – а я с самого начала был против Чеснока – есть вызов нам. Тут Зейнал прав. Я объясню, что в основе.

Тут квартиры номер 24, 35, 73, 29 и 54 напряженно впились в квартиру номер 94.

– Зависть, – изрекла интриганка из квартиры номер 94. – Он нищий. Он сам и особенно его жена мечтают жить, как мы, переехать в высотку. Жалкий тип, люто задвигает нам. У меня одна комната, как его три.

Два дня спустя. Жена Чеснока вновь затагнула свою песню, мол, у нас полно денег, давай переедем в высотку, там кухня, как две наши комнаты. Чеснок молча взял ее дорожный утюг, умный, почти как компьютер, вышел на балкон и вытянул руку с утюгом, мол, еще одно слово насчет высотки и я отпускаю твоего любимчика в последний полет.

По счастью, разговор затеяла, когда Чеснок с Зейналом играли в нарды.

– Сабина ханым, там живут, ну такие... – обратился Зейнал к жене Чеснока. – Им сказать соседу «салам» в лифте стоит таких усилий, на лицах такое страдание, что хочется сказать: «Лучше замолкни, смотри в свой мобильник». Если бы не ваш муж, они бы сто лет жили в одном доме, не зная друг друга.

Фирменный утюг был спасен. Улыбка жены послужила сигналом, Чеснок достает две бутылки пива из холодильника, и мужчины с таким удовольствием пьют пиво, что квартиры номер 4, 28 и 95, впившись биноклями в поразившую их сцену, одновременно процедили: «Предатель». Трое мужчин заявили женам, что теперь их мечта – убрать из их дома предателя Зейнала. Мечта – предвестник событий, скоро их будет так много, что у высотки появятся свое имя и своя история, город узнает ее и будет ею гордиться.

Неделя спустя. Лето. Балкон. Пиво.

– Слух прошел, ты убить меня хотел, – сказал Чеснок Зейналу. – Не подумай, что осуждаю – просто интересно.

– Слушаешь всяких болтунов с высоты, – ответил Зейнал. – Да если бы не я, они и через триста лет не познакомились бы друг с другом. – Посмотрел на Чеснока и поправился. – Если бы не мы с тобой. – Обращает на высоту возмущенный взгляд и кричит: – Поссорить нас хотите? 22 этажа, сто квартир и один только профессор. – Обращается к приятелю. – Сарымсаг, а давай поменяемся. Я свои 140 квадратных метров меняю на твои шестьдесят два.

– Ни за что, – отвечает Чеснок. – Допивай пиво и домой. Воспитательную работу с внуком срываешь – у нас час стрельбы по воронам из рогатки.

Так эта история закончилась в Ясамальском районе, в двух других районах Баку концовка была несколько драматичнее, так как там и к качеству исполнения актеров были претензии.

БАКУ – ЭТО ГОРОД, КОТОРОМУ ЕСТЬ ЧТО ПРЕДЛОЖИТЬ

Это интервью мастер дал в 2016 году сразу после концерта

Жванецкий актуален, как никогда. Ощущение, что ряд Белых Домов (обязательно с большой буквы) и депутатский корпус всего СНГ работают на маэстро.

О себе, о нас, о Баку и о любви в интервью с Жванецким.

– У меня впечатление, что вы трудитесь для сотрудников МИДа. Недаром бывший министр МИД России на одном из светских раутов признал, что он – это на пятьдесят процентов вы.

– Ну почему только для них? Народ тоже хочет понять, в какой стране, а теперь, в каких странах он живет. Часть народа продолжает хотеть веселиться. Даже узнав правду. Мне тоже интересно наблюдать за народом. Когда он, народ, а не только министры и депутаты Думы перестанет думать, что смех – лучшее лекарство.

– Когда пишется легче, когда перекрывают кислород или когда на автора не обращают внимания?

– Конечно, когда перекрывают. Это, как говорят депутаты Думы, однозначно. Представьте, на дворе 1980 год. Эпоха застоя – благословенное время. После развала СССР пришел Ельцин. Вопросы к нему стали копиться буквально с первых дней. Сходство с Брежневым определенное имелось. Золотая эра была для сатириков. Когда я, например, видел нашего дорогого Леонида Ильича, который только что тепло попрощался с Громыко у трапа самолета и... оба карабкаются по трапу в этот самый самолет. Но и к Думе, конечно, вопросы копят. Начинать с физкультуры, перепрыгнув детскую преступность и женскую мечту о нормальном прожиточном уровне... Замечательно сказал об этом О`Генри: «Инкубационный период длился двадцать пять лет, а затем появилась сыпь и окружающие поставили диагноз».

Из моего рассказа «Вы еще не слышали наш ансамбль». «Во-первых, у нас великолепный певец. Очень хороший парень. Отзывчив, всегда одолжит. Не курит, не пьет. Мухи не обидел. Травинки не сорвал. Ну, конечно, когда поет, то заставляет желать лучшего. Но вышивает. Прекрасный парень. Мы его держим... А эта женщина у контрабаса – мать двоих детей. Конечно, она не может держать ритм. Но разве поднимется рука ее выставить: двое малышей плачут, ищут отца. Пусть она поиграет, что делать?.. Этих трубачей мы подобрали на улице: пропадали ребята. Так здесь они хотя бы в тепле.....Теперь вы поняли, почему наш ансамбль так звучит?»

– *Ваше хобби?*

– Собирают камни.

– *Уехать не хотите?*

– Неудобно, столько лет просидеть у постели больного, и теперь, когда больной начал выздоравливать и есть шанс, что выкарабкается, вдруг встать и уйти.

– *Ваши отношения с новыми политиками?*

– Недавно общался с Явлинским. Хороший парень, эрудит, но не потянет, человек из интеллигентной семьи, мама еврейка...

– *О публике.*

– Самая лучшая публика в мире в Баку. Так было всегда. В советский период и в постсоветский период тоже. Конечно, часть отъехала, но восприятие юмора не потускнело, реакция отличная. О Баку всегда говорю с любовью. Масса друзей. Рекомендацию в Союз писателей дал бакинец, сейчас живет в Питере. Братья Ибрагимбековы, братья Гусманы и многие другие братья. Одесса и Баку – очень много схожего. Родит земля на берегу моря. Баку – это город, которому есть что предложить. Вот от бакинцев и ждешь. Умеют по-настоящему любить, дружить. Что такое любовь к стране, родному городу, к женщине? Умение держать в предвкушении, в ожидании...Тема не исчерпана. Когда исчерпана – развод, развал страны. Я объездил с выступлениями множество стран, города, которым есть что предложить, – большая редкость. Баку как тема далеко не исчерпана.

– *С чем у вас ассоциируется слово «Азербайджан»?*

– Слово «Азербайджан» – это как пробный камень. Произнесет человек – значит интеллигент. Леонид Ильич спотыкался на втором слогe и дальше откровенно жевал губами, как верблюд.

– *Где вас еще, кроме Баку, воспринимают на все сто?*

– Отличная публика собралась на Магадане. Ничего странного. Иосиф Виссарионович Сталин в свое время нагнал туда умниц и умников со всего Союза. Вот их дети и посещают мои концерты. Хорошая публика в Якутии, Петропавловск-Камчатском. Причина та же: отец всех народов постарался.

Вождь знал – после него обязательно должен появиться Жванецкий.

– *Вы – социальный заказ. Кого вы еще, кроме Сталина, считаете выдающимся психотерапевтом современности: Жириновского, Кашперовского, Жванецкого...*

– Все психотерапевты делятся на три группы. На психов, терапевтов и психоаналитиков. Себя я отношу к последней группе.

– *Отношение к критике.*

– Критика должна быть в пределах Библии, Библия – в пределах знаний.

– *Формула успеха.*

– Мозги свои, страсть своя и деньги. Можно и свои. Но рискованно.

– *Где вас можно найти, если что...*

– Зимой в Москве, летом в Одессе.

– *Где начинали?*

– Я закончил Одесский институт инженеров морского флота. Изумительное заведение широчайшего профиля, охватывающего литературу, акробатику, вокал, шахматы, волейбол и те мелочи, что остались в жизни. Расцвет самодеятельности, соревнование факультетов. По призыву комсомола мы начали шутить, петь, танце-

вать и писать.

– *Что делать человеку, если желает знать, кто развалил Союз?*

– Читать иронический журнал Жванецкого «Магазин». Если нет такой возможности, купить собрание сочинений того же автора. Они продаются в Баку.

– *А правда ли, что ...*

– Да, я ушел из большого секса. Перешел на тренерскую работу. Там новое поколение. У них свои рекорды.

– *Вы много пишете о женщинах, о любви...*

– Всегда восторженно, почти всегда. Но вот я сижу за столом, сосредоточен, жена подходит незаметно: «Сколько раз я тебе говорил, дорогая, не подходи со спины. Береги себя».

– *Что вам есть рассказать о ...*

– Да, ты прав. Сексуальных меньшинств сейчас больше, чем любителей традиционных форм общения. Женщины, любите нормальных мужчин. В этом их спасение.

– *Так что было в начале: слово или ...*

– Фраза. Вызывает меня лет 50 назад один партийный босс и говорит: «Мне надо тост сказать на даче Брежнева, я вас прошу...». Я ему подарил фразу: «Алкоголь в малых дозах полезен в любых количествах». Мне дали зал.

– *Не считаю вас сатириком....*

– Я пишу много грустного. Мне говорят: не читал, не слышал. Отвечаю: нет – вы слышали. Только в этот момент вы смеялись, вместо того чтобы делом заняться. Это разные вещи – слушать и услышать, вникать и вникнуть.

– *Как вам нравится фраза: «Остроумный человек даст потомство при любых метеоусловиях».*

– При условии, что женщина не должна догадаться, что это самое-самое. А то обязательно испортит. Главное – не спугнуть женщину, публику, власть. Все очень пугливы. Вовлечь в дело и заставить дать потомство, нужное вам, а не им. То, что нужно им, – рождается без всяких усилий. Демографический взрыв незаметных, исчезающе малых величин.

– *Но ...*

– Ты опять прав. Все три ветви власти нас не любят. Женщины, публика и олигархи. Современная женщина совсем ошизела и любит черт знает кого. Репменов, имиджмейкеров, спичрайтеров... Обожают дилеров, хакеров. Классического мужика близко не подпустят. Но нельзя напролом. Не спугнуть – искусство. Народ у нас нежный, привык к ласке за 70 лет. И тяжело от ласки отвыкает. Говорят, три поколения надо.

– *Юмор – это средство защиты или нападения?*

– Юмор – не цель, а средство. Использование его именно как средства говорит в пользу вашей цели. Значит задача будет решаться нетрадиционно. В этом бакинцы замечены.

– *Вы актуальны, как никогда. Это бесит...*

– Я вообще за юмор, рожденный горечью. Это честный юмор. Недавно с ужасом понял: все плохое, что нужно для сатиры, нахожу в себе. Стоит только как следует покопаться.

– Лет тридцать назад на юге Украины, – рассказывал мне знакомый археолог, – нашли городище, чуть ли не второй век до нашей эры. Назвали по местности – жванецкая цивилизация. Особые горшки, особой выплавки медная посуда...

– Цивилизация не вполне сформировавшись, ушла в распыл. Пытаемся сохранить – юморины в Одессе. Но одесситов в одном Нью-Йорке сейчас больше, чем в Мюнхене, Лондоне и Одессе, вместе взятых. Это создает ряд неудобств. Кто-то пытался провести нечто наподобие одесской юморины в Нью-Йорке. Не получилось, притянута. Солнце, море там не способствуют. Про атмосферу говорить нечего.

– На чьих плечах стоите?

– Объездил с Театром Райкина весь Союз. Написал для него кучу скетчей и монологов. Райкин отвергал, точнее опровергал. Всегда аргументированно. Великая школа.

– Отношение публики к вам все больше нервное, а у знатоков подозрительное, как у Гоголя к институту брака.

– Моя заслуга. Мне интересно изучать то, что человека восхищает в самом себе. Заветное желание каждого доказать, что он осколок великой эпохи, страны, в последнее время – великого народа. Надо выключать эпоху навязчивых идей, маний, комплексов и установок, эру навязчивого ТВ.

– Но кто сможет отключить Жириновского?

– Единственный, кого удалось обесточить, – это Ельцин. Даже Черномырдин все никак не отключался. Березовский... Времена навязчивых людей и маний. Нарциссизм стал нормой.

– Меня всегда умилял футбольный комментатор Котэ Махарадзе. Ощущение, что 22 парня мотают по полю мяч только для того, чтобы актер и позер Котэ Махарадзе заставил весь советский народ выслушать свой тост длиной в полтора часа.

– Комментаторы предельно ясно нам показывают саму основу, схему функционирования ТВ, прекрасно тупого и притягательно бессмысленного. Котэ Махарадзе – один из тех, кто для каждого зрителя создавал иллюзию участия в победах, в звездных часах современности, олицетворяя их с победами тбилисского «Динамо», реже сборной СССР. Реже, много реже.

– Самый удачный комплимент писателю...

– Сказал Ленин Горькому о «Матери»: «Полнейшая, батенька, хреновина, но вообще-то книга своевременная и нужная».

– Банальный вопрос: что наша жизнь?

– Виртуальная борьба за виртуальный приз. Пьеса драматурга-абсурдиста, не шибко гениального, но профессионально крепкого. Абсурд мастерски сконструирован. От замысла до поглощения, от стартового хлопка до раздачи призов. Жанр не так уж и плох, но резко упал уровень исполнителей главных партий.

– Тогда почему теперь агония любви?

– Об этом написал транспортную повесть для юношества о провалившейся любви. Читается в любом виде транспорта с нарастающим интересом. Море слез. Несколько озарений. Чистая радость. Словом, много глупостей мы делаем в трезвом состоянии.

– Ваши отношения с новыми политиками.

– Не сложились. В последнее время появилась масса молодых непрофессиональных людей, которые не умеют по-настоящему работать, но при этом умеют по-настоящему хорошо жить. Эти люди озлоблены своей бездарностью. Вот эти люди

мне очень мешают, они меня, как говорят в Одессе, «держат за своего». Меньше всего я мечтаю быть кумиром неудачников, предохранительным клапаном их озлобленности.

– *Что же нас объединяет?*

– Куда ни кинь – везде умные люди управляют нами. Но результат их усилий вызывает к жизни вопрос: может быть, все дело в отсутствие идиотов во властных структурах ряда стран СНГ.

– *О любви...*

– Проблематичным стало вычисление траектории полета бумеранга, запущенного рукой вашей жены. Но то, что он по вашу голову – бесспорно.

– *Напутствие молодым...*

– Шутите смело и удачно. В ответ на раздражение, злость, крик – сверкнул глазом, блеснул зубом и ушел. Ибо скандалить, даже будучи правым, значит опуститься туда, к нему. А пока студенческие годы, давайте каждую минуту рассматривать, пробовать на вкус и смаковать при употреблении. Необходимо: рождать мысли – это раз. Не бояться собственных мыслей – это два. Без паники. Все придет и все пройдет: молодость, диплом и даже ваше сорокалетие. Где я вас и встречу. Начинайте острить и ничего не бойтесь – все будет хорошо.

– *Ощущаете себя свободным человеком?*

– Я, наверное, и тогда, в советское время, ощущал себя свободным человеком. Когда мне объяснили, что талант у меня есть. ... Талант – как собака, не дает соврать. Отличие свободного человека от несвободного: компанию себе свободный подбирает сам.

– *Ученые недавно открыли вполне приличную планету. Чем могут нам помочь?*

– По-моему, забрать нас к себе. Есть пять-шесть благополучных стран, все туда прутся и наши тоже. Что можно сделать? Тикать отсюда, мы должны отсюда тикать, но как встретят на Сатурне эту орду? «Кыш, проклятые! Не давай им приземлиться».

В 2006 году, то есть десять лет назад на вопрос «Почему не уезжаете? Ответ был таков: Одна читательница спросила: почему в природе самцы бьются за самок, а в России женщины бьются за любого, самого плохонького мужичонку? Если вы меня спросите, почему я не уезжаю из этой страны – поэтому, для меня самое страшное за границей – я не могу общаться с женщинами.

И тут начинается блиц с мастером.

– *Как отличить настоящие бриллианты от ненастоящих?*

– По тому, кто носит.

– *Что нас объединяет кроме КВН?*

– Поиск того, что нас объединяет

– *Вам дороже воля или покой?*

– Думаю, что справедливость важнее демократии. Перестал подписывать письма-обращения. Не люблю профессионалов ни с той, ни с другой стороны.

**Интервью брал Ширин МАНАФОВ
2016 год.**

СОДЕРЖАНИЕ 2024 год

Михаил Лермонтов – 210. №6
Памяти Чингиза Гусейнова. № 2
Самедоглу Вагиф – 85. №7
Фазыл Хюсню Дагларджа – 110. № 10-11

ПРОЗА

Агаларова С. Юмореска. №9
Агамамедова Г. Новеллы. №№ 3, 8
Акшин А. Рассказы. №5
Алиев Р. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №7
Анар. Смертный час. Повесть. Пер. Мамедова Н. № 3; Пропустивший поезд.
Рассказ. № 12
Андреева Е. Повторная жизнь. Рассказ №12
Асиман А. Сказки. Пер. Мамедова Н. №1
Аскеров Ф. Рассказы. №6
Бабаева Ф. Байки Дома Художников. №8
Багирова Л. Рассказы. № 4
Багирова Н. Рассказы. №10-11
Бакуви А. Роман. Ангел любви. Пер. Мамедова Н. №10-11
Берколайко М. Лунные затмения. Повесть. № 3; Покой Маргариты и мастера.
№6
Бон Ф. «Луна в колодце». Пер. Агамамедовой Г. №6
Велиев Ф. Строки из дневника. №7
Гаджиев Т. Метель. Рассказ. №8
Гидаят. Горящая в Иреване лампа. Пьеса. Пер. Саидова А. №9;
Гросс М. Эссе и рассказы. №5
Давыдов П. Мы не хуже. Юмореска. №5
Джафарли Г. Рассказы. №5
Джафарли М. Ожидающий. Рассказ. №7; Америка. Рассказ № 12
Жданов А. Мектуб, китаб, катиб. Рассказ. № 3
Измайлова Д. Люди и тени... Повесть. №8
Исабейли Г. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №8
Кавказские очерки Владислава Стцельницкого. №7
Колмановский С. Гасанбала. № 3
Лачин. Демон а капелла. № 2, Крещение вином. № 4, Девять кругов борода-
того Данте. №5
Ломовцев А. Рассказы. №7
Мамедова Ф. Новеллы. №7
Манафов Ш. Я должен убить Чеснока. Рассказ. № 12
Мансуров А. Грозный дракон. (Глава из романа «Подкладка изнанки ада!..»)

- Мовсум Р.** Грустная история трех братьев. Пер. Султан С. №1
Мустафа Ф. Подвал на крыше. Пьеса. № 12
Мустафазаде Р. Мегамозг. Рассказ. № 2
Мустафа-заде М. Мой брат – инопланетянин. Юмореска. №6
Намаз А. Футляр для гаджета. Юмореска. №8
Парвин. Рассказы. №3
Расулзаде Н. Игра в покер. Повесть. №9
Рафили Х. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №6
Рустамли Т. Наедине со Звездами. №5
Рустамханлы С. Последнее слово академика. Роман. №№1,2
Смирнов М. Горечь полынная. Рассказ. №6
Тагиев М. Рассказы. № 4
Таривердиева Л. Наши горы. Повесть. № 4; Эксперимент. Повесть № 12
Шаулов С. Дневник неандертальца №6
Шафиев М. Рассказы. № 2; Дырявая корзина, полная тьмы. Дзуйхицу. № 4;
 Про Еремея. №8
Шен П. Странный случай с месье Бонневалем. Рассказ. Пер. Джафарова Т.
 №10-11
Эльдарова М. Миниатюры. № 3

ПОЭЗИЯ

- Азиз З.** Стихи. №5
Алия. Стихи. №7
Бадалбейли Т. Стихи. №8
Багирова Л. Стихи. № 12
Булатова Г. Поэтические переводы с татарского: Стихи. №8
Галеев С. Стихи. №5
Гальперин В. Стихи. №1
Гасымова З. Стихи. № 4
Ерофеев И. Стихи. №9
Зейналлы И. Стихи. № 3
Жадан С. Стихи. Пер. Лачина. №№1, 3, 6, 7, 8, 9, 10-11
Каракмазли Д. Стихи. №7
Мамедова Е. Стихи. №7
Мамедов Р. Стихи. №6
Махмудоглу Р. Стихи. Пер. Талыбовой А. №5
Озерная И. Стихи. №3
Платин. Стихи. № 2
Слуцкий В. Стихи. №4
Раджабов С. Дочь палача. Проза в стихах. № 2
Рафик кызы А. «С каждой осенью я все мудрей и моложе» № 3
Русские поэты о Баку. Стихи. №5
Свердлова Мария-Алиса. Стихи. №6
Сырыщева Т. Стихи. №8
Тагиев Э. Стихи. №4
Шафиев М. Пародии. № 2
Щетинкина Е. Стихи. №5
Эфенди А. Стихи. № 12

ПУБЛИЦИСТИКА

- Агамамедова Г.** Деградация. Дети и старики. Эссе. № 2; Двойной стандарт. Эхокамера. № 4
- Алекберли Ф.** Гусейн Байкара – диссидент по призванию. № 2
- Ахундова Э.** Счастливые годы моей жизни. 90-летию Союза Писателей Азербайджана посвящается. №5
- Багирова Л.** Второй Первый. № 3; Два эссе. №6
- Бадалов Т.** Искусство – это только «Как...каким образом». № 3
- Байкара Г.** Культура Азербайджана в период ханств. №9
- Беженару Л.** От молчания к смирению. №8
- Верховский М.** Эссе. № 4; Сага о неизвестном Скульптуре. №5; Баксовет при Лемберанском. №7; Феномен. № 12
- Гальперин В.** Воспоминания из прошлого с послесловием. №1
- Гамзаев М.** Баку-Вильнюс: судьбоносные январские события на пути **свободы**. №1; Винчас Креве – писатель, дипломат и гуманист. №3
- Гросс М.** Азербайджан. Великая страна. Великие имена. №6
- Даими Т.** Живопись ощущений. № 2; Куклы?.. №6
- Джаваншир Л.** Музыка Франгиз Ализаде. №7
- Джафарзаде Ф.** О том, оправдывает ли цель средства. № 3
- Каракмазлы Д.** Золотая долина Араза. Эссе. №7
- Кудияновас Л.** Полная творчества общность, презревшая расстояния. №6
- Лачин.** Размышления о... № 12
- Мамедов Н.** Единство и многообразие тюркской культуры. №1
- Манафов Ш.** Почему армяне не возвращаются в Ханкенди. № 4; К вопросу об актуальности академика Азада Мирзаджанзаде. №7. Баку – это город, которому есть что предложить. № 12.
- Меликов И., Опанасюк Л.** С заботой о человеке в себе! № 4
- Мустафаев Н.** Низами Гянджеви – символ межкультурного взаимодействия. №5
- Намаз А.** О несозданном. Эссе. №6
- Намазов О.** Метафизика денег. № 12
- Панин В.** Тонкий запах. №6
- Тагисой Н.** Кемель Токаев – основатель детективного жанра в казахской литературе. №4; Взгляд на творчество Галимджана Ибрагимова. №8
- Ханджанбекова Ф.** Даниил Дондурей: «В Баку действительно присутствует мультикультурность». № 12
- Хакимов А.** Нашествие книжных пришельцев. №5; Красная рука российского кино. №9
- Хмеловска Д.** Творчество Рафаила Тагизаде в польской литературной критике. Пер. Абдуллабейли Г. № 2
- Шафиева-Игнатова А.** Из истории жизни и творчества поэта и переводчика Иосифа Оратовского. №8
- Шафиев М.** «Что мне делать с моей журавлиной тоской?» №8
- Эфендиева И.** Слово о сокровенном друге. №1
- Эфендиева И., Ахмедова М.** Родная земля – мое вдохновение и могучая сила. №10-11